

ДЕШЕВАЯ

В. ШЕКСПИРЪ

ГАМЛЕТЪ

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

Н. А. ПОЛЕВОГО

Съ дополненіями и вариантами по другимъ переводамъ

ИЗДАНІЕ 4-Е

Изданіе А. С. СУВОРИНА

1-е изд. печ. въ колич.	5,200 экз.	(1— 5,200)
2-е » » » »	10,000 »	(5,201—10,200)
3-е » » » »	10,000 »	(15,201—20,200)
4-е » » » »	10,000 »	(20,200—30,200)

7

ГАМЛЕТЪ
ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ

— * / —
ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

ВИЛЛИАМА ШЕКСПИРА

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО
Н. А. ПОЛЕВОГО

Съ дополненіями и вариантами по переводамъ Вронченко, Кроненберга, Кетчера и Соколовскаго и характеристиками Гамлета—Гёте, Шлегеля, Джонсона, Кольриджа, Мезьера и др.

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 2 МАЯ 1893 Г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., 13.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Гамлетъ»—у насъ наиболѣе популярная и наиболѣе любимая пьеса Шекспира *). Русская публика познакомилась съ ней по переводу Н. А. Полевого, а удивительная игра Мочалова, разбору которой у Бѣлинскаго посвящены краснорѣчивыя страницы, содѣйствовала укрѣпленію этой трагедіи на сценѣ. Переводъ Полевого не точенъ и не полонъ, но онъ прекрасно примѣненъ къ сценѣ. Слѣдуетъ ли примѣнять къ сценѣ трагедіи Шекспира—теперь всѣмъ не вопросъ даже: никто уже не споритъ о томъ, что пьесы Шекспира будто бы необходимо давать въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ написаны. Уже Гёте, въ романѣ своемъ «Вильгельмъ Мейстеръ», рѣшалъ этотъ вопросъ въ смыслѣ необходимости примѣнять Шекспира къ условіямъ современной сцены, и съ того времени взглядъ этотъ утвердился. Поле-

*) Виліамъ Шекспиръ, великій англійскій поэтъ, родился въ маленькомъ городѣ Страдфордѣ-на-Авопѣ 23 апр. 1564 г., умеръ въ 1616 г., въ день своего рожденія.

вой, какъ мы сказали, необыкновенно сценично сдѣлалъ свой переводъ; многія слова и выраженія сдѣлались намъ такъ же близки, какъ цитаты изъ «Горе отъ ума» и «Ревизора», напр., «женщины—ничтожество вамъ имя», «за человѣка страшно мнѣ» и проч., хотя въ подлинникѣ этихъ фразъ или нѣтъ, или онѣ переиначены. «За человѣка страшно мнѣ» — этой фразы нѣтъ у Шекспира, но она въ сокращенномъ видѣ прекрасно и сильно передаетъ тѣ нѣсколько строкъ въ подлинникѣ, которыя выражаютъ собою состояніе души Гамлета.

Мы, однако, не ограничиваемся перепечаткою перевода Полевого: въ концѣ книги мы возстановляемъ всѣ пропуски, сдѣланные Полевымъ ради сценическихъ условій, по переводамъ Вронченко, Кетчера, Кронеберга и Соколовскаго, и, кромѣ того, нѣкоторые монологи («Быть или не быть» и др.) и цѣлыя сцены воспроизводимъ, для сравненія, по нѣсколькимъ переводамъ.

Вслѣдъ за «Гамлетомъ» мы напечатываемъ точно такимъ же образомъ «Короля Лира», «Отелло» и нѣкоторыя другія пьесы Шекспира.

Какъ была создана Шекспиромъ трагедія «Гамлетъ» и въ какомъ году?

Легенда объ Амлетѣ, или Гамлетѣ, въ первый разъ встрѣчается въ «Исторіи Даніи», написанной полатыни Саксономъ Грамматикомъ, уроженцемъ Эльсинора, въ концѣ XII-го столѣтія, но напечатанной

только въ 1515 г. Около пятидесяти лѣтъ послѣ изданія этой исторіи французъ Бельфоре въ собраніи повѣстей, вышедшихъ подъ заглавіемъ «Трагическія исторіи» (Histoires Tragiques), помѣстилъ и «Исторію о Гамлетѣ», заимствовавъ ее изъ Саксона Грамматика, при чемъ онъ выпустилъ нѣсколько грубыхъ и нелѣпыхъ подробностей и прибавилъ кое-что свое. Полный англійскій переводъ этихъ «Исторій» вышелъ въ 1596 г., но отдѣльные рассказы были распространены въ публикѣ еще ранѣе и между ними «Исторія о Гамлетѣ». Правда, дошедшій до насъ экземпляръ этой повѣсти относится къ 1608 г., но полагаютъ обыкновенно, что она появилась раньше. Если эта «Исторія» была единственнымъ источникомъ, изъ котораго Шекспиръ почерпнулъ матеріалъ для созданія «Гамлета», то всѣ достоинства этой удивительной трагедіи составляютъ его неотъемлемую собственность. Одинъ изъ комментаторовъ Шекспира замѣчаетъ, что «ни одно изъ выраженій повѣствованія «Исторіи» не вошло въ произведеніе Шекспира, за исключеніемъ того, когда Гамлетъ, прокалывая занавѣсъ и убивая Полонія, восклицаетъ: «Мышь, мышь!» Но изъ нѣкоторыхъ намековъ старыхъ писателей, кажется, можно заключить, что, прежде чѣмъ Шекспиръ дожилъ до 24-хъ-лѣтняго возраста, «исторія о Гамлетѣ» была передѣлана въ драму, въ которой являлся духъ отца Гамлета; поэтому Шекспиръ могъ скорѣе чтонибудь заимствовать изъ этой драмы, чѣмъ изъ исторической датской легенды, въ которой нѣтъ и помину о

духъ. Колльеръ въ своемъ изданіи «Шекспира» говоритъ: «Мы не имѣемъ права рѣшительно утверждать, отличалась ли чѣмъ эта драма отъ датской легенды и насколько Шекспиръ могъ воспользоваться этой драмой». Есть критики, которые эту драму считаютъ первоначальной редакціей Шекспировскаго же «Гамлета».

По всѣмъ вѣроятіямъ, «Гамлетъ» былъ написанъ Шекспиромъ не позже 1602 г. и не ранѣе 1589 г., когда поэту было только 25 лѣтъ. Во всякомъ случаѣ первое изданіе этой трагедіи было въ 1603 г.; существуетъ всего два экземпляра этого изданія: одинъ былъ найденъ въ 1825 г. и купленъ за 250 фунт. стерл. (2,500 р.) герцогомъ Девонширскимъ, другой находится въ Британскомъ музеѣ. Это изданіе называется «воровскимъ», ибо оно воспроизводило «Гамлета» въ той редакціи, которая во время появленія этого изданія была уже брошена Шекспиромъ и существовала уже тотъ «Гамлетъ», который извѣстенъ намъ теперь. Вслѣдствіе этого въ 1604 г. появилось новое изданіе «Гамлета», сообразно послѣдней и окончательной отдѣлкѣ пьесы Шекспиромъ. Отъ этого изданія сохранилось всего 3 экземпляра.

Литература о Шекспирѣ огромная. Перечень изданій его книгъ и статей о немъ и о его пьесахъ занимаетъ въ изданіи «Shakespeareiana» 1872 г. 118 страницъ большого формата и убористаго шрифта. Но ни одна пьеса Шекспира не создала такой литературы, какъ «Гамлетъ». Цѣлая масса книгъ, бро-

шюръ и статей написана на всѣхъ языкахъ о «Гамлетѣ», болѣе всего, кажется, на нѣмецкомъ языкѣ, такъ какъ въ Германіи, какъ и у насъ, пьеса эта любимая. Чуть не каждый стихъ подвергся толкованіямъ. Мы, разумѣется, можемъ указать только на нѣкоторыя изслѣдованія, отрывки изъ которыхъ приводимъ ниже; ничего не беремъ изъ Гервинуса, такъ какъ его сочиненіе о Шексперѣ достаточно извѣстно въ русскомъ переводѣ. Замѣтимъ, что во всѣхъ пьесахъ Шекспира сосчитано число стиховъ разныхъ стопъ, съ римами и безъ рима, число строкъ и прозы и пр. Въ «Гамлетѣ» всѣхъ строкъ прозы и стиховъ—2068, въ томъ числѣ прозы 509 строкъ, бѣлыхъ стиховъ 1462, римованныхъ пятистопныхъ 54, короткихъ римованныхъ 43 и проч. Въ русской литературѣ мало работъ о Шекспирѣ вообще и о «Гамлетѣ» въ особенности. Есть небольшія изслѣдованія Тимофеева и Ярославцева, статья Тургенева «Гамлетъ и Донъ-Кихотъ», статья Гнѣдича о постановкѣ «Гамлета» въ «Русск. Вѣстн.» 1882 г., апрѣль, и нѣкоторыя другія.

Мнѣнія разныхъ авторовъ о «Гамлетѣ».

Во главѣ всѣхъ мнѣній о «Гамлетѣ» необходимо поставить мнѣніе Гёте, высказанное имъ въ «Вильгельмѣ Мейстерѣ». Труппа актеровъ собирается поставить «Гамлета» и члены ея, собираясь вмѣстѣ, толкуютъ о постановкѣ и характерахъ пьесы. Слѣдую-

шее мнѣніе о характерахъ Гамлета и Офеліи вложено великимъ нѣмецкимъ поэтомъ въ уста своего героя, Вильгельма Мейстера:

«Представьте себѣ принца. Отецъ его умираетъ. Его не тревожитъ ни честолюбіе, ни властолюбіе: онъ довольствуется своимъ положеніемъ принца, королевича; и вдругъ онъ вынужденъ обратить вниманіе на то разстояніе, которое отдѣляетъ короля отъ подданнаго. Право на корону не было наслѣдственнымъ, но все же, еслибы отецъ его прожилъ подольше, то права и надежды его единственнаго сына на корону получили бы, конечно, болѣе возможности упрочиться. А между тѣмъ онъ видитъ, что его дядя, несмотря на его кажущіяся обѣщанія, можетъ быть, навсегда исключаетъ его отъ престолонаслѣдія; и онъ вдругъ почувствовалъ себя лишеннымъ и надежды, и имущества, и чуждымъ всему, что онъ отъ ранней юности привыкъ считать своею исконною собственностью. Тутъ характеръ его получилъ впервые грустное настроеніе. Онъ почувствовалъ, что онъ не болѣе, даже менѣе cadaго изъ дворянъ; онъ принужденъ заискивать во всѣхъ; онъ не просто ласковъ и снисходителенъ со всѣми, — нѣтъ, онъ даже опустился и сталъ жалокъ. На прошедшее состояніе свое смотрѣлъ онъ не иначе, какъ на исчезнувшее сновидѣніе. Напрасно дядя старается его развеселить, выставляя ему положеніе его съ другой стороны: сознаніе ничтожества не покидаетъ его.

«Второй ударъ, поразившій его, оскорбилъ его еще болѣе и еще болѣе придавилъ его; то было за-

мужество его матери. У него, какъ у преданнаго и нѣжнаго сына, по смерти отца, еще оставалась мать; онъ надѣялся, что будетъ вмѣстѣ съ нею почитать память почившаго героя; но и мать свою онъ тоже теряетъ, и эта потеря для него чувствительнѣе, нежели еслибы смерть похитила ее у него. Пропадаетъ въ немъ то довѣріе, съ которымъ каждый благовоспитанный ребенокъ относится къ родителямъ своимъ; и отъ покойнаго отца не можетъ онъ ждать себѣ помощи, и у живой еще матери не можетъ искать себѣ опоры: она для него является тоже только женщиною, и подъ общимъ именемъ ничтожности, которое онъ даетъ всѣмъ женщинамъ, онъ разумѣетъ и ее.

«Только тутъ впервые онъ чувствуетъ себя униженнымъ и вполнѣ осиротѣлымъ, и ужъ никакое счастье въ свѣтѣ не можетъ замѣнить ему утраченнаго имъ. Непечальный и незадумчивый отъ природы, онъ несетъ на себѣ печаль и задумчивость, какъ тяжкую ношу.

«Вообразите себѣ этого принца, этого королевича, какъ можно живѣе, представьте себѣ его положеніе и наблюдайте за нимъ послѣ того, когда онъ узнаетъ, что тѣнь его отца стала являться. Представьте себя около него въ ту ужасную ночь, когда почтенная тѣнь сама является передъ его очами. Неслыханный ужасъ овладѣваетъ имъ; онъ начинаетъ говорить съ дивнымъ видѣніемъ, видитъ, что оно его манитъ вслѣдъ за собою, слѣдуетъ за нимъ и слышитъ... ужаснѣйшее обвиненіе противъ дяди

раздается въ ухахъ его, онъ слышитъ воззваніе къ отмщенію и настоятельно повторяемую просьбу: «помни обо мнѣ!»

«И когда духъ исчезъ, кого же мы передъ собою видимъ? Молодого ли героя, воспламененнаго враждою мщенія? прирожденнаго ли принца, который считаетъ за счастье для себя возможность выступить противъ похитителя его короны?—Нѣтъ. Смущеніе и изумленіе овладѣваютъ одинокимъ принцемъ; онъ, желчно высказывается противъ улыбающихся злодѣевъ, клянется не забывать усопшаго и заканчиваетъ весьма многозначительнымъ сожалѣніемъ:

«— Время вышло изъ колеи своей. Горе мнѣ, рожденному для того, чтобы снова заставить его идти прежнею колеєю!» Въ этихъ словахъ, какъ мнѣ кажется, находимъ мы объясненіе всего поведенія Гамлета, и мнѣ становится ясно то, что Шекспиръ хотѣлъ изобразить: великое дѣло, возложенное на человѣка, которому не дано отъ природы силъ къ совершенію его. И этотъ-то именно смыслъ и проникаетъ, какъ я вижу, всю пьесу. Дубъ посаженъ въ дорогую вазу, въ которой бы слѣдовало расти только милымъ цвѣточкамъ. Корни дуба распространяются во всѣ стороны—и ваза разсыпается въ дребезги.

«Прекрасное, чистое, благородное, въ высшей степени нравственное существо, не обладая нравственными силами героя, падаетъ подъ тяжестью, которой оно ни снести, ни сбросить съ себя не можетъ; всякая обязанность для него свята, но эта—ужь

черезчуръ обременительна. Отъ него требуютъ невозможнаго, не по существу своему, а только для него невозможнаго. И вотъ онъ путается, изворачивается, пугается, то дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ, то нѣсколько шаговъ назадъ; а между тѣмъ все напоминаетъ ему о его обязанности, онъ самъ напоминаетъ себѣ о ней, и наконецъ, даже почти позабывъ о своемъ намѣреніи, все же не возвращается къ своему прежнему веселью!

«Объ Офеліи говорить много не приходится: весь ея характеръ заключается въ немногихъ мастерски набросанныхъ чертахъ. Все существо ея служить выраженіемъ сладостнаго, вполне созрѣвшаго чувственнаго стремленія. Ея склонность къ принцу, на руку котораго она можетъ до нѣкоторой степени рассчитывать, высказывается такъ сильно, доброе сердце ея до такой степени предается влеченію своему, что и отецъ, и братъ ея—оба опасаются, оба одновременно и даже довольно круто предостерегаютъ ее. Приличія также настолько же не помогаютъ ей скрыть ея сердечнаго влеченія, насколько легкой флеръ не можетъ скрыть трепета ея дѣвственной груди — необходимость соблюдать приличія даже еще болѣе выдаетъ Офелію. Ея воображеніе настроено, тихая нѣжность ея дышетъ пламеннымъ желаніемъ, и стоитъ только услужливой богинѣ «Случайности» тряхнуть деревцомъ, чтобы плодъ тотчасъ же свалился съ него. Когда она видитъ себя покинутою, отвергнутою и осмѣянною, когда въ душѣ ея безумнаго любовника все переворачивается вверхъ

дномъ, и онъ ей, вмѣсто кубка любви, подноситъ горькій кубокъ страданій—тогда сердце ея разрывается, всѣ основы ея существованія поколеблены; а тутъ еще на нее же обрушается смерть ея отца, и прекрасное зданіе это разрушается окончательно».

Нѣмецкій критикъ Эльце, написавшій біографію Шекспира и много отдѣльныхъ статей объ его произведеніяхъ, такъ резюмируетъ взгляды нѣмецкой критики на Шекспира:

«Со временъ Гёте Шекспировскому Гамлету пришлось пройти въ Германіи черезъ двѣ стадіи литературнаго развитія—стадію романтической поэзіи и эстетики (Шлегель, Тикъ, Зольгеръ и т. д.) и стадію философской критики (Гегель, Гансъ, Ульрици и т. д.); впрочемъ, онъ раздѣлялъ эту участь со всѣми остальными трагедіями Шекспира, при чемъ не занималъ такого выдающагося положенія, благодаря которому стоило отдѣлать его исторію отъ исторіи всѣхъ вообще твореній Шекспира. Романтикамъ (Шлегелю) мы обязаны, какъ извѣстно, нашимъ переводомъ Шекспира, далеко оставившимъ позади всѣ другіе переводы и сдѣлавшимъ Шекспира нѣмецкимъ классикомъ. Но и сочиненіями своими по эстетикѣ эти авторы чрезвычайно много способствовали болѣе полному и глубокому пониманію великаго англійскаго драматурга. Въ этомъ отношеніи важная заслуга принадлежитъ лекціямъ Шлегеля о драматическомъ искусствѣ и литературѣ. Шлегель

говорить о Шекспирѣ съ глубокимъ знаніемъ и величайшимъ восхищеніемъ. «Гамлета» онъ находитъ единственнымъ въ своемъ родѣ; онъ называетъ его трагедіей мыслей, внушенной непрерывнымъ и неудовлетвореннымъ размышленіемъ о человѣческихъ судьбахъ, о мрачной путаницѣ міровыхъ событій, и предназначенной вызвать именно такое же размышленіе въ зрителяхъ. Онъ сравниваетъ Гамлета съ тѣми ирраціональными уравненіями, гдѣ всегда остается дробь неизвѣстныхъ величинъ, которую никакимъ образомъ нельзя разрѣшить. Нерѣшительная осторожность, коварная измѣна, пылкая ярость — все здѣсь одинаково идетъ на встрѣчу гибели, и виновные и невинные захватываются общей катастрофой. Судьба человѣчества является тамъ въ видѣ исполинскаго сфинкса, грозящаго увлечь въ бездну сомнѣнія всякаго, кто не въ состояніи разрѣшить ея страшной загадки». (Shakespeare's Hamlet. Herausg. von Karl Elze. Leipzig. 1867).

Strachey, англійскій критикъ, говоритъ:

«Гамлетъ—единственный сынъ короля Даніи въ тотъ періодъ ея исторіи, когда она была могущественной державой въ военномъ отношеніи, боровшейся съ Англіей на морѣ, съ Польшей на сушѣ, а съ Норвегіей на морѣ и на сушѣ, когда короли, несмотря на право наслѣдственности, часто смѣнялись и избирались и когда наслѣдникъ престола долженъ былъ заботиться о томъ, чтобъ выказывать свои способности

и талантъ въ глазахъ народа. Выказывать эти способности нужно было не въ одномъ военномъ дѣлѣ, потому что нація была уже на нѣкоторой степени цивилизаціи и должна была поддерживать свое достоинство настолько же политикой, насколько и оружіемъ. И въ самомъ дѣлѣ, войны, договоры, государственный совѣтъ, суды, церковные обряды, театры, извѣстное развитіе простаго народа, воспитаніе знатныхъ молодыхъ людей, кончавшихъ курсъ въ германскихъ университетахъ или во французской столицѣ—все это доказываетъ, что Данія была въ полномъ ходу національнаго развитія, подобномъ тому, въ которомъ находилась Англія при жизни Шекспира.—Существовало ли когда нибудь въ дѣйствительности такое общественное положеніе Даніи—вопросъ не важный, ибо одно изъ неотъемлемыхъ правъ романтической драмы заключается въ томъ, что она свободна отъ законовъ времени и мѣста и, несмотря на то, что сюжетъ драмы взятъ изъ дѣйствительной жизни, фантазія поэта можетъ измѣнить его сообразно законамъ творчества.

«Наши критическія изслѣдованія о Гамлетѣ могутъ быть сведены къ двумъ первоначальнымъ источникамъ—Гёте и Кольриджу. Гёте, по своему обыкновенію, высказываетъ свои мысли съ необыкновенной ясностью, каждое слово его исполнено смысла и безстрастнаго, спокойнаго созерцанія: онъ какъ будто разсматриваетъ Гамлета извнѣ. Кольриджъ, напротивъ, разсматриваетъ его какъ бы изнутри, и результатъ показываетъ преимущество его метода.

Сущность анализа Кольриджа заключается въ слѣдующемъ:

«Я полагаю, говорить онъ, что характеръ Гамлета есть слѣдствіе глубокихъ и точныхъ свѣдѣній Шекспира въ философіи разума. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ характеръ долженъ былъ имѣть связь съ основными законами нашей природы, чтобъ Гамлетъ сдѣлался любимцемъ каждой страны, куда только англійская литература проникала. Для того, чтобы постигнуть Гамлета—необходимо разсмотрѣть состояніе нашего собственнаго ума. Человѣкъ отличается отъ животнаго въ той степени, въ какой его мысль преобладаетъ надъ чувствами; въ здоровомъ процессѣ ума равновѣсіе постоянно поддерживается между наплывомъ внѣшнихъ впечатлѣній и внутренними дѣйствіями ума; если перевѣсъ окажется на сторонѣ мыслительной способности, то вслѣдствіе этого въ человѣкѣ является преобладающимъ свойствомъ—размышленіе, и способность къ дѣйствию уменьшается. Замѣтимъ, что одинъ изъ пріемовъ Шекспира создавать характеры заключается въ томъ, что онъ воображалъ какую нибудь нравственную или интеллектуальную способность человѣка въ болѣзненно-напряженномъ состояніи и этого человѣка проводилъ сквозь строй данныхъ обстоятельствъ. Въ Гамлетѣ онъ, кажется, хотѣлъ пояснить примѣромъ нравственную необходимость должнаго равновѣсія между нашимъ воспріятіемъ впечатлѣній внѣшняго міра и созерцаніемъ дѣйствій нашего ума,—должнаго равновѣсія между міромъ реальнымъ

и воображаемымъ. Въ Гамлетѣ это равновѣсіе нарушено: его мысли и образы его фантазіи гораздо ярче дѣйствительныхъ ощущеній, его истинныя ощущенія, проходя черезъ строй его мышленія, пріобрѣтали форму и окраску, несвойственныя имъ въ дѣйствительности. Отсюда мы замѣчаемъ въ Гамлетѣ большую, почти чудовищную умственную дѣятельность и, соразмѣрно этому, отвращеніе отъ активной дѣятельности со всѣми обычными симптомами и послѣдствіями. И такой-то характеръ Шекспиръ ставитъ въ положенія, гдѣ онъ принужденъ дѣйствовать рѣшительно и быстро. Гамлетъ не страшится смерти, но онъ дрожитъ отъ чувствительности, медлитъ въ безконечныхъ размышленіяхъ и теряетъ способность поступать энергично. Такимъ образомъ эта трагедія представляетъ полный контрастъ съ трагедіей «Макбетъ»: въ одной драма развивается постепенно, съ крайней медленностью, — въ другой — съ быстрой и, такъ сказать, съ задыхающею скоростью.

«Картина этого перевѣса силы воображенія прекрасно изображается вѣчнымъ выслѣживаніемъ и чрезмѣрной дѣятельностью ума Гамлета, который, будучи выбитъ изъ колеи здороваго мышленія, исключительно занятъ внутреннимъ міромъ и совершенно отвлеченъ отъ міра внѣшняго; призраки и фантазіи онъ облакаетъ въ плоть, а все дѣйствительно существующее покрыто для него непроницаемою мглой. — Неопредѣленность лежитъ въ природѣ мышленія — опредѣленность составляетъ принадлежность внѣшнихъ образовъ. Поэтому представленіе о возвышен-

ности предметовъ является у насъ не вслѣдствіе чувственнаго воспріятія внѣшнихъ образовъ, а вслѣдствіе отвлеченнаго размышленія о нихъ. Рѣдко кто, видя въ первый разъ прославленный водопадъ, не испытываетъ нѣкотораго разочарованія; красоту явленія онъ постигаетъ только тогда, когда оно всецѣло проникаетъ въ его умъ и по ассоціаціи идей вызоветъ цѣлый рядъ величественныхъ представленій. — Гамлетъ испытываетъ нѣчто подобное. Его чувства постоянно болѣзненно напряжены, и на предметы внѣшняго міра онъ смотритъ, какъ на іероглифы. Его монологъ «О, еслибъ крѣпко созданное тѣло» проникнуть страстнымъ стремленіемъ къ непостижимому, чего постигнуть нѣтъ возможности, но къ чему постоянно стремится умъ генія.

«Думая разбить цѣпи, онъ только опутываетъ себя ими, медлитъ дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока дѣйствіе становится уже бесполезнымъ, и умираетъ жертвой обстоятельствъ и случайности» (Coleridge, *Literary Remains*).

«Этотъ тонкій взглядъ на характеръ Гамлета не нуждается въ моихъ комментаріяхъ и считается по сію пору лучшей характеристикой Гамлета. Но хотя Кольриджа поддерживаютъ Шлегель, Гёте и всѣ извѣстные комментаторы въ его утвержденіи, что Гамлетъ «медлитъ дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока дѣйствіе становится уже ненужнымъ, и умираетъ жертвою обстоятельствъ и случайности» — однако же я не рѣшаюсь помириться съ такимъ заключеніемъ.

«Чувствуя, насколько самонадѣянно съ моей сто-

роны возстать противъ такихъ авторитетовъ, я все же рѣшаюсь предположить, что Гамлетъ, будучи совершенно такимъ характеромъ, какимъ изобразилъ его Кольриджъ,—въ концѣ концовъ беретъ верхъ надъ главнымъ недостаткомъ своего характера и умираетъ не жертвой, а мученикомъ, побѣждая то зло, отъ котораго онъ умираетъ. Я полагаю также, что въ этомъ заключается основная мысль трагедіи и что Шекспиръ имѣлъ цѣлью не только пояснить примѣромъ нравственную необходимость должнаго равновѣсія между нашими воспріятіями извнѣ и дѣятельностью нашего ума и изобразить печальную судьбу жертвы «недостатка этого перевѣса», но и нѣчто болѣе возвышенное, болѣе нравственное, болѣе практическое, болѣе англійское—хотѣлъ показать, какъ хорошій человѣкъ можетъ одержать побѣду, хотя бы и черезъ смерть, надъ однимъ изъ самыхъ злѣйшихъ враговъ своихъ—надъ болѣзню внутренней жизни, предательски сговорившейся съ обстоятельствами, чтобы погубить его» (Strachey's Analysis of Hamlet).

—

Слова д-ра Конолли:

«Монологъ: «О, еслибъ крѣпко созданное тѣло», гдѣ Гамлетъ въ первый разъ высказывается вполнѣ, привлекаетъ особенное вниманіе тѣхъ, которые слѣдятъ съ живымъ интересомъ во время игры за состояніемъ духа Гамлета. Здѣсь ясно изображено состояніе его ума и уже существующее смятеніе его души, доходящее до болѣзненности. Его разсудокъ

настойчиво занять одной мыслью; неприличная женитьба его дяди на его матери завладѣла всѣмъ его вниманіемъ. Болѣзненное состояніе его духа зашло уже слишкомъ далеко: онъ потерялъ всѣ свои радости и веселость; онъ утомленъ привычками и занятіями свѣта, онъ усталъ жить. Въ это время онъ ничего не слышалъ еще о появленіи духа своего отца и никакое подозрѣніе объ убійствѣ не могло придти ему въ голову; но онъ и теперь уже смущенъ и потрясенъ такъ сильно, что его рассудокъ близокъ къ разстройству. Объясненія этому, кажется, должно искать въ его исключительномъ положеніи. Онъ окончилъ образованіе и проводитъ время въ праздности, онъ много размышляетъ и ничего не дѣлаетъ, событія возмущаютъ его, но не побуждаютъ дѣйствовать. На дворъ и придворныхъ онъ не обращаетъ вниманія; государству угрожала неминуемая опасность, онъ даже не шевельнулся; оскорбляютъ его собственную особу, онъ раздражается только страстными монологами, и желаніе отдѣлаться отъ жизни не оставляетъ его. Гамлетъ много читалъ и размышлялъ, проводилъ пріятные часы съ Офеліей и жилъ по большей части въ очарованномъ кругу фантазіи и чувства. Его уму недоставало того качества здороваго мозга или рассудка, которое можно назвать эластичностью; обладай онъ этимъ качествомъ, всѣ превратности и случайности переменчивой судьбы переносились бы имъ безъ особаго ущерба и съ должной стойкостью» (D-r Conolly's Study of Hamlet).

Слова Рида:

«Гамлетъ мимоходомъ намекаетъ своимъ друзьямъ о «желаніи представлять изъ себя помѣшаннаго» и приводитъ это намѣреніе въ исполненіе; отсюда критики заключаютъ, что все его безуміе притворно. Другіе, напротивъ, подмѣчая черты его страннаго поведенія, говорятъ, что онѣ не могутъ быть объяснены иначе, какъ тѣмъ, что датскій принцъ дѣйствительно сошелъ съ ума. Но человѣческій умъ не такой простой механизмъ, и Шекспиръ слишкомъ хорошо зналъ это, чтобы обходиться съ нимъ такимъ образомъ. Истина, насколько я могу судить о столь важномъ предметѣ, заключается, кажется, въ томъ, что вслѣдствіе различныхъ вліяній умъ Гамлета былъ въ состояніи крайней воспримчивости и неестественнаго возбужденія и затѣмъ сильно потрясенъ сверхъестественнымъ явленіемъ духа отца. Это видимое и слышимое общеніе съ мертвецомъ такъ потрясло всѣ его нравственныя силы, всѣ силы души, что онъ вдругъ почувствовалъ самъ, что владычество его разума находится въ большой опасности, и это сознаніе—боязнь лишиться разсудка,—внушило его дѣятельному уму мысль притвориться сумасшедшимъ—стать въ такія условія, которыя доставили бы ему большую свободу и въ то же время дали бы ему возможность слѣдить за собой и управлять своимъ разсудкомъ съ обычной ему интеллектуальной силой. Отсюда слѣдуетъ, что въ умѣ Гамлета разстройство существовало и умственное потрясеніе его разсудка представляло нѣчто большее, чѣмъ то, ко-

торое у него обнаруживалось; но если этотъ вопросъ о безуміи неизбѣжно влечетъ за собой вопросъ о томъ, потерялъ ли разсудокъ Гамлета власть надъ его волею, то, конечно, отвѣтъ можетъ быть только отрицательный» (Reed's lectures on tragic Poetry. Ридъ).

Слова Гензе:

«Королевскій сынъ, Гамлетъ, является предъ нами не какъ государственный человѣкъ, призванный царствовать, который, убѣдившись и узнавъ отъ духа отца своего, что все пришло въ упадокъ въ государствѣ Даніи, — принимается за дѣло, чтобы помочь злу; нѣтъ, онъ съ особенною любовью погружается въ область размышленія и мечтаній; это по преимуществу ученый, — онъ получилъ образованіе въ Виттенбергѣ и охотнѣе всего вернулся бы туда; онъ усвоилъ много изреченій изъ книгъ и можетъ цитировать на память цѣлыя страницы изъ драмъ. Онъ ведетъ записныя книги съ ученой цѣлью, онъ знатокъ въ драматической поэзіи, онъ даетъ актерамъ указанія и совѣты, дѣлающіе честь его тонкому эстетическому вкусу. Не менѣе того любитъ онъ примѣнять свои идеи и размышленія къ обстоятельствамъ жизни и нравственности; онъ выражаетъ свои наблюденія въ замѣчаніяхъ, поражающихъ психологической глубиной и пытливостью ума. Гамлетъ восторженнѣйшій любитель драматической поэзіи; онъ понимаетъ ее въ высшемъ смыслѣ и убѣжденъ, что она должна имѣть высокое нравственное вліяніе; онъ это и высказываетъ въ часто цитируемомъ мѣстѣ о

задачахъ театральнаго искусства (3 актъ, 2 сцена). Онъ даже самъ не лишенъ актерскаго таланта и склонности къ сценѣ, этимъ объясняется роль мнимаго сумасшедшаго, которую онъ беретъ на себя и играетъ съ какимъ-то горькимъ удовольствіемъ. Силы фантазіи въ немъ могущественнѣе, нежели склонность къ практической жизни; жить своей внутренней жизнью для него бѣльшая потребность, нежели дѣйствовать: душа его настроена лирически и его поэтически-фантастическое дарованіе во всей полнотѣ сказывается въ монологахъ. Нѣтъ ни одного дѣйствующаго лица въ драмахъ Шекспира, которое произносило бы такъ много монологовъ, какъ Гамлетъ; но его поэтическое дарованіе изливается не только въ богатствѣ монологовъ, но и вообще въ высокомъ паеосѣ его краснорѣчія, напримѣръ, въ образцовой и грозной рѣчи, обращенной къ матери».

Тотъ же критикъ говоритъ слѣдующее о сумасшествіи Офеліи:

«То, что всѣ, даже противники, болѣе всего цѣнятъ въ произведеніяхъ Шекспира, и именно многостороннее знаніе человѣческой души, ея стремленій, побужденій и страстей—обнаруживается и въ правдивости, съ которою поэтъ изобразилъ разстройства и болѣзни души. Различныя формы душевныхъ болѣзней знакомы ему, быть можетъ, вслѣдствіе личныхъ наблюденій, а еще болѣе, вѣроятно, вслѣдствіе его природной геніальной прозорливости; безуміе и меланхолія изображены имъ съ такой жизненной

правдой, съ такой полнотой, какъ никѣмъ изъ другихъ поэтовъ.

«Изображеніе душевныхъ болѣзней имѣетъ у Шекспира не самостоятельное и господствующее значеніе, а второстепенное и вспомогательное. Оно служитъ высшимъ цѣлямъ нравственной правды, и безуміе является усиленнымъ выраженіемъ угрызений совѣсти. Это главный пунктъ, которымъ отличаются изображенія сумасшествія у Шекспира отъ дѣйствительнаго безумія, встрѣчающагося въ жизни. Въ послѣднихъ случаяхъ виновность не есть необходимая причина безумія; напротивъ того, у Шекспира безумные непремѣнно несутъ на себѣ бремя какой нибудь вины, сознаніе которой преслѣдуетъ ихъ неустанно. Эта вина бываетъ большей или меньшей. Такіе характеры, какъ Лиръ и Лэди Макбетъ, совершили великую вину, Офелія—меньшую.

«Но въ чемъ же вина этой поэтической дѣвушки? Во всякомъ случаѣ не въ томъ она виновна, въ чемъ обвиняютъ ее Тикъ и нѣкоторые другіе критики. Они видятъ въ ней падшую дѣвушку, которая, въ чаду страсти и преданности любимому принцу, давно отдалась ему, такъ что предостереженія Лаэрта явились уже слишкомъ поздно. Но самый текстъ трагедіи защищаетъ прелестную дѣвушку отъ такихъ несправедливыхъ обвиненій; Фишеръ, въ своихъ критическихъ очеркахъ, въ горячихъ выраженіяхъ говоритъ въ пользу Офеліи. Будь Офелія виновна, она не могла бы сказать своему отцу про Гамлета: «Онъ мнѣ въ любви своей признался почтительно и

скромно и клятвой подкрѣпилъ свои слова». Еслибъ поэтъ предполагалъ, что она несохранила чистоты, онъ не могъ бы сказать устами Лаерта на могилѣ Офеліи: «изъ дѣвственнаго праха фіалки выростуть. Священникъ грубый, я говорю тебѣ: страдая въ адѣ, ты ангеломъ сестру мою увидишь» (V, 1). Лаертъ называетъ ее «майской розой» и говоритъ о ней: «Тоску и грусть, страданья, самый адъ—все въ красоту она преобразила» (IV, 5). Королева осыпаетъ цвѣтами ея могилу со словами: «Цвѣты къ цвѣтку. Прощай. Ты будешь супругой Гамлета—мечтала я! не ранній гробъ твой—свадебное ложе твое, милое дитя, я думала убрать». Но виной мы называемъ то, что и она, изъ дурно-понятаго послушанія отцу, рѣшается на поступокъ, недостойный ея наивной, незлобивой души. Во всей драмѣ господствуетъ вообще какая-то нечистая атмосфера: таинственность, притворство, лицемѣріе, взаимное подслушивание, безхарактерная лесть. Этотъ пагубный недугъ, обусловливающий трагическую развязку, коснулся и Офеліи; она притворилась молящейся для того, чтобы помочь Королю и Полонію подслушивать Гамлета. За такое лицемѣріе Гамлетъ упрекаетъ Офелію; въ разговорѣ съ ней (III, 1) онъ какъ будто подставляетъ ей зеркало, чтобы она узнала въ немъ самое себя: «Слышалъ я и о вашей живописи, слышалъ довольно. Богъ даетъ вамъ лицо, вы дѣлаете другое. Вы таскаетесь, пляшете и поете; созданіямъ Божьимъ даете имена въ насмѣшку; притворяетесь, будто все это отъ незнанія, а оно просто

легкомысліе». Можемъ ли мы считать эти слова немѣющимися значенія? могла ли сама Офелія позабыть о нихъ, подобно Гамлету, который поглощенъ своей великой задачей, и готовъ позабыть все остальное? Къ этому воспоминанію и относится фраза, произнесенная ею въ сценѣ сумасшествія (IV, 5): «Вотъ рута и для меня». Очевидно, она себѣ предназначаетъ тоже этотъ символъ раскаянія—и это исповѣдь неспокойной совѣсти. Вотъ ключъ, открывающій намъ ея сердце и объясняющій происхожденіе ея безумія: при видѣ разстройства разсудка у Гамлета, которое она считаетъ дѣйствительнымъ, она называетъ себя самой несчастной, самой жалкой изъ женщинъ,—въ этотъ моментъ уже пошатнулся хрупкій строй ея умственныхъ способностей, чувство несчастной, безнадёжной любви поражено самымъ жестокимъ ударомъ судьбы, смертью ея отца, котораго она нѣжно любила и который падаетъ жертвою «безумія» Гамлета. Сознаніе одиночества и сиротства терзаетъ ея душу. Но такъ какъ другіе больше грѣшили противъ нея, нежели она сама, то въ своемъ безуміи она (какъ и Лиръ) осуждаетъ и караетъ окружающихъ при помощи символовъ. Безумная Офелія является «фантастически украшенной травами и цвѣтами». Лиръ точно также изукрашенъ полевыми цвѣтами. Медицинскіе авторитеты говорятъ, что такого рода больные часто украшаютъ себя цвѣтами, раздають ихъ окружающимъ и поють. Такъ, «Офелія, говоритъ профессоръ Нейманъ, держитъ въ рукахъ цвѣты, при чемъ говоритъ каждому какое нибудь

полу-понятное, льстивое, любезное слово». Но въ самомъ дѣлѣ слова ея не льстивы, напротивъ, ея безуміе является карающимъ и осуждающимъ, съ помощью символовъ и цвѣтовъ: она подаетъ незабудки—«это на память», говоритъ она, розмаринъ—«въ знакъ вѣрности», и передаетъ цвѣтокъ брату; поднося Королю и Королевѣ тминъ, колокольчики, руту и маргаритки, она опредѣляетъ символически душевныя свойства обоихъ. Тминъ, по объясненію Л. Тика, «означаетъ лесть, но также и чувственность, похоть; колокольчики принимаются въ разныхъ значеніяхъ, но чаще всего какъ аллегорія невѣрности и необузданной чувственности». Можно ли удачнѣе обрисовать характеръ Короля, нежели этимъ символическимъ опредѣленіемъ? Руту и маргаритки Офелія даетъ Королевѣ, — руту, символъ раскаянія: прибавляя: «мы можемъ назвать ее праздничнымъ цвѣткомъ». Эти слова рисуютъ Королеву: съ помощью раскаянія она должна стараться получить помилованіе; мы помнимъ, какъ Гамлетъ въ разговорѣ съ матерью съ энергическимъ краснорѣчіемъ побуждалъ ея совѣсть къ раскаянію» (К. К. Hense. Shakespeare Untersuchungen und Studien. 1884).

Вотъ слова французскаго критика, Мезьера, о Гамлетѣ. Слова эти, какъ увидитъ читатель, частію резюмируютъ мнѣнія разныхъ критиковъ, приведенныхъ нами выше:

«Изо всѣхъ драматическихъ произведеній древнихъ

и новыхъ временъ нѣтъ ни одного, которое подвергалось бы такому всестороннему изученію и такимъ многочисленнымъ комментаріямъ, какъ трагедія «Гамлетъ», почти цѣликомъ созданная фантазіей поэта. Въ другихъ случаяхъ Шекспиръ слѣдуетъ тексту итальянской новеллы или легенды такъ близко, какъ будто это историческіе документы. Но въ «Гамлетѣ» онъ воспользовался безформенной канвой, гдѣ нѣтъ рѣчи ни о Лаертѣ, ни объ Офеліи. Извѣстно, что было уже два «Гамлета» раньше Шекспировскаго, одинъ между 1584 и 1589 годами, пересыпанный сентенціями во вкусѣ Сенеки, другой въ 1594 г., но не знаютъ, вдохновлялся ли ими Шекспиръ для своего творенія.

«Очевидно, въ этомъ сюжетѣ его болѣе всего соблазнилъ характеръ самого Гамлета *). Онъ воспользовался случаемъ, чтобы излить въ одной роли всѣ философскія идеи и всю иронію, которыми переполнена была душа его; онъ съ любовью начерталъ портретъ этого молодого человѣка, такого нерѣшительнаго, такого мрачнаго, такого несчастнаго, но

*) Въ «Гамлетѣ» находятъ также нѣкоторые намеки на событія, взятая изъ исторіи Англій. Общественное мнѣніе обвиняло графа Лейстера въ томъ, что онъ заключилъ въ тюрьму графа Эссекса, съ цѣлью жениться на его вдовѣ; дѣйствительно, онъ и женился на ней, нѣсколько дней спустя послѣ смерти ея мужа. Такимъ образомъ предполагаютъ, что графъ и графиня Эссексъ послужили оригиналами для Клавдія и Гертруды, а знаменитый Робертъ Эссексъ, сынъ графини, служилъ оригиналомъ для Гамлета.

въ то же время такого великодушнаго и нѣжнаго; Шекспиръ трижды передѣлывалъ свое твореніе и всякій разъ прибавлялъ что нибудь къ монологамъ Гамлета и къ его бесѣдамъ съ Гораціо.

«Вообще характеры у Шекспира не обрисовываются исключительно въ виду одного драматическаго дѣйствія: герои, которыхъ онъ выводитъ на сцену, не обнаруживаютъ всѣхъ своихъ силъ и не прилагаютъ къ дѣйствию всего своего вниманія. Во французской драмѣ дѣйствующія лица обыкновенно являются намъ лишь въ связи съ ходомъ драмы, на англійской же сценѣ они раскрываютъ передъ нами всю ширь и сложность своихъ чувствъ. У нихъ свое самостоятельное существованіе; они живутъ внѣ трагедіи. Ни въ одномъ характерѣ не проявляется съ такой отчетливостью эта тенденція Шекспировскихъ твореній, какъ въ характерѣ Гамлета. Принцу Датскому нѣтъ надобности въ гнетѣ событій для того, чтобы размышлять и страдать. Недугъ, терзающій его, не зависитъ отъ обстоятельствъ, среди которыхъ онъ поставленъ; какова бы ни была его судьба, онъ во всякомъ случаѣ чувствовалъ бы отвращеніе къ жизни и презрѣніе къ земнымъ наслажденіямъ. Еще прежде, чѣмъ онъ узналъ объ убійствѣ отца, вспомнимъ, что говоритъ онъ въ своемъ первомъ монологѣ. Какая горечь, какая грусть!

О, еслибъ крѣпко созданное тѣло
Мое могло рассыпаться росой!
Иль еслибы Творецъ не запретилъ
Самоубійства намъ! О Боже, Боже,
Какъ пошло, пусто, тяжело и ничтожно,
Въ моихъ глазахъ, житье на этомъ свѣтѣ!

«Гамлетъ принадлежитъ къ тому разряду мрачныхъ умовъ, которые схватываютъ только дурную сторону вещей въ жизни; меланхолическій темпераментъ и слишкомъ тонкая проницательность дѣлаютъ ихъ болѣе чувствительными ко злу, которымъ надѣлена наша природа, нежели къ благамъ, выпадающимъ на долю людямъ. Эти романтическіе герои смолоду начинаютъ смотрѣть на жизнь съ ироническимъ презрѣніемъ или съ глубокимъ отчаяніемъ; разочарованные во всемъ, еще не успѣвъ даже извѣдать на себѣ несчастья, они приносятъ въ жизненную борьбу способность страдать, но не силу, чтобы укротить свою тоску.

«Еслибъ Гамлету и не явилось страшное видѣніе, открывшее ему преступленіе и взывающее ко мщенію,—онъ все равно не былъ бы ни счастливымъ, ни спокойнымъ; и безъ этого онъ почувствовалъ бы пылкое желаніе отрѣшиться отъ земли и унести въ области высшія, гдѣ сіяетъ болѣе чистый свѣтъ; и безъ того онъ терзался бы неугомными сомнѣніями, которыя смущаютъ его совѣсть и отравляютъ даже любовь его. Неустанная работа мысли, страстные размышленія утомляютъ его больную душу. Удовольствія юности уже не приносятъ ему никакого наслажденія; внѣшній міръ внушаетъ ему одно презрѣніе, одно отвращеніе. Еслибъ и не суждено ему было исполнить тяжелый долгъ, и тогда его карьера была бы коротка и несчастлива. Тѣнь отца не рѣшаетъ его судьбы, она уже давно была рѣшена; страшный призракъ даетъ лишь новое направленіе его размышленіямъ.

«Просмотримъ первый актъ трагедіи; припомнимъ, какое впечатлѣніе произвело на молодого Гамлета это сверхъестественное видѣніе и до какой степени было поражено его воображеніе. Явленіе тѣни тѣмъ болѣе вѣроятно, что тотъ, кому она явилась, былъ уже подготовленъ вѣрить въ чудеса невидимаго міра, въ который безпрестанно погружаются его взоры. Гамлетъ, удаляющійся отъ общества, ищущій уединенія, бесѣдующій самъ съ собою на таинственномъ языкѣ, повидимому, заранѣе готовъ разговаривать съ духами, и когда является ему тѣнь отца,— это лишь воплощеніе его обычныхъ видѣній. Съ той минуты смутная тоска, мучившая его, безпричинное безпокойство, постоянно преслѣдовавшее его, находятъ, наконецъ, реальную пищу. Онъ страдалъ, не вѣдая тайныхъ мотивовъ своей печали; теперь же онъ знаетъ источникъ своихъ страданій. Отнынѣ имъ овладѣваетъ одна гнетущая мысль, одно сильное впечатлѣніе. Образъ убитаго отца безпрестанно рисуется передъ нимъ. Въ подобномъ положеніи трагическій герой древности, напр. Орестъ, легко перешелъ бы отъ мысли къ дѣйствию; разъ преступленіе узнано и обнаружено, онъ тотчасъ же бы покаралъ виновниковъ и, не разсуждая, нанесъ бы ударъ Клавдію, а можетъ быть, и матери своей. Но Гамлетъ слишкомъ привыкъ размышлять, чтобы поступать такъ опрометчиво. Онъ не поддается сильному гнѣву, онъ размышляетъ о поведеніи, котораго долженъ держаться, а чтобы лучше наблюдать за виновными въ смерти своего отца и не подвергаться риску вы-

дать свою тайну, — онъ притворяется безумнымъ. Въ этомъ состояніи онъ удобнѣе можетъ все слышать и все говорить. Въ то время, какъ окружающіе стараются разгадать причину его безумія и ищѣ-лить его, — онъ самъ, не переставшій владѣть своимъ разсудкомъ, зорко наблюдаетъ за всѣмъ, что дѣлается вокругъ, и собираетъ улики противъ преступниковъ.

«Многіе удивляются, что Шекспиръ придалъ своему герою такую нерѣшительность и слабохарактерность. Я же, напротивъ, восхищаюсь разнообразіемъ характеровъ, которые онъ выводитъ. Изобразивъ множество личностей, увлекаемыхъ бурной страстью, онъ изучаетъ новую сторону человѣческой природы. вмѣсто того, чтобы показать намъ, какъ это часто дѣлали драматурги, человѣка, поддающагося безъ размышленія первымъ порывамъ своей души, онъ описываетъ тревоги и сомнѣнія безпокойнаго духа, мало расположеннаго къ дѣйствию, болѣе способнаго разсуждать о событіяхъ, нежели управлять ими, побуждаемаго вдобавокъ долгомъ, который онъ не въ состояніи исполнить иначе, какъ совершивъ преступленіе.

«Гамлета слишкомъ много обсуждали съ точки зрѣнія древняго рока. Безъ сомнѣнія, еслибъ принцъ датскій повиновался непреодолимой силѣ, еслибъ онъ принадлежалъ къ проклятому роду, который начался въ преступленіи и долженъ кончиться преступленіемъ, онъ болѣе походилъ бы на героевъ Эсхила, но это уже человѣкъ другой эпохи и иной ре-

лигіи. Орестъ наноситъ ударъ безъ угрызенія; онъ смѣло караетъ убійцъ своего отца. Но въ глазахъ христіанина, месть не является въ такой же степени справедливой и необходимой.

«Гамлетъ, въ качествѣ христіанина, естественно долженъ колебаться, прежде чѣмъ убить своего дядю, мужа своей матери, по одному только внушенію исчезнушаго призрака, который можетъ быть не что иное, какъ плодъ его разстроеннаго воображенія. Непонятно развѣ, почему онъ колеблется? Ему и хотѣлось бы дѣйствовать, но онъ боится. Что, если онъ былъ жертвой иллюзіи чувствъ? Что, если виновные, указанные ему тѣнью—въ сущности невинны! Эти сомнѣнія волнуютъ насъ; какъ только сильная нравственная борьба завязывается въ душѣ дѣйствующаго лица драмы, она всегда вызываетъ въ насъ глубокой интересъ. Именно эта нерѣшительность, эта честность Гамлета истинно трагичны. Онъ затягиваетъ положеніе, онъ замедляетъ развязку въ силу своей добродѣтели. Замѣтьте, какъ во время безумія онъ внимательно слѣдитъ за тѣмъ, чтобы не выдать себя и чтобы распознать истину, затаившуюся въ сердцахъ виновныхъ. Онъ посвящаетъ этому трудному изслѣдованію всѣ силы своего ума, а такъ какъ его умъ очень проникателенъ, то онъ находитъ почти вѣрное средство, чтобы смутить Клавдія и Королеву.

«Но почему же Гамлетъ не дѣйствуетъ, когда во время представленія актеровъ Клавдій выдаетъ себя? Почему, когда преступленіе уже явно, онъ не на-

казываетъ виновныхъ тотчасъ же? Надо вспомнить, какая отвѣтственность тяготѣетъ надъ его головой и какія угрызения послѣдовали бы за такимъ поступкомъ, еслибъ онъ ошибся! Гамлетъ испытываетъ именно такое точно чувство, какъ присяжные, которые готовятся произнести смертный приговоръ, основываясь на простыхъ подозрѣнiяхъ. Если въ этомъ случаѣ всѣ люди колеблются, если самые строгіе и самые твердые боятся нанести ударъ невинному, — что же долженъ испытывать юный принцъ, берущій на себя выполнить приговоръ, произнесенный имъ самимъ, — и вдобавокъ не надъ чужимъ, постороннимъ человѣкомъ, а надъ братомъ своего отца, надъ мужемъ своей матери?

«Въ третьемъ дѣйствіи, когда, еще полный гнѣва, который вызвало въ немъ странное смятеніе дяди передъ актерами, онъ застаетъ его одного, погруженнаго въ молитву, и когда онъ могъ бы убить его, онъ не говоритъ намъ въ своемъ монологѣ истинной причины, остановившей его руку. Если онъ еще колеблется, то потому, что его великодушное сердце возмущается кровопролитіемъ, убійствомъ. Еслибъ надо было унизить преступника строгими словами, краснорѣчіемъ и горечью упрековъ, — то эта роль была бы ему болѣе подѣ-стать. Онъ, который не сумѣлъ наказать своего дядю, позже наказываетъ свою мать въ патетической сценѣ, гдѣ рисуется всѣ добродѣтели своего отца и преступность Клавдія; правда, онъ не возьметъ въ руки кинжала, какъ онъ самъ признается, но онъ растерзаетъ сердце Ко-

ролевы. Онъ мститъ какъ можетъ, не доходя до рѣшительнаго дѣйствія.

«Слабость его поведенія зависитъ отъ упомянутыхъ выше причинъ; чѣмъ ближе подступаетъ моментъ, тѣмъ больше колеблется его рѣшимость. Онъ желалъ бы, чтобъ событія пришли къ развязкѣ сами собой, безъ его участія, и это такъ и случается. Въ то время, какъ онъ колеблется, противъ него ведутъ заговоръ; онъ далъ своимъ врагамъ время оправиться, и вмѣсто того, чтобы угрожать, онъ самъ очутился въ опасности. Онъ отдается на произволь судьбы, предоставляетъ року разрѣшить вопросъ, и рокъ его разрѣшаетъ. Дѣйствительно, въ послѣдней сценѣ все возбуждаетъ наше удивленіе, все неожиданно, отъ начала до конца. Королева выпиваетъ ядъ, не ей предназначенный; Лаертъ пораженъ шпагой, которую онъ отравилъ въ расчетѣ убить ея своего противника; наконецъ Король, разставившій козни, самъ погибаетъ жертвой своего коварства. Гамлетъ также гибнетъ. Развѣ это не единственная развязка, подходящая къ его характеру? Смерть избавляетъ его отъ всѣхъ сомнѣній. Еслибъ онъ пережилъ свою мать и своего дядю, онъ непремѣнно лишился бы себя жизни. Лучше, что онъ умеръ и что смерть его усилила еще болѣе весь трагическій ужасъ положенія, запятнавъ однимъ лишнимъ преступленіемъ память Клавдія.

«Сложный характеръ Гамлета какъ будто принадлежитъ современной жизни. Это мечтатель нашего времени, заброшенный поэтомъ въ героическій

вѣкъ, гдѣ только рѣшительное дѣйствіе имѣетъ цѣну и гдѣ онъ остается ниже своей роли, потому что не умѣетъ дѣйствовать. Онъ одаренъ всею чувствительностью романтиковъ. Найдется ли чтонибудь меланхоличнѣе въ произведеніяхъ писателей XVIII и XIX вѣка, нежели сцена съ могильщиками и знаменитое восклицаніе: «Увы! бѣдный Іорикъ!» Здѣсь-то настоящій источникъ нѣмецкой и англійской мечтательности. Гамлетъ, по словамъ Гервинуса, открылъ плотину сантиментальному потоку, затопившему насъ въ концѣ истекшаго столѣтія.

«Нигдѣ романтизмъ, а, слѣдовательно, и трагедіи Шекспира, не произвелъ такого дѣйствія, какъ въ Германіи. Англичанъ предохранилъ отъ неудобствъ меланхоліи ихъ практической духъ; но нѣмцы были въ какомъ-то чаду; они повторяли вмѣстѣ съ поэтомъ: «земля—тюрьма», и предавались безпричинной тоскѣ уединеннаго размышленія, презрѣнію къ дѣятельности, безъ которой не могутъ жить ни отдѣльные люди, ни народы. Нѣтъ ничего опаснѣе для націи такой нравственной вялости. Вотъ почему романтическая школа плохо служила интересамъ германскаго отечества; подъ ея вліяніемъ нѣмцы предпочитали химеры поэзіи мужественной борьбѣ дѣятельной жизни. Давно уже за-рейнскіе политики начали бороться противъ этой тенденціи; до нихъ это уже дѣлалъ Гёте, насмѣхаясь надъ подражателями Вертера; выясняя пустоту сантиментальной литературы, эти политики превосходно успѣли излечить своихъ соотечественниковъ отъ недуга бездѣйствія».

(Shakespeare. Ses oeuvres et ses critiques. Par A. Mézières. Ouvrage couronné par l'Académie française. 3 éd. P. 1882).

О характерѣ Полонія приводимъ мнѣніе д-ра Джонсона:

«Полоній—человѣкъ, вскормленный при дворѣ, опытный въ дѣлахъ, съ большимъ запасомъ наблюдений, увѣренный въ своемъ искусствѣ, гордый своимъ краснорѣчіемъ, склонный къ слабоумію. Его манера ораторствовать очень талантливо изображена съ цѣлью осмѣять манеру того времени не говорить ничего просто и ясно, а начинать съ длиннѣйшихъ вступлений и выражаться какъ можно запутаннѣе. Эта сторона характера Полонія случайная, все остальное естественно. Это человѣкъ положительный и самоувѣренный, ибо онъ увѣренъ, что расшудокъ его твердъ, и не подозрѣваетъ, что онъ уже начинаетъ слабѣть. Полоній отличается твердостью принциповъ и совершенно теряется, когда ему приходится примѣнять ихъ въ частности; онъ свѣдущъ во взглядахъ на прошлое и ничего не можетъ предсудотрѣть. Въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ полагается на свою память и можетъ выжать что нибудь подходящее изъ своей сокровищницы свѣдѣній, онъ произноситъ вѣскія сентенціи и даетъ полезныя совѣты; но, какъ умъ въ разслабленномъ состояніи не можетъ быть долго занятымъ и озабоченнымъ, то Полоній подвергается часто неожиданнымъ: когда способ-

ности вдругъ оставляютъ его, онъ теряетъ порядокъ и нить своихъ собственныхъ мыслей, запутывается въ нихъ до тѣхъ поръ, пока память не подскажетъ ему основного принципа и пока онъ снова не попадетъ на прежнюю дорогу. Идея о слабоуміи, овладѣвшемъ его разсудкомъ, объясняетъ всѣ странности характера Полонія».

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Клавдій, король датскій.

Гертруда, супруга его.

Гамлетъ, сынъ ея отъ перваго брака, съ братомъ
Клавдія.

Полоній, знатный чиновникъ при Дворѣ.

Лаертъ, сынъ его.

Офелія, дочь его.

Гораціо, другъ и соученикъ Гамлета.

Волтимандъ

Корнелій

Розенкранцъ

Гильденштернъ

} придворные.

Осеркъ

Марцелло

Бернардо

Франциско

} офицеры гвардіи.

Рейнольдъ, служитель Полонія.

Фортинбрасъ, принцъ норвежскій.

ТѢНЬ отца Гамлетова.

Придворные и придворныя, офицеры, солдаты, актеры.
Послы норвежскіе, могильщики, народъ.

Дѣйствіе въ Эльсинорѣ, столицѣ Датскаго королевства.

Представленъ въ первый разъ на Императорскомъ
Московскомъ театрѣ 22 января 1837 г., въ бенефисъ
актера П. С. Молчанова.

ДѢИСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Терраса передъ дворцомъ.

ФРАНЦИСКО (на стражѣ), БЕРНАРДО (входитъ).

Бернардо. Кто здѣсь?

Франциско. Стой! Отвѣчай мнѣ: кто идетъ?

Бернардо. Да здравствуетъ король!

Франциско. Бернардо?

Бернардо. Я.

Франциско. Какъ ты пришелъ исправно въ смѣнѣ.

Бернардо. Полночь било. Ступай и спать ложись.

Франциско. За то спасибо. Холодъ рѣзкій.

Я нездоровъ.

Бернардо. Спокойно-ль все?

Франциско. И мышъ не пробѣжала!

Бернардо. Хорошо. Ночь добрая!

Когда увидишь Гораціо, Марцелло,

Моихъ товарищей, поторопи ихъ.

(Гораціо и Марцелло входятъ).

Франциско. Вотъ, кажется, они. Стой! Кто идетъ?

Гораціо. Друзья отечества.

Марцелло. И подданные короля.

Франциско. Ну, добра ночь!

Марцелло. Послушай-ка, товарищъ!
 А кто смѣнилъ тебя?
Франциско. Бернардо.
 Добра ночь!

(Уходитъ).

Марцелло. Эй, другъ Бернардо!
Бернардо. Отвѣчай:
 Гораціо?

Гораціо. Я за него.

Бернардо. Добро пожаловать, Гораціо, Марцелло!

Гораціо. Ну, что: являлся ли опять онъ въ эту ночь?

Бернардо. Я не видалъ здѣсь ничего.

Марцелло. Гораціо не вѣритъ; говоритъ, что все
 мечта,

Не вѣритъ ничему, что говорилъ я

Объ этомъ странномъ привидѣннѣ.

Вотъ для чего я пригласилъ его сюда;

Пусть онъ, когда опять мертвецъ придетъ,

Увидитъ самъ и говоритъ съ нимъ.

Гораціо. Вздоръ! онъ не придетъ!

Бернардо. Сядемъ, и опять я расскажу,

Чтобы ты понялъ хорошенько и повѣрилъ,

Что мы не бредимъ—видѣли два раза!

Гораціо. Пожалуй, сядемъ—расскажи, Бернардо.

Бернардо. Въ послѣднюю изъ этихъ ночь,

Когда вонъ та звѣзда, что тамъ восходитъ,

Стояла здѣсь, гдѣ и теперь, на этой части неба,

Я и Марцелло—полночь било...

(Бьетъ двѣнадцать часовъ).

Марцелло. Тише, посмотри—вотъ онъ...

(Входитъ тѣнь).

Бернардо. Онъ самъ—король покойный нашъ!

Марцелло. Ты ученый, Гораціо—поговори съ нимъ!

Бернардо. Смотри—ну не похожь ли онъ? Вглядись!

Гораціо. Да, я дрожу отъ удивленія и страха!

Бернардо. Поговори съ нимъ!

Марцелло. Говори, Гораціо!

Гораціо. Кло-бъ ни былъ ты, пришлецъ ночей,

Ты, въ гордой величавой той осанкѣ,
 Какою отличался нашъ король покойный,
 Ты, приходящій къ намъ — тебя я заклинаю —
 говори!

Марцелло. Онъ оскорбился!

Бернардо.

Онъ уходитъ — посмотри!

Горацио. Стой, говори, я заклинаю — стой и говори!

(Тѣнь уходитъ).

Марцелло. Онъ ушелъ — онъ не хотѣлъ намъ от-
 вѣчать!

Бернардо. Что съ тобой, Горацио? Дрожишь ты,
 блѣденъ?

Что выдумка ли привидѣнье, иль мечта?

Что скажешь ты?

Горацио. Я не повѣрилъ бы разсказу,
 Когда бы въ собственныхъ моихъ глазахъ
 Онъ не явился!

Марцелло. Но похожъ ли онъ на короля?

Горацио. Какъ на себя походишь ты. Онъ такъ
 былъ грозенъ,
 Когда въ доспѣхѣхъ бранномъ, въ битвѣ межъ вра-
 гами,

Водилъ къ побѣдѣ, царства покорялъ!

Непостижимо!

Марцелло. Вотъ уже вторично,
 Съ такимъ же грознымъ видомъ онъ явился намъ.

Горацио. Что это значитъ — я не постигаю,
 Но — горе предвѣщаетъ намъ мертвецъ!

Марцелло. Да, не войну ли предвѣщаетъ онъ?
 Скажи: къ чему вездѣ разставлены полки,
 И пушки лютъ, готовятся запасы,
 И корабли поспѣшно созидаютъ;
 И день и ночь вездѣ работа?

Горацио. Слышно,
 Что нашъ король покойный — тѣнь его
 Мы видѣли теперь — вы знать должны
 Всѣ обстоятельства войны послѣдней,

Когда на гордый вызовъ Фортинбраса,
 Норвежскаго властителя, отвѣтомъ
 Былъ громъ оружія, и Фортинбрасъ
 Палъ въ битвѣ. Предварительнымъ условьемъ было,
 Что побѣдитель завладѣетъ царствомъ
 Того, кто будетъ побѣжденъ, и нашъ король
 Послѣ побѣды взялъ Норвегію себѣ.
 Теперь, какъ будто смертью короля
 На подвиги и битвы ободренный,
 Сынъ Фортинбраса, юный принцъ норвежскій,
 Толпу собралъ отважныхъ удалцовъ
 И намъ грозитъ отмщеньемъ и войною.
 Вотъ, говорятъ, причина, почему
 Нашъ нынѣшній король готовить войско
 И поспѣшаетъ заготовить корабли.

Бернардо. Вотъ это, вѣроятно, и причина,
 Зачѣмъ изъ гроба грозный всталъ воитель:
 Онъ предвѣщаетъ битвы и войну.

Горацио. Но зачѣмъ тревожить насъ явленьемъ?
 Когда во славѣ былъ великій Римъ
 И Цезарю готовилась кончина,
 Ужасныя видѣнья возмущали міръ:
 По городамъ бродили мертвецы,
 Кометы съ пламеннымъ хвостомъ являлись,
 Кровавый капаль дождь, и тмилось солнце,
 И звѣзды падали съ небесъ. Ужели
 И въ наши дни подобныя явленья
 Насъ возмутятъ, и бѣдствія предвѣстья
 Кровавыми дѣлами отзовутся?

(Тѣнь входитъ и идетъ медленно).

Онъ снова! Онъ идетъ; Пусть уничтожить
 Онъ меня—я смѣло стану, я спрошу его!
 Стой, привидѣнье! Если у тебя есть голосъ,
 Когда ты можешь говорить, то говори —
 Скажи:

Иль страждущей душѣ твоей поможетъ
 Благое дѣло—я готовъ исполнить,

Скажи:

Иль вѣдаешь отчизны гибель
И упредить ее стремишься—говори,
О, говори!

И если ты сокровища зарылъ
И бродишь стражемъ ихъ, пока отважный
Не сыщется и не откроетъ ихъ—
Скажи, скажи мнѣ, отвѣчай!

Марцелло!

Загороди ему дорогу!

Марцелло. Стой!

Горацио. Коли его, когда онъ отвѣчать не хочетъ!

Бернардо. Стой, стой!

Горацио. Сюда, сюда!

Марцелло. Ушелъ!

(Тѣнь уходитъ).

Мы оскорбили царственную тѣнь!

Его величественный прахъ смутился,

И что могли мы сдѣлать—невредимъ

Отъ нашихъ копьевъ и мечей онъ былъ! ¹⁾

Горацио. Да, оскорбили мы его безумствомъ.

Но вотъ ужъ вѣтъ утренней прохлады

И небо заалѣло на востокѣ.

Друзья! на смѣну къ намъ идутъ

Сюда, и посовѣтуемъ о томъ; не должно-ль

Намъ все сказать Гамлету? Можетъ быть,

Онъ съ сыномъ станетъ говорить,

Ему откроетъ тайну появленья?

А между тѣмъ—храните тайну!

Пусть сокровеннымъ между нами будетъ.

Явленье царственнаго мертвеца.

Марцелло.

Согласны.

¹⁾ Эта и слѣдующія цифры указываютъ на соответствующія замѣчанія въ концѣ книги, гдѣ указаны пропуски или измѣненія оригинала, допущенныя Полевымъ. Мы ихъ восстанавливаемъ по другимъ переводамъ.

Мы тайну сохранимъ, но скажемъ
 Объ ней Гамлету—пусть разсудитъ онъ,
 Что дѣлать и что думать должно намъ.
 Не медлите—я знаю, гдѣ его найти
 И разсказать о томъ, что насъ тревожитъ.

ЯВЛЕНИЕ II.

Зала въ королевскомъ дворцѣ.

КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, ГАМЛЕТЪ, ПОЛОНИЙ, ЛАЕРТЪ,
 ВОЛЬТИМАНДЪ, КОРНЕЛІЙ, ПРИДВОРНЫЕ.

Король. Сколько намъ ни драгоценна память брата,
 Похищеннаго смертью, и прилично-бъ было
 Предаться скорби объ его потерѣ,
 Но благо общее и мудрость ваша
 Заставили насъ поступать иначе:
 И скорбь и радость вмѣстѣ съединить.
 Единымъ глазомъ проливая слезы,
 Другой къ веселью обратили мы:
 Обрядъ печальный похоронъ едва свершился,
 Какъ мы торжествовали новыи бракъ
 Съ женною брата, вашей королевою,
 Возлюбленной теперь супругой нашей,
 И съ нею раздѣляемъ нашу власть
 Надъ Датскою великою землею.
 Вашъ мудрый мы исполнили совѣтъ—
 Примите благодарность нашу и привѣтъ.
 Къ другому обратимся мы предмету.
 Извѣстно вамъ, что смѣлый Фортинбрасъ,
 Не уважая силы нашей, можетъ быть,
 Помысливъ, что кончина брата, короля,
 Даетъ ему права быть дерзкимъ,
 Прислалъ посольство къ намъ, и смѣетъ
 Обрато требовать отца наслѣдство,
 Приобрѣтенное войны закономъ. Мы

Собрали васъ и объявляемъ вамъ
 На дѣло важное рѣшенъе наше:
 Писали мы къ норвежскому владыкѣ,
 Младого Фортинбраса дядѣ, королю,
 И требовали, чтобъ его велѣньемъ были
 Прекращены всѣ замыслы вражды
 И всѣ приготовленья Фортинбраса.
 Васъ избираемъ мы, Корнелій, Волтимандъ:
 Идите къ старому норвежскому владыкѣ.
 Привѣтствіе ему отъ насъ, и если мы
 Вамъ не даемъ довѣренности нашей
 Окончить дѣло, тѣмъ не меньше будемъ
 Надѣяться на мудрость вашу въ дѣлѣ.
 Идите и поспѣшностью своей
 Намъ докажете вѣрность вашу.

Корнелій.

Смѣемъ

Увѣрить васъ, что долгъ исполнить мы
 Приложимъ все старанье.

Король.

Вѣримъ,

Идите, и сердечное желаніе успѣха
 Сопровождаетъ васъ въ пути и въ дѣлѣ.

(Корнелій и Волтимандъ уходятъ).

Къ тебѣ мы обращаемъ рѣчь, Лаертъ.
 Мы слышали, что у тебя есть просьба къ намъ.
 Скажи, чего желаешь ты? Мы поспѣшимъ
 Исполнить, доказать тебѣ желая,
 Что таеъ, какъ голова послушна сердцу
 И какъ рука служить готова рту,
 Готовы мы исполнить всѣ желанья
 Полоніева сына, друга и слуги
 Намъ вѣрнаго.

Лаертъ. Позвольте, государь,

Отправиться во Францію мнѣ снова.
 Я поспѣшилъ сюда, желая доказать
 Усердіе при вашемъ торжествѣ
 Восшествія на отческій престолъ;
 Теперь опять туда стремлюсь желаньемъ.

Король. Но позволяет ли Полоній, твой родитель?

Полоній. Онъ надоѣлъ мнѣ, государь, и я охотно Печать къ его прошенью приложилъ, То есть, позволилъ, но безъ вашей воли Ему не ѣхать.

Король. Если только воля.

Моя потребна, я охотно позволяю:

Когда тебѣ угодно, можешь ѣхать,
Лаертъ.—Къ тебѣ теперь я обращаю рѣчь,
Мой братъ и мой любезный сынъ, Гамлетъ!

Гамлетъ (въ сторону). Немного больше брата, меньше сына.

Король. Зачѣмъ такія облака печали на лицѣ?

Гамлетъ. Такъ близко къ солнцу радости—могу ли Одѣть себя печали облаками, государь!

Королева. Оставь печаль, Гамлетъ нашъ добрый;
Обрати

Взоръ дружескій на короля. Зачѣмъ

Ты взоры потупляешь въ землю, будто ищешь
Во прахѣ твоего покойнаго отца!

Таковъ нашъ жребій, всѣхъ живущихъ—умирать.

Гамлетъ. Да, королева, — всѣмъ живущимъ уми-
рать—

Таковъ нашъ жребій!

Королева. Если такъ,

Зачѣмъ же смерть отца тебя печалитъ,
Какъ будто тѣмъ законъ природы измѣненъ? —
Такъ кажется, смотря на грусть твою.

Гамлетъ. Не кажется, но точно—я такъ мыслю:

Ни черная одежда и ни вздохи,
Ни слезы и ни грусть, ни скорбь —
Ничто не выразитъ души смятенной чувствъ,
Какими горестно терзаюсь я—простите!

Король. Мы видимъ доброе, Гамлетъ, въ твоей печали
И нѣжное въ любви сыновней сердце,
Но время есть всему—печали также время,
И безразсудство грѣхъ великій даже,

Противъ судьбы роптанье, непокорство,
 Хула противъ природы вѣчнаго закона,
 Когда печаль продолжимъ мы и будемъ
 Вѣкъ плакать объ умершихъ! Отложи
 Печаль свою. Во мнѣ отца ты видишь,
 Наслѣдникъ нашъ и нѣжный сынъ! Увѣрься,
 Что мы любовью замѣнимъ тебѣ потерю.
 Но на желаніе отъѣзда въ чуждый край,
 Для продолженія наукъ, мы не согласны:
 Останься съ нами, будь утѣхой намъ,
 Гамлетъ, нашъ добрый братъ и сынъ нашъ добрый!

Королева. Не тщетны будутъ просьбы матери,
 надѣюсь,

Ты согласишься здѣсь, Гамлетъ, остаться?

Гамлетъ. Во всемъ виноватъ вамъ—мой долгъ!

Король. Такой отвѣтъ мнѣ сердце веселить.

Будь равенъ намъ, развеселись, утѣшись!

Твое согласіе остаться съ нами

Наполнило мнѣ радостью всѣ чувства,

И я хочу, чтобы въ весельи сердца,

При пирѣ нынѣшнемъ, заздравный кубокъ

Пальбою пушечной сопровождаемъ былъ

За каждое здоровье! Громко будетъ

Возвѣщена утѣха наша свѣту,

И громъ земли подъ небесами грянетъ!

Пойдемте, королева!

(Всѣ уходятъ).

Гамлетъ (одинъ). Для чего

Ты не растаешь, ты не распадешься пракомъ,

О, для чего ты крѣпко, тѣло человѣка!

И еслибы Всесильный намъ не запретилъ

Самоубійства... Боже мой, великій Боже!

Какъ гнусны, бесполезны, какъ ничтожны

Дѣянья человѣка на землѣ!

Жизнь! что ты? Садъ заглохшій

Подъ дикими, бесплодными травами...

Едва лишь шесть недѣль прошло, какъ нѣтъ его,

Его, властителя, героя — полубога

Предъ этимъ — повелителемъ ничтожнымъ,
 Предъ этимъ — мужемъ матери моей —
 Его, любившаго ее любовью
 Столь пламенною... Небо и земля!
 Могу-ль забыть?.. Она, столь страстная супруга...
 Одинъ лишь мѣсяцъ — я не смѣю мыслить...
 О, женщины! ничтожество вамъ имя!
 Какъ? мѣсяцъ... Башмаковъ она еще не износила,
 Въ которыхъ шла за гробомъ мужа,
 Какъ бѣдная вдова, въ слезахъ... и вотъ — она,
 Она... О, Боже! звѣрь безъ разума и чувства
 Грустилъ бы болѣе! — она супруга дяди,
 Который такъ походитъ на отца,
 Великаго Гамлета, короля, какъ я на Геркулеса—
 И мѣсяцъ только! слезъ ея коварныхъ
 Слѣды не высохли—она жена другого!
 Проклятая поспѣшность! Провидѣнье
 Такого брака не могло благословить!
 Быть худу, быть бѣдамъ... Но сокрушайся, сердце!
 Когда языкъ мой говорить не смѣетъ!..

ГОРАЦІО, ВЕРНАРДО, МАРЦЕЛЛО.

Гораціо. Привѣтъ нашъ принцу!

Гамлетъ. Радъ васъ видѣть, господа;
 Но, что это? Не ошибаюсь ли? Гораціо?

Гораціо. Я самъ
 Къ услугамъ вашимъ, принцъ.

Гамлетъ. Къ чему тутъ принца,
 Добрый другъ — вотъ имя, общее тебѣ и мнѣ.
 Но что-жъ, зачѣмъ вы здѣсь, Гораціо, Марцелло?

Марцелло. Принцъ...

Гамлетъ. Радъ васъ видѣть — этому повѣрьте;
 Но зачѣмъ вы бросили ученье, говорите?

Гораціо. Отъ лѣности, мой добрый принцъ.

Гамлетъ. Неправда—

Этого и врагъ твой о тебѣ не скажетъ;
 Я знаю, ты лѣнишься не охотникъ, Гораціо.
 Нѣтъ! что нибудь другое насъ влекло сюда...
 Или вы пьянствовать хотите научиться здѣсь?
 Пожалуй, мы научимъ васъ—и скоро!

Гораціо. Принцъ! я хотѣлъ отдать послѣдній долгъ:
 пріѣхалъ

На погребенье вашего отца.

Гамлетъ.

Не смѣйся

Надо мной, товарищъ—говори: „спѣшилъ пріѣхать
 На свадьбу вашей матери“.

Гораціо.

Да, правда, принцъ,

Одно послѣ другого не замедлило.

Гамлетъ.

Такъ что-жъ?

Хозяйственное здѣсь распоряженье было:

Отъ похоронъ осталось много блюдъ,

Такъ ихъ на свадьбѣ поспѣшили стѣсть...

О, еслибъ въ адъ велѣли мнѣ идти,

Къ врагу лютѣйшему, все легче бы мнѣ было,

Чѣмъ видѣть этотъ день проклятый!.. Другъ!

Мнѣ кажется, еще отца я вижу...

Гораціо.

Гдѣ,

Принцъ?

Гамлетъ. Въ очахъ души моей, Гораціо;

Гораціо.

Я зналъ

Его, видалъ — король великій былъ онъ.

Гамлетъ. Человѣкъ онъ былъ... Изъ всѣхъ людей
 Мнѣ не видать уже такого человѣка!

Гораціо. Мнѣ кажется, его я видѣлъ въ эту ночь.

Гамлетъ. Видѣлъ? Кого?

Гораціо.

Мой принцъ!

Я видѣлъ короля, родителя Гамлетова.

Гамлетъ. Отца моего видѣлъ?

Гораціо.

Нетерпѣнье

Утишьте, принцъ, и чудо расскажу я вамъ,

И вотъ они свидѣтелями будутъ.

Гамлетъ. О, ради Бога, говори!

Горацио. Вотъ, по двѣ ночи,
 Бернардо и Марцелль, на стражѣ стоя,
 Въ завѣтный часъ полуночи, видали: кто-то,
 На вашего родителя похожій, съ ногъ до головы
 Вооруженный, по три раза каждой ночью,
 Торжественно и тихо, величавый,
 На разстояніи копья, не дальше,
 Шелъ мимо нихъ. Они, въ испугѣ,
 Облитые холоднымъ потомъ, рѣчь
 Начать не смѣли, трепеща отъ страха.
 Они открыли тайну мнѣ, и въ третью ночь
 Я съ ними былъ на стражѣ. Въ часъ завѣтный
 И въ томъ же видѣ, какъ являлось прежде,
 Явился привидѣнье — я его узналъ:
 То былъ родитель вашъ, и сходство
 Разительное было между нимъ и тѣнью.

Гамлетъ. Гдѣ это было?

Марцелло. На террасѣ, гдѣ мы стражу держимъ.

Гамлетъ. Онъ съ вами говорилъ?

Горацио. Нѣтъ, принцъ, ни слова.

Я рѣчь къ нему осмѣлился начать,
 И онъ хотѣлъ какъ будто говорить,
 Но утра часъ мгновенно наступилъ
 И смутное исчезло привидѣнье.

Гамлетъ. Странно!

Горацио. Но въ вѣрности разказа я ручаюсь,
 И долгомъ мы поставили донести
 Вамъ, принцъ.

Гамлетъ. Благодарю, благодарю, друзья.
 Но я встревоженъ вѣстью вашей... Нынѣ
 Вы будете-ль на стражѣ?

Всѣ. Будемъ, принцъ.

Гамлетъ. Онъ былъ вооруженъ?

Всѣ. Да, принцъ.

Гамлетъ. Вполнѣ?

Всѣ. Отъ головы до ногъ. ;

Гамлетъ. Но видно-ль было
Вамъ привидѣнія лицо?

Горацио. Наличникъ шлема
Быль поднятъ, и мы видѣли его.

Гамлетъ. Онъ былъ угрюмъ?

Горацио. Печаленъ больше, а не гнѣвенъ.

Гамлетъ. И блѣденъ?

Горацио. Страшно блѣденъ!

Гамлетъ. Пристально-ль смотрѣлъ
На васъ онъ?

Горацио. Очень пристально.

Гамлетъ. Зачѣмъ
Я не былъ съ вами!

Горацио. Вы-бъ изумились, принцъ!

Гамлетъ. Да, да, но долго-ль былъ онъ съ вами?

Горацио. Врядъ ли сотню
Успѣшь насчитать, считая тихо.

Марцелло и Бернардо. Дольше!

Горацио. По крайней мѣрѣ, въ этотъ разъ,
Когда я былъ—не дольше.

Гамлетъ. Въ эту ночь
На стражѣ съ вами самъ я стану. Можетъ быть,
Онъ вновь придетъ...

Горацио. Повѣрьте, принцъ, придетъ.

Гамлетъ. И если я увижу образъ
Почтенный, родителя мнѣ драгоцѣнный видъ,
Я стану говорить съ нимъ — хоть бы адъ,
Разверзнувъ челюсти, мнѣ воспрещалъ! Прошу васъ:
Когда вы скрыли тайну привидѣнья,
Хранить ее, хранить свое молчанье.
И, что бы ни случилось въ эту ночь
Вамъ видѣтъ — языку не ввѣрить ничего!
Любовь моя васъ наградить. Простите!
Мы тамъ, на мѣстѣ, свидимся опять,
Между двѣнадцати часовъ и полуночи
Мы свидимся!

Всѣ. Почтенье наше, принцъ!

Гамлетъ. И дружба вамъ моя! Прощайте!
 (Они уходятъ)
 Тѣнь моего отца — въ оружіи! — Бѣдами
 Грозить она — открытіемъ злодѣйства...
 О, еслибъ поскорѣе ночь настала!
 До тѣхъ поръ — спи, моя душа!
 Злодѣйство встанетъ на бѣду себѣ,
 И если ты его землей закроешь цѣлой,
 Оно страхнетъ ее и явится на свѣтъ!
 (Уходитъ).

ЛАЕРТЬ И ОФЕЛІЯ (Входятъ).

Лаертъ. Ужъ все мое на кораблѣ. — Прощай,
 Сестра! Попутный вѣетъ вѣтеръ
 И путь мой будетъ недалекъ. Смотри же,
 Не полѣнись писать мнѣ!

Офелія. Буду.

Лаертъ. А о Гамлетѣ и его любви
 Забудь. Повѣрь, что это все мечта,
 Игрушка дѣтская, цвѣтокъ весенній,
 Который пропадетъ, какъ тѣнь —
 Не болѣе.

Офелія. Не болѣе?

Лаертъ. Повѣрь же брату ²⁾.
 Не спору, что Гамлетъ, быть можетъ,
 Одушевленъ къ тебѣ любовью чистой,
 Но онъ не властенъ въ жребіи своемъ,
 Онъ долженъ жертвовать собой отчизнѣ,
 И ты ему подругой быть не можешь.
 Подумай, что-жь тебѣ въ его любовной пѣснѣ,
 Въ мечтѣ опасной? Если чувство сердца
 Ты дашь замѣтить принцу, кто порука,
 Что онъ не увлечетъ тебя въ погибель?
 Свѣтъ такъ бессмысленъ, люди такъ коварны...
 И если клевета найдетъ причину,
 Злословіе тебя погубитъ. Вѣрь,

Что опасенѣ лучшая преграда
Отъ пылкой страсти и злорѣчья свѣта.

Офелія. Совѣтъ хорошъ, я вѣрю, но, любезный
братъ,

Скажи: ты не походишь ли на тѣхъ,
Кто любить путь указывать къ добру,
А самъ идетъ дорогою окольной?

Лаертъ. Нѣтъ! вѣрь усердью брата и его любви!
Но вотъ идетъ отецъ нашъ.

(Полоній входитъ).

Мой родитель!

Мы съ вами ужъ простились, но случайно
Опять встрѣчаемся.

Полоній. Да, что-жъ ты медлишь?
Попутный дуетъ вѣтеръ—добрый путь!
Ну, кстати, я тебя еще благословлю
И вновь тебѣ благіе дамъ совѣты —
Запечатлѣй ихъ въ памяти, Лаертъ!
Не все то говори, что знаешь;
Подумай прежде, а потомъ исполни;
Будь ласковъ, но дружись подумавъ;
Съ кѣмъ подружился, вѣрнымъ другомъ будь,
Но всякому не довѣрайся въ дружбѣ;
Не ссорься, а, поссорившись, будь твердъ;
Все слушай, да не все болтай, что слышишь;
Всѣхъ мнѣнія узнать старайся,
Но самъ соображай, что думать должно;
Не будь скупцомъ, но не мотай безъ толку;
По платью насъ встрѣчаютъ, потому
Въ одеждѣ не показывайся скрягой,
Но роскоши остерегайся также;
Самъ не проси въ займы и не давай другимъ;
Ссудить, занять—повѣрь, то и другое
Ведетъ къ разрыву дружбы³). Вотъ,
Что я хотѣлъ тебѣ сказать. Довольно!
Ну, Богъ тебя благослови, мой сынъ!

Лаертъ. Простите! мой почтеннѣйшій родитель!

Полоній. Тебя вѣдь ждуть—что медлить? Съ Богомъ!

Лаертъ. Прощай, Офелія, и помни мой совѣтъ!

Офелія. Я заперла его на сердцѣ—ключъ
Возьми съ собой, Лаертъ.

Лаертъ.

Простите!

(Уходитъ).

Полоній. Какой совѣтъ, Офелія? Что это значитъ?

Офелія. О принцѣ мнѣ Гамлетъ говорилъ онъ.

Полоній.

Кстати!

Вотъ слышалъ я, что будто бы Гамлетъ
Съ тобою ласковъ, и что будто ты сама
Съ нимъ что-то ласкова? Послушай:

Когда все это правда—знаешь —

Я, какъ отецъ и честный человѣкъ,
Скажу тебѣ.. Признайся откровенно,
Что поводъ подаетъ къ такимъ рѣчамъ?

Офелія. Не знаю, мой родитель. Принцъ
Мнѣ говорилъ, что онъ.... что онъ....
Ко мнѣ питаетъ чувство уваженья...

Полоній. Ужъ эти уваженья мнѣ... И ты могла,
Какъ глупая дѣвчонка, вѣрить вздорамъ?

Офелія. Что думать мнѣ—сама не знаю я.

Полоній. Такъ я тебѣ скажу, что ты глупа,
И за наличную берешь монету
Слова пустыя. Уваженье! можетъ быть,
Ты уменьшаешь смыслъ... Пожалуй —
Онъ скажетъ, что влюбленъ, что любить,
Что обожаетъ, что не можетъ жить!

Офелія. Онъ о любви мнѣ говорилъ, но такъ
Былъ нѣженъ, такъ почтителенъ и робокъ...

Полоній. Такъ что-жъ еще? Да какъ же говоришь?
Поди ты, безтолковая дѣвчонка!

Офелія. Онъ клялся мнѣ въ любви своей.

Полоній.

Вотъ-на!

Ну, принцъ Гамлетъ, ты ловко ловишь дичь!
Положимъ, если онъ и точно любить,

И страстью увлеченъ къ тебѣ, мой другъ,
 Такъ это просто—свѣтитъ, да не грѣтъ,
 И не огонь, а молнія и—только!
 Впередъ старайся съ нимъ не говорить,
 А особливо о любви и потихоньку.
 Принцъ молодъ, и ему, какъ принцу,
 Простительно;—тебѣ, Офелія,—никакъ!
 И коротко, да ясно: ничему не вѣрь!
 Знай: этотъ молодой народъ обманщикъ,
 Прикинется такимъ, что будто чудо...
 А въ самомъ дѣлѣ... Ты не понимаешь,
 Но я тебѣ однажды навсегда
 Ни говорить самой, ни слушать рѣчи принца
 Объ этакихъ вещахъ не позволяю—слышишь?
 Прошу припомнить и не забывать!
Офелія. Всегда
 Повиноваться вамъ мой первый долгъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Декорація перваго явленія.

ГАМЛЕТЪ, ГОРАЦІО, МАРЦЕЛЛО.

Гамлетъ. Какъ холодно! какой же рѣзкій вѣтеръ!

Гораціо. Да, холодно и вѣтръ пронзительный.

Гамлетъ. А часъ который?

Гораціо. Полночь скоро.

Марцелло. Полночь било.

Гораціо. А, такъ скоро часъ настанетъ,
 Когда мертвецъ сюда приходитъ.

(Отдаленные звуки трубъ).

Что это такое?

Гамлетъ. Что?—веселый пиръ
 Великаго властителя, и каждый разъ,
 Какъ онъ стаканъ вина подноситъ ко рту,

Звучь трубный возвѣщаетъ свѣту подвигъ
Героя-короля.

Горацио. Таковъ обычай.

Гамлетъ. И не спорю ⁴⁾,
Да зачѣмъ не кинуть намъ такой дурной обычай?
Онъ сдѣлалъ насъ посмѣшищемъ другихъ.
Пусть онъ ошибка, пусть привычка будетъ, —
Зачѣмъ безславить намъ себя
И малаго пятна не постараться смыть,
Чтобы оно намъ чести не губило?

Горацио. Смотрите, принцъ—вотъ онъ идетъ!
(Входитъ тѣнь).

Гамлетъ. О, защитите насъ, святые духи неба!
Тѣнь праведная, иль мертвецъ проклятый,
Несешь ли ты намъ счастье или гибель,
Дыханье неба или адскій смрадъ!
Ты намъ предсталъ въ такомъ великомъ видѣ —
Я долженъ говорить тебѣ—отвѣтствуй,
Гамлетъ, король мой—мой отецъ!
Не дай погибнуть мнѣ въ незнаніи—скажи,
Зачѣмъ твои воздвиглись кости изъ гробницы?
Зачѣмъ ты разорвалъ свой саванъ гробовой?
Ты, трупъ безъ жизни, вновь въ стальной бронѣ,
Здѣсь бродишь въ мѣсячномъ сіяньи,
Стращаешь насъ, безумцевъ, и тревожишь
Такими мыслями, что бѣдный разумъ
Невольникомъ становится безумства!
Зачѣмъ ты здѣсь? Скажи, что дѣлать намъ?

Горацио. Принцъ! онъ васъ манить, онъ васъ
зоветъ,
Какъ будто тайну хочетъ вамъ открыть
Наединѣ...

Марцелло. Смотри, какъ дружески и тихо
Онъ васъ зоветъ съ собой—но, ради Бога,
Принцъ! не ходите!

Горацио. Не ходите, принцъ!

Гамлетъ. Онъ здѣсь не говорить, и я иду за нимъ!

Горацио. Нѣтъ, принцъ!

Гамлетъ. Чего бояться?

Мнѣ жизнь моя ничтожна, а душѣ...

Что сдѣлать можетъ онъ душѣ безсмертной?

Смотрите—онъ зоветъ—иду, иду!

Горацио. А если онъ васъ заведетъ въ пучину моря,

Иль на скалу, что тамъ стоитъ

На берегу морскомъ, склонясь на волны,

И въ страшномъ видѣ тамъ предстанетъ онъ

И разумъ вашъ безумствомъ замѣнитъ?

Ужасенъ видъ одинъ ревущихъ волнъ

Подъ дикою скалою утеса...

Гамлетъ. Снова манитъ онъ—иди, я слѣдую—иду!

Марцелло. Вы не пойдете, принцъ!

Гамлетъ. Прочь отъ меня!

Горацио. Опомнитесь!

Гамлетъ. Судьба зоветъ меня,

И въ каждой жилѣ чувствую я крѣпость

Могучихъ львиныхъ силъ—онъ вновь зоветъ!

Прочь отъ меня, прочь—я клянусь вамъ небомъ,

Что будетъ мертвецомъ, кто смѣетъ

Остановить меня—клянусь... иди, я слѣдую... иду!

(Онъ идетъ за тѣнью).

Горацио. Онъ помѣшался, обезумѣлъ онъ!

Марцелло. Пойдемъ за нимъ—намъ долгъ вѣдѣть идти!

Горацио. Пойдемъ! Но что послѣдуетъ затѣмъ!

Марцелло. Я бѣдствія отечества предвижу!

Горацио. Да сохранить насъ небо!

Марцелло.

Поспѣшимъ.

(Они уходятъ).

ТѢНЬ, ГАМЛЕТЪ (слѣдуетъ за нею).

Гамлетъ. Куда ведешь ты? Говори! Я далѣ неиду!

Тень. Внимай мнѣ.

Гамлетъ.

Говори!

Тинъ. Ужь скоро часъ ударить,
Когда мнѣ должно возвратиться въ тѣ мѣста,
При имени которыхъ грѣшникъ содрогнется.

Гамлетъ. Увы! отецъ мой!

Тинъ. Не жалѣй о мнѣ—внимай, что буду
Я говорить—внимай!

Гамлетъ. Вниманье долгъ мой!

Тинъ. И мщенье за меня твой неизмѣнный долгъ!

Гамлетъ. Что слышу?

Тинъ. Голосъ твоего отца,
Сужденнаго бродить во тьмѣ ночной,
И мучиться, пока грѣхи мои сгорятъ
Средь пламени терзаній адскихъ.
О, еслибъ могъ я рассказать тебѣ —
Отъ одного бы слова кровь твоя застыла,
И очи выпали бы со слезами,
И каждый волосъ на главѣ твоей сталъ дыбомъ!
Но вѣчное молчанье печатлѣетъ мнѣ уста...
Внимай, внимай, внимай! Любилъ ли ты меня?

Гамлетъ. О, небо!

Тинъ. Отмсти же смерть мою—убійство!

Гамлетъ. Какъ? убійство!

Тинъ. Да, безчеловѣчное, свирѣпое убійство,
Злодѣйство безъ числа и мѣры, и предѣловъ!

Гамлетъ. Скажи мнѣ—будто мысль или помыслы
любви,

Я полечу къ отмщенью!

Тинъ. Ты готовъ,
И еслибъ ты подобенъ былъ травѣ изгнившей,
Ты долженъ быть готовъ! Внимай мнѣ, сынъ мой:
Распространили слухъ, что сонный я
Ужаленъ былъ змѣею ядовитой...

Такъ говорили, но узнай, мой юный сынъ,
Что змѣй, ужалившій меня и погубившій,
Теперь вѣнецъ мой носить!

Гамлетъ. Дядя мой!
О ты, души моей предчувствіе, сбылось!

Тиль. Чудовище разврата и порока
 Волшебствомъ разума и лестью нѣги
 Умѣлъ прельстить мою супругу, королеву...
 Гамлетъ! ты понялъ ли позоръ и стыдъ мой?
 Она поверглась въ пропасти разврата
 И оболститель восторжествовалъ! ⁵⁾
 Но, слышу, вѣтъ утренней прохладой —
 Мнѣ должно сократить рассказъ—въ саду
 Я отдыхалъ, и съ чашей яда онъ подерался,
 И сонному мнѣ въ ухо влилъ ужасный ядъ,
 Ядъ, отъ котораго кровь стынетъ
 И тѣло падаетъ согнившимъ трупомъ.
 И въ мигъ одинъ рукою брата
 Я былъ лишень супруги, и вѣнца, и жизни,
 Погибъ во тьмѣ грѣха, безъ покаянья!
 О ужасъ, ужасъ, ужасъ! Позабудь природы голосъ,
 Избавь позора честь мою и тронъ!
 Страшись вознестъ на матеръ руку,
 Оставь ее терзаньямъ горести и скорби —
 Отмсти убійцѣ!.. Червь свѣтящій меренетъ
 И утра часъ мнѣ тяжкій возвѣщаетъ.
 Прощай, прощай, прощай, и помни обо мнѣ!

(Исчезаетъ)

Гамлетъ (одинъ). О небо! И земля! И что еще?
 Или и самый адъ призвать я долженъ?
 Не бейся, сердце, и не старѣй, тѣло,
 И укрѣпитесь въ новыхъ силахъ!
 Помнить о тебѣ... Отецъ несчастный!
 Я буду помнить, пока память будетъ!
 Помнить о тебѣ... Да, я изглажу
 Изъ памяти моей все, что я помнилъ,
 Всѣ мысли, чувства, всѣ мечты, всю жизнь,
 И запишу на ней твои слова,
 Твои велѣнья, и ничто во вѣки
 Не соединится съ ними! Небо и земля!
 О, мать моя! Чудовище порока...
 Гдѣ мои замѣтки? Я запишу на нихъ:

„Улыбка и злодѣйство вмѣстѣ могутъ быть!“
И что еще? Я запишу его слова:

„Прощай, прощай, прощай, и помни обо мнѣ!“
Клянусь—я помню!

Гораціо (за сценою). Принцъ, принцъ!

Марцелло. Гдѣ принцъ Гамлетъ!

Гораціо (за сценою). Храни насъ небо!

Гамлетъ. Да, я помню!

Марцелло. Принцъ, гдѣ, гдѣ вы?

Гамлетъ. Здѣсь, малютка, здѣсь! Сюда, сюда, я здѣсь!

ГОРАЦІО И МАРЦЕЛЛО.

Марцелло. Что съ вами, принцъ?

Гораціо. Что новаго? Скажите!

Гамлетъ. О! чудеса!

Гораціо. Скажите, принцъ, скажите!

Гамлетъ. Нѣтъ!

Ты всѣмъ расскажешь!

Гораціо. Нѣтъ! Клянемся!

Гамлетъ. Что говоришь ты: я повѣрю людямъ?

Ты все откроешь!

Гораціо и *Марцелло*. Нѣтъ! клянемся небомъ!

Гамлетъ. Такъ знайте-жъ: въ Даніи бездѣльникъ
каждый

Есть въ то же время илутъ негодный. Да!

Гораціо. Намъ эту новость рассказать

Не стоило вставать изъ гроба...

Гамлетъ. Истинная правда, да, и потому, что
правда,

Давайте руки и разстанемся друзьями!

Идите вы, куда влекутъ желанья и дѣла —

У всякаго есть дѣло, есть желанье —

А я пойду, куда велитъ мой жалкій жребій.

Пойду—молиться...

Горацио. Принцъ! что за слова
Разстройства и смущенья!

Гамлетъ. Жаль мнѣ, очень жаль,
Что оскорбляю васъ словами—право жаль!

Горацио. Тутъ оскорбленья нѣтъ.

Гамлетъ. Нѣтъ, есть, Горацио,
И оскорбленіе большое! А объ этой тѣни
Я вамъ скажу, что тѣнь почтенная, повѣрьте!
О томъ же, что желали бы вы знать,
Что между нами было—постарайтесь
Какъ можно укротить желанье ваше!
Теперь, друзья мои, товарищи, позвольте
Къ вамъ маленькую просьбу...

Горацио. Говорите, принцъ!

Гамлетъ. Ни слова никому, что было въ эту ночь!

Горацио и Марцелло. Принцъ! никому!

Гамлетъ.

Кляннитесь!

Горацио.

За себя,

Клянусь!

Марцелло. Я за себя клянусь!

Гамлетъ. Нѣтъ! клятву на мечѣ моемъ!

Марцелло.

Мы вамъ клялись!

Гамлетъ. Что нужды! На мечѣ!

Тѣнь (подъ землею).

Кляннитесь!

Гамлетъ. А! онъ здѣсь, пріятель, здѣсь—что-жь?

Выходи!

Вы слышали его: „Кляннитесь?“

Горацио.

Повторяемъ клятву!

Гамлетъ. Никогда не говорить, что было здѣсь—
Мечемъ моимъ, мечемъ клянетесь ли?

Тѣнь (подъ землею).

Кляннитесь!

Гамлетъ. Онъ здѣсь и тамъ! Мы перемѣнимъ
мѣсто—

Сюда, друзья!

Кладите руки ваши здѣсь, на мечъ мой,

Мечемъ моимъ кляннитесь,

Никогда не говорить, что было здѣсь!

Гвнъ (подъ землею). Мечемъ его влянитесь!
Гамлетъ. Хорошо, подземный кротъ, ты роешь
 славно

И подъ землею такъ и бѣгаешь! Сюда,
 Подальше отъ него, друзья, сюда!

Гораціо. Клянусь—невѣдомое чудо совершилось!
Гамлетъ. И постарайтесь чтобъ оно невѣдомо
 осталось.

Гораціо, есть многое и на землѣ и въ небѣ,
 О чемъ мечтать не смѣетъ наша мудрость!
 Къ дѣлу!

И здѣсь, и тамъ, всегда, да будетъ Богъ свидѣтель,
 Какъ странны ни казались бы мои поступки —
 Быть можетъ, вздумается мнѣ, съ чего нибудь,
 Прикинуться безумцемъ —

Вы, что-бъ ни дѣлалъ я, вы никогда
 Не сложите вотъ такъ рукъ, и головою
 Не покачаете вотъ такъ, и слова

Двусмысленнаго не произнесете—напримѣръ:
 „Да, да, мы знаемъ“, или „мы могли-бъ, когда
 хотѣли“,

Иль—„еслибъ говорить“, иль—„можно бы узнать“...
 Словомъ — ни одно и никакое слово,
 И никакой намекъ, что вамъ извѣстно что нибудь—
 Клянитесь мнѣ — и сохрани васъ Боже
 Нарушить клятву мнѣ!

Гвнъ (подъ землею). Клянитесь!

Гамлетъ. О, успокойся, страдающая тѣнь!—Друзья!
 Со всей любовью остаюсь я къ вамъ,
 И, какъ Гамлетъ ни бѣденъ жребіемъ своимъ,
 Онъ дружбу и любовь свою докажетъ вамъ,
 При Божьей помощи. Пойдемте вмѣстѣ,
 И палецъ на губы и навсегда, прошу васъ!
 Событіе внѣ всякаго другаго! Преступленье
 Проклятое! Зачѣмъ рожденъ я наказать тебя!
 Но — въ путь, друзья мои! Пойдемте вмѣстѣ!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Королевскій дворецъ.

ПОЛОНІЙ И РЕЙНОЛЬДО.

Полоній. Ну, понялъ ли? Вотъ деньги и бумаги.

Рейнольдо. Исполню твой приказъ.

Полоній.

Но прежде,

Какъ говорилъ я, подъ рукой развѣдать
Ты долженъ обо всѣмъ—ну, понимаешь?

Рейнольдо.

Да.

Полоній. Люблю, какъ понимаютъ. Вотъ ты и начни
Издадека: кто земляки твои,
Какъ поживаютъ и что дѣлаютъ въ Парижѣ,
Гдѣ кто живетъ, съ кѣмъ водится,
А тамъ, какъ будто не нарочно,
И объ Лаертѣ, но искусно, поведешь ты слово.
Сперва скажи, что ты его не знаешь вовсе,
Или вотъ такъ: „Отца его я знаю,
Такъ, немного, и родню немного“—понимаешь?

Рейнольдо. Да.

Полоній. „Ну, и его немного“, а потомъ:
„Не тотъ ли это, шалунъ, такой, сякой“—
И можешь многое сказать—лишь не дурное,
Боже сохрани—нѣтъ, нѣтъ, а знаешь,

Всякій вздоръ, что молодежи не грѣшно
И извинительно... Вотъ вотъ...

Рейнольд. Ну, карты, напрімѣръ?

Полоній. Пожалуй — карты, вино, драчливость,
ссоры,

Волокитство...

Рейнольд. Да не пороки-ль это?

Полоній. Пороки! Все зависитъ отъ того,
Какъ станешь говорить. Не называя прямо,
Что онъ игрокъ, буянъ, представь его
На волѣ юношей, съ горячей кровью
И съ вольной головой... Тутъ надо такъ, искусно...
Ужли не понимаешь?

Рейнольд. Но къ чему же это?

Полоній. То есть, къ чему все это поведетъ?

Рейнольд. Да, я хотѣлъ бы

Знать ваши мысли.

Полоній. А вотъ видишь,
Какой тутъ планъ — онъ, кажется, не дурень,
Хитерь довольно! Вотъ, когда ты набросаешь
Твои намеки, примѣчай прилежно,
Что скажетъ, съ кѣмъ ты говоришь,
И будь увѣренъ, если только мало-мало
Есть основаніе всему, что ты сказалъ,
Твой собесѣдникъ такъ заговоритъ:
„Да, милостивый государь“, или „Да, другъ“, или
„Да, господинъ честной“... то есть смотря,
Какъ говорится тамъ у нихъ...

Рейнольд. Положимъ,

Что говорится какъ нибудь — онъ скажетъ...

Полоній. Да, онъ скажетъ... скажетъ... Что бишь?
О чемъ шла рѣчь? Ты съ толку сбиль меня!
Я что-то говорилъ...

Рейнольд. Да, „онъ заговоритъ“,
Сказали вы...

Полоній. Ну, да! Вотъ онъ заговоритъ:
„Я видѣлъ точно, этотъ господинъ

Вчера былъ тамъ, сегодня былъ онъ здѣсь;
 Онъ здѣсь былъ хмѣленъ—тамъ онъ проигрался—
 Тамъ онъ подрался—тамъ онъ былъ "... Ты видишь,
 Что твой намекъ былъ удочкой, и ты
 Успѣешь правду поймать на эту уду!
 Такъ, милый мой, мудрецъ и ловкій человекъ,
 Сторонкой, да обходомъ, да уловкой,
 Идти умѣеть прямо къ вѣрной цѣли,
 И такъ поступишь ты и въ этомъ дѣлѣ
 И правду мнѣ развѣдаешь объ сынѣ.
 Понятно ли?

Рейнольдъ. Понятно.

Полоній. Хорошо!

Путь добрый! Отправляйся съ Богомъ въ путь!

Рейнольдъ. Прощенья просимъ!

Полоній. Между тѣмъ ты не забудешь

И самъ замѣтить?

Рейнольдъ. Да, конечно.

Полоній. Между тѣмъ

Ему замѣтить не давай!

Рейнольдъ. Мое почтенье!

(Уходитъ).

Полоній. Съ Богомъ!

(Входитъ Офелія).

Ну что, Офелія? что новаго?

Офелія. Ахъ! Боже мой! я вся дрожу отъ страха!

Полоній. Что, что такое сдѣлалось? Скажи скорѣе!

Офелія. Я въ комнатѣ своей сидѣла за шитьемъ,

Вдругъ принцъ Гамлетъ вошелъ ко мнѣ,
 Безъ шляпы, весь растрепанъ, блѣденъ,
 Дрожить, и видъ его былъ такъ ужасенъ,
 Какъ будто адскую узналъ онъ тайну...

Полоній. Рехнулся отъ любви къ тебѣ?

Офелія.

Не знаю,

Но, кажется, онъ помѣшался.

Полоній.

Что такое

Онъ говорилъ?

Офелія. Онъ за руку схватилъ меня
И крѣпко руку мнѣ пожалъ; другой рукой
Закрылъ глаза, вотъ такъ—и долго
Смотрѣлъ въ лицо мнѣ, и потомъ вздохнулъ
Такъ тяжко, будто съ этимъ вздохомъ
Душа его хотѣла улетѣть. Потомъ
Онъ покачалъ три раза головой
И вонъ пошелъ, но не спуская глазъ съ меня,
Не думая, куда идетъ...

Полоній. Довольно,
Скорѣе къ королю. Безумство это—
Любовное безумство, понимаю!
Любовь всего скорѣй съ ума насъ сводить.
Жаль, очень жаль мнѣ принца! Вѣрно,
Ты грубо отвѣчала на его любовь?

Офелія. Нѣтъ, только слѣдуя приказу,
Я писемъ отъ него не принимала больше
И запретила видѣться со мной.

Полоній. Вотъ онъ и одурѣлъ отъ этого! Какъ
жаль,
Что поступилъ я слишкомъ скоро строго!
Да вѣдь я думалъ, что онъ шутить! Могъ ли
Предвидѣть слѣдствія.. поторопился—глупо!
Все недовѣрчивость проклятая причиной—
Мы, старики, упрямы. Поспѣшимъ
Скорѣе къ королю и все расскажемъ.
Его не столько оскорбитъ любовь Гамлета,
Какъ то, когда мы истины не скажемъ.

(Уходитъ).

КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, РОЗЕНКРАНЦЪ, ГИЛЬДЕН-
ШТЕРНЪ, ПРИДВОРНЫЕ.

Король. Добро пожаловать, любезный Розенкранцъ
И Гильденштернъ. Мы рады видѣть васъ,
И кромѣ этого желанья, поспѣшили
Послать за вами потому, что мы

Надѣмся отъ васъ услуги важной.
 Вы слышали о перемѣнѣ,
 Какую видятъ нынѣ всѣ въ Гамлетѣ?
 Говорю: „о перемѣнѣ“, потому что онъ
 Самъ на себя сталъ непохожъ.
 Отца ли смерть причиною тому?—
 Не понимаю, и обоихъ васъ прошу,
 Васъ, какъ товарищей его, друзей,
 Остаться съ нами, постараться какъ нибудь
 Развлечь Гамлета; между тѣмъ прилежно
 Наблюсть и разгадать причину перемѣны
 Въ его характерѣ, умѣ, поступкахъ.
 Узнавши, чѣмъ онъ боленъ, намъ легко
 Сыскать лекарство.

Королева. Онъ всегда объ васъ
 Такъ говорилъ, какъ о друзьяхъ своихъ,
 И если вы остаться съ нами согласитесь
 На время, намъ помочь въ несчастьи нашемъ,
 Повѣрьте, что наградой вашей будетъ
 Моя и короля признательность.

Розенкранцъ. Не смѣемъ,
 Королева, мы преслужать васъ;
 Вы не просить—приказывать извольте.

Гильденштернъ. Мы оба счастиемъ почтемъ услугу,
 И вашей королевской власти предаемъ
 Всѣ наши средства, силы и желанья.

Король. Благодаримъ васъ, Розенкранцъ и Гильденштернъ!

Королева. И я благодарю васъ, и прошу скорѣе
 Идти къ несчастному Гамлету. Кто нибудь
 Изъ васъ проводить ихъ туда, гдѣ онъ теперь.

Король ⁶⁾. И дай Богъ, чтобы это въ пользу послужило

И намъ, и вамъ.

Королева. Ахъ! дай Богъ, дай Богъ!

(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ въ сопровожденіи одного изъ придворныхъ).

Полоній. Послы, которыхъ вы въ Норвегію послали, Приѣхали, и—съ добрыми вѣстями!

Король. Ты былъ всегда отцомъ вѣстей пріятныхъ.

Полоній. Вы думаете такъ, король? Повѣрьте, Всемилостивѣйшій властитель мой, что я Вамъ, послѣ Бога, вамъ все посвящаю, И душу и мои способности, и если На сей разъ мнѣ догадка не измѣнитъ, Какъ прежде мнѣ не измѣняла—я Сыскалъ причину принцева разстройства.

Король. Такъ говори же поскорѣе, говори!

Полоній. Угодно-ль вамъ сперва пословъ увидѣть, А важное открытіе мое Пусть будетъ вамъ закуской послѣ нихъ.

Король. Введи ихъ поскорѣе къ намъ сюда.

(Полоній уходитъ).

Онъ говоритъ, Гертруда, что нашель Причину помѣшательства Гамлета.

Королева. Какой причинѣ быть иной, Какъ смерть отца и нашъ поспѣшный бракъ!

Король. Мы все узнаемъ.

(Къ Волтиманду и Корнелію которыхъ вводитъ Полоній).

Нашъ привѣтъ вамъ, господа!

Что, Волтимандъ, вы привезли Отъ брата нашего, норвежскаго владыки?

Волтимандъ. Возвратъ привѣтствій дружбы и союза.

Едва мы прибыли въ Норвегію, не медля

Онъ прекратилъ всѣ замыслы вражды,

Какіе составлялъ его племянникъ:

Онъ увѣрялъ, что будто противъ Польши

Сбираетъ войско и грозитъ войною.

Но замыслъ тайный мы открыли королю,

Онъ оскорбился, что племянникъ смѣлъ

Во зло употребить его терпѣнье;

Онъ строго говорилъ съ нимъ, и, послушный

Велѣнью дяди, юный Фортинбрасъ
 Далъ клятву сохранить къ вамъ миръ и дружбу;
 За то король ему позволить согласился
 Отправиться на битву съ Польшей, войско,
 Имъ собранное, въ Польшу повести.
 Вотъ грамота, гдѣ онъ проситъ васъ смѣть,
 Чтобъ вы позволили чрезъ Датскія владѣнья
 Племяннику его пройти на Польшу.
 Онъ вамъ ручается за безопасность вашу
 И объясняетъ всѣ условія, какія
 Почелъ онъ нужными, при вашей волѣ,
 На просьбу Фортинбраса соглашаясь.

Король. Пріятно намъ все это слышать, и отвѣтомъ,
 По здоровомъ размысленіи, доказать,
 Что дружбу короля вполнѣ мы цѣнимъ.
 Благодаримъ васъ за труды. Идите
 Спокойно отдохнуть, и въ этотъ вечеръ
 Мы просимъ васъ веселье раздѣлить.

(Волтимандъ и Борнелій уходятъ).

Полоній. Ну! это кончено прекрасно, хорошо.
 Король и королева! говорить о томъ,
 Что есть величество, что преданность,
 Что день есть день, что ночь есть ночь и время—
 время.

Все это значить потерять и день, и ночь, и время
 И такъ какъ краткость есть душа ума,
 А многословіе его одежда, тѣло—
 Я буду кратокъ. Сынъ вашъ сумасшедшій,
 Онъ, то есть, то, что говорится—сумасшедшій,
 Но это въ сторону...

Королева. Да меньше словъ, а больше толку,

Полоній. Королева! я клянусь, что мыслю лишь
 о томъ!

Онъ сумасшедшій—правда—жаль,
 А потому и жаль, что правда—глупая фигура,
 Да Богъ съ ней, потому что дѣло въ дѣлѣ!
 Онъ сумасшедшій—мы согласны—вотъ и остается

Найти причину таковыхъ послѣдствій,
Иль лучше таковыхъ безслѣдствій,
Ибо слѣдствіе есть то, что слѣдъ пропалъ отъ дѣла.
Такъ кончено, и наконецъ идемъ къ концу—
Вниманія, король и королева!

Я дочь имѣю, ибо эта дочь моя,
Она, изъ послушанія и долга, мнѣ
Передала бумагу, и—прошу послушать:

*„Небесной, идолу души моей, прекраснѣйшей
Офеліи“.*

„Прекраснѣйшей!“—пустая, вздорная фраза, но
извольте выслушать. И такъ:

„На близкѣ твоей прелестной груди“, и прочее...

Королева. И это принцъ Гамлетъ писалъ къ ней?

Полоній. Вниманья, государыня—покажетъ дѣло.

Сомнѣвайся, что огонь въ звѣздахъ пылаеть,

Сомнѣвайся въ солнечномъ движеніи,

Въ томъ, что правда въ истинѣ бываетъ,

Но въ любви моей отбрось сомнѣнье.

*„Милая Офелія! эти строчки умножили мою
грусть. Я не умѣю красиво пересказать мои вздохи,
но я люблю тебя, очень люблю. Прости. Твой на-
всегда, обожаемая дѣва, пока духъ мой держится
въ тѣлѣ—*

Гамлетъ“.

Мнѣ повинуюсь, дочь мнѣ это показала;

Пересказала все, что говорилъ онъ ей,

Манеръ рѣчей и мѣсто, время—

Все мнѣ объяснила.

Король.

Но любовь Гамлета

Какъ принята?

Полоній.

А чѣмъ вы почитаете меня?

Король. Почтеннымъ, вѣрнымъ человѣкомъ.

Полоній. Я это докажу. Но чтѣбъ могли вы ду-
мать,

Когда-бъ любовь я эту принялъ
(Я предугадывалъ ее и прежде

Рѣчей дочернихъ), что-бъ могли вы думать,
 Король, и вы, владычица моя и королева,
 Когда бы дѣло это я оставилъ
 Такъ, какъ вещь ничтожную, пустую,
 Иль хладнокровно слушалъ я объ этомъ —
 Что-бъ могли вы думать? Нѣтъ! я прямо,
 Вотъ такъ началъ дочери мои слова:
 „Принцъ Гамлетъ, знай ты, не тебѣ чета,
 И это вздоръ“, и далъ ей наставленье
 Не подавать его любви потворства,
 Не брать подарковъ, письма отсылать.
 Она исподнила все свято, и—плоды
 Ея поступковъ были (сокращаю рѣчь)...
 Онъ былъ отверженъ, сдѣлался печаленъ,
 Потомъ сталъ мучиться, не спать, слабѣть,
 Дурѣть, шалѣть, и наконецъ съ ума сошелъ
 И всѣхъ насъ опечалилъ.

Король. Неужели точно?

Королева. Да, это можетъ быть легко.

Полоній. Да было ли хотъ разъ—прошу васъ уличить —

Когда бы я сказалъ, что это такъ,
 А вышло—нѣтъ?

Король. Нѣтъ, сколько я припомню.

Полоній (указывая на голову и плечи). Снимите же съ
 меня вотъ это, если

И теперъ не такъ. И только бы немного
 Вы помогли, я истину найду,
 Хотъ въ землю закопайте!

Король. Но какія-жъ средства?

Полоній. Вы знаете, что иногда часа четыре
 Онъ здѣсь гуляетъ въ галлерей.

Королева. Точно такъ.

Полоній. Вотъ въ это время я дочь и выпущу.
 Мы спрячемся здѣсь, за коврами,
 Подслушаемъ, и если онъ ее не любитъ,
 И если не она его ума лишила —

Не будь я больше тайный вашъ совѣтникъ,
Пусть буду конюхъ, скотопасъ...

Король.

Что-жь? я согласенъ.

(Гамлетъ входитъ, читая).

Королева. Посмотрите: вотъ онъ идетъ, читаетъ
что-то—какъ унылъ!

Полоній. Такъ удалитесь же скорѣе оба—я начну
Мои затѣи—о, позвольте только...

(Король и королева уходятъ).

Полоній. Какъ поживаете, любезный принцъ?

Гамлетъ. Слава Богу! хорошо.

Полоній. Да, знаете ли вы меня, принцъ?

Гамлетъ. Очень знаю: ты рыбакъ.

Полоній. Нѣтъ, принцъ.

Гамлетъ. Ну, если не такъ, то я желаю, чтобъ
ты былъ такъ же честенъ.

Полоній. Такъ же честенъ, принцъ?

Гамлетъ. Да, быть честнымъ на этомъ свѣтѣ зна-
читъ быть выбраннымъ изъ десяти тысячъ.

Полоній. Точная правда, принцъ.

Гамлетъ. И если самое солнце зарождаетъ чер-
вей въ дохлой собакѣ... Да, есть ли у тебя дочь?

Полоній. Есть, принцъ.

Гамлетъ. Не вели ей ходить на солнце, потому
что, хоть плодородіе значить благословеніе, но если
это коснется твоей дочери—береги ее, пріятель!

Полоній. Что вы хотите сказать, принцъ! (Въ сто-
рону). А все о моей дочери! Сначала онъ не узналъ
меня—сказалъ, что я рыбакъ. Такая дичь! Въ мо-
лодости я самъ влюблялся на-смерть—почти былъ
такимъ же дуракомъ. Поговоримъ еще. (Громко). Что
вы читаете, принцъ?

Гамлетъ. Слова, слова, слова!

Полоній. Да въ чемъ состоитъ дѣло, принцъ?

Гамлетъ. Тутъ нѣтъ дѣла.

Полоній. Я говорю, то есть, въ чемъ дѣло въ сло-
вахъ этой книги?

Гамлетъ. Клеветы! Проклятый насмѣшникъ сочинитель говоритъ, что у стариковъ волосы сѣдые, а лицо въ морщинахъ, глаза худо видятъ, а въ головѣ столько же безсилія, сколько и въ ногахъ. Все это правда, да писать этого не надобно, потому что, посуди самъ: ты можешь сдѣлаться такимъ же старикомъ, какъ я теперь, если по роковому манеру станешь пятиться задомъ на пути жизни.

Полоній (въ сторону). Глупыя рѣчи, но въ нихъ есть что-то методическое. (Вслухъ). Не пойдете ли куда нибудь прогуляться, принцъ?

Гамлетъ. Куда? Въ могилу?

Полоній. Ну, это уже будетъ въ самомъ дѣлѣ прогулка! (Въ сторону). Какъ онъ ловко перебиваетъ рѣчь! Сумасшедшіе иногда на-удачу говорятъ такъ ловко, что и умный не придумаетъ. Оставимъ его и пойдёмъ уладить встрѣчу его съ моею дочерью. (Вслухъ). Свѣтлѣйшій принцъ! позвольте взять смѣлость проститься съ вами.

Гамлетъ. Изъ всего, что вы можете взять у меня, ничего не уступлю я вамъ такъ охотно, какъ жизнь мою, жизнь мою, жизнь мою!

Полоній. Прощайте, принцъ!

Гамлетъ. Старый, глупый болтунъ!

(Розенкранцъ и Гильденштернъ входятъ).

Полоній. Вамъ угодно видѣть принца? Вотъ онъ.

Розенкранцъ. Благодаримъ.

(Полоній уходитъ).

Гильденштернъ. Почтеннѣйшій...

Розенкранцъ. Любезнѣйшій...

Гамлетъ. Милѣйшіе друзья! Каковъ ты, Гильденштернъ? Что милый Розенкранцъ? Ну, какъ васъ Богъ милуетъ?

Розенкранцъ. Что намъ дѣлается, принцъ, ничтожнымъ людямъ!

Гильденштернъ. Счастливымъ ужъ и потому, что мы не думаемъ о большомъ счастіи.

Гамлетъ. Такъ что, если счастье даетъ вамъ щелчки, и то ладно?

Розенкраничъ. Ну, это не совсѣмъ, принцъ.

Гамлетъ. Такъ вы добиваетесь середины вещей? И очень хорошо, но Фортуна—баба негодная... Да, что новаго, господа?

Розенкраничъ. Ничего, кромѣ того, принцъ, что свѣтъ становится лучше.

Гамлетъ. Въ самомъ дѣлѣ? Да что же онъ, развѣ съ ума сошелъ? Кстати, скажите: чѣмъ вы досадили Фортунѣ, что она отправила васъ въ тюрьму?

Гильденштернъ. Въ тюрьму, принцъ?

Гамлетъ. Да. Вѣдь Данія тюрьма.

Розенкраничъ. Стало быть, и цѣлый свѣтъ тюрьма?

Гамлетъ. Разумѣется. \ Свѣтъ просто тюрьма, съ разными перегородками и отдѣленіями. Данія самое гадкое отдѣленіе!

Розенкраничъ. Съ этимъ трудно согласиться, принцъ.

Гамлетъ. Можетъ быть, для васъ не такъ. Всякій думаетъ добро и худо по-своему; по-моему, свѣтъ—тюрьма.

Розенкраничъ. Можетъ быть, свѣтъ тѣсенъ для великой души вашей и потому кажется тюрьмою.

Гамлетъ. О Боже мой! моя великая душа помѣстилась бы въ орѣховой скорлупѣ, и я считалъ бы себя владыкою безпредѣльнаго пространства; но мнѣ снятся дурные сны, такіе дурные сны..

Гильденштернъ. Безъ сомнѣнія, это сны честолюбія, потому что честолюбецъ гоняется за мечтою сна.

Гамлетъ. Да вѣдь сонъ мечта?

Розенкраничъ. Конечно, и потому мнѣ кажется, что честолюбецъ гоняется за мечтою.

Гамлетъ. Право? Стало быть, наши лѣнныя мѣщане живутъ въ дѣйствительности, а великіе люди въ мечтаньи? Я что-то глупъ сегодня—не пойдти ли намъ къ королю.

Розенкранцъ и Гильденштернъ. Мы охотно будемъ вашими товарищами.

Гамлетъ. Въ глупости? О, нѣтъ, господа! И безъ того у меня такая толпа товарищей,—и даже услужниковъ. По чести говоря, глупость дешевая монета при нашемъ дворѣ. Но зачѣмъ вы въ Эльсинорѣ?

Розенкранцъ. Хотѣли видѣть васъ, принцъ.

Гамлетъ. Я бѣднякъ на спасибо, нищій, но благодарю васъ, друзья мои, и, разумѣется, благодарность моя стоитъ, по крайней мѣрѣ, грошъ! Чтò, васъ послали ко мнѣ или вы сами пришли, добровольно? Говорите искренно, говорите!

Гильденштернъ. Что прикажете, принцъ?

Гамлетъ. Все, что вамъ угодно, только не отвѣтъ на мой вопросъ. Мнѣ будетъ стыдно за васъ. Вы глядите такъ, а станете говорить иначе. Я знаю—добрые король и королева послали васъ.

Розенкранцъ. Для чего же, принцъ?

Гамлетъ. Это вы должны знать. Но я заклинаю васъ нашимъ товариществомъ, дружбою нашей юности, постоянною нашею любовью и всѣмъ, что только риторика можетъ придумать лучшаго, скажите откровенно: вы присланы ко мнѣ? Да или нѣтъ?

Розенкранцъ (Гильденштерну). Что сказать ему?

Гамлетъ (въ сторону). Я насквозь вижу васъ! (Громко). Если вы меня любите, не лгите.

Гильденштернъ. Принцъ! мы присланы къ вамъ.

Гамлетъ. А я скажу вамъ зачѣмъ. Мое изъясненіе избавитъ васъ отъ признанія и ни на одинъ волосъ не сдѣлаетъ васъ болтунами. Недавно, не знаю отчего, пропала вся моя веселость. Я бросилъ всѣ мои занятія, и мнѣ такъ грустно, что земля кажется мнѣ кускомъ грязи, а небо, это гордое величіе неба, съ его золотыми звѣздами—грудой заразныхъ паровъ. Какое величіе являетъ собою человѣкъ! Какое благородство въ его умѣ, без-

конечность въ способностяхъ, прелесть въ формахъ—это духъ небесный, украшеніе свѣта, образчикъ остальной природы!.. Ну, а для меня—что такое эта эссенція глины?.. Я не люблю человѣка—женщинъ еще больше! Что вы смѣтаете? Право такъ!

Розенкраницъ. Я не вѣрю, принцъ.

Гамлетъ. Что-жъ тутъ смѣшного, если я не люблю человѣка?

Розенкраницъ. Если не любите, то вы худо примете комедіантовъ, которые попались намъ на дорогѣ. Они хотѣли предложить вамъ свои услуги.

Гамлетъ. Почему-жъ не такъ. Играющій роли королей—добро пожаловать: я готовъ къ услугамъ; и странствующій рыцарь пусть явится съ своею шпагою; любовникъ не будетъ вздыхать даромъ: шуту свое мѣсто, дуракъ заставитъ умныхъ дурачиться, а княжна откровенно признается въ любви своей, въ стихахъ. Да, какіе это комедіанты?

Розенкраницъ. Тѣ самые, принцъ, которые нѣкогда вамъ очень нравились, и будутъ очень довольны, если и теперь понравятся вамъ⁷).

Гамлетъ. Почему-жъ не такъ? Тутъ еще не будетъ такихъ чудесъ, какія сдѣлались съ моимъ дядей, нынѣшнимъ датскимъ королемъ; тѣ, кто считалъ его ничтожнымъ при жизни моего отца, платятъ теперь 10, 20, 40 дукатовъ за маленький портретъ его. Тутъ надобно бы философіи постараться открыть: (отчего маленькіе человѣчки становятся великими, когда великіе переводятся?)

(Слышенъ звукъ трубъ).

Гильденштернъ. Вотъ и комедіанты!

Гамлетъ. А, господа, добро пожаловать! Давайте руки—ну, ну! скорѣе! Ласковость начинается привѣтствіемъ. Дайте сперва съ вами научиться мнѣ принять комедіантовъ, чтобъ не сказали потомъ, будто я былъ слишкомъ учтивъ къ такимъ людямъ, которые далеко уступаютъ вамъ, господа! Здрав-

ствуйте, здравствуйте, господа! Но—мой дядя-отецъ и моя мать-тетка очень ошибаются.

Гильденштернъ. Въ чемъ, принцъ?

Гамлетъ. Онъ и она не знаютъ, что я тогда только сумасшедшій, когда вѣтеръ дуетъ съ сѣверо-запада, а при южномъ вѣтрѣ я не приму свѣчки за солнце.

Полоній (входитъ). Здравія, господа!

Гамлетъ. Слушай, Гильденштернъ, и ты Розенкранцъ — на всякое ухо по одному слушателю — этотъ взрослый ребенокъ, котораго вы видите, еще не вышелъ изъ люльки.

Розенкранцъ. Можетъ быть, опять легъ въ нее; говорить, будто старость есть возвращеніе къ дѣтству.

Гамлетъ. Посмотрите, что онъ пришелъ извѣщать насъ о началѣ комедіи... Итакъ, это было, говорите вы, въ понедѣльникъ утромъ...

Полоній. Принцъ! я принесъ вамъ новости.

Гамлетъ. И я вамъ также могу рассказать много новаго. Когда въ Римѣ былъ великій актеръ Росціусъ...

Полоній. Къ намъ пріѣхали комедіанты.

Гамлетъ. Будто?

Полоній. По чести, правда.

Гамлетъ. На ослахъ молодцы

Бдутъ наши пѣвцы...

Полоній. Чудесные актеры! Для трагедій, комедій, историческихъ пасторалей, комическихъ пасторалей, исторіи пасторальной, трагедіи исторической, трагикомедіи, драмы съ тремя единствами и поэмъ безъ всякаго единства. Нѣтъ ничего печальнаго у Сенеки, забавнаго у Плавта, въ родѣ правильномъ, въ родѣ безъ правилъ, чего бы они не представляли..

Гамлетъ. О чудное чудо
И дивное диво!

Какимъ сокровищемъ обладаешь ты!

Полоній. Какимъ сокровищемъ?

Гамлетъ. Какимъ?

Дочь прелестную имѣешь

И любить ее умѣешь! ⁸⁾

Полоній (въ сторону). Все объ моей дочери!

Гамлетъ. Неправда ли, диво дивное?

Полоній. Если вы меня изволите называть дивомъ, у меня точно есть дочь, которую я очень люблю.

Гамлетъ. Одно изъ другого не слѣдуетъ.

Полоній. А что же слѣдуетъ, принцъ?

Гамлетъ. Что? —

Человѣкъ предполагаетъ,

А судьба располагаетъ!

И потомъ, вѣдь ты самъ знаешь:

Чему быть,

Того не миновать.

А потомъ... Да вотъ, кстати—явилось окончаніе рѣчи само собой.

(Входятъ нѣсколько актеровъ).

Добро пожаловать, добро пожаловать, господа! очень радъ васъ видѣть! Здравствуйте, друзья мои! Э, э, старый пріятель, у тебя борода поотросла съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались! А ты, дружище, у котораго голосъ походить на звонъ обрѣзаннаго червонца — здорово, и нечего мѣшкать — къ дѣлу, къ дѣлу! Какъ охотники, подстрѣлимъ первую дичь, какая попадется. Скорѣе — образчикъ вашего дарованія, какойнибудь страстный монологъ!

1-й актеръ. Что прикажете, принцъ?

Гамлетъ. Помнишь, ты читаль—что-бишь это такое, игранное или не игранное—еще не всѣмъ оно нравилось, но за то одни хвалили, другіе бранили. Одни говорили, что тутъ пустыя слова безъ смысла, а другіе находили черезчуръ много смысла; одни сказали, что это твореніе вкуса отличнаго, полное

идей здравыхъ и вѣрныхъ, и пріятныхъ, и отличныхъ, а другіе... Вотъ еще тутъ мнѣ особенно нравилось повѣствованіе Энея Дидонѣ, а всего болѣе, когда Эней рассказываетъ о смерти Пріама. Если помнишь, такъ начни съ этихъ стиховъ:

И Пирръ рыкающій, какъ бы Гирканскій левъ...

Кажется, не такъ, но точно начинается Пирромъ...

И Пирръ рыкающій, въ доспѣхъ вороненомъ,
Скрывая черну мысль, подъ темнымъ небосклономъ.
Исшедь изъ нѣдръ коня, оружіемъ гремитъ.
Онъ теплой кровію несчастныхъ жертвъ облить;
На немъ дымится кровь женъ, матерей несчастныхъ,
Отцовъ, дѣтей, сыновъ и дочерей ихъ злосчастныхъ.
Не такъ пожара огонь Троянскаго блеститъ,
Какъ злобный взоръ его свирѣпостью горитъ.
Какъ адскій огонь, ко злу онъ быстро прилетаетъ
И смертью погубить Пріама обѣщаетъ...

Продолжай!

Полоній. Превосходно, принцъ! Прочитано мастерски, съ удареніемъ, съ чувствомъ.

Актеръ (декламируетъ): И се, онъ зреть его, мечемъ своимъ дрожащимъ

Грозяща эллинамъ, весь Иліонъ палящимъ;
Но тягостью своей изъ рукъ исторгся мечъ,
И на неравный бой стремится Пирръ потечь.
Отъ взмаха тяжкаго Пріамъ осиротѣлый
Палъ на землю и—палъ съ нимъ Иліонъ всецѣлый.
Остановился Пирръ, свой укрощаетъ гнѣвъ
И смерти яростной претитъ разверзнуть зѣвъ.
Остановляетъ мечъ—такъ бури грозной силы,
Какъ будто пощадить хотятъ строенья Илы,
Мгновеніе одно—свой утишаютъ вой,
Чтобъ снова загремѣть погибельной грозой..
—Нѣтъ, никогда Гефестъ, свой подымая млатъ,
Такъ страшно не разилъ, какъ Пирра здѣсь будать
Разить несчастнаго Пріама.. О, Фортуна!

Зачѣмъ отъ Зевсова ты не падешь перуна,
 Зачѣмъ и боги всѣ, собравшись толпой,
 Тебя не свергнули въ мракъ сѣни гробовой
 И колесо твое во Тартаръ не скатили...

Полоній. Это очень длинно.

Гамлетъ. Пырюльникъ твой тоже говорилъ мнѣ
 о твоей бородѣ. Продолжай—вѣдь онъ скоро за-
 снетъ... Да—перейдемъ къ Гекубѣ.

Актеръ (декламируя). Но еслибъ ты узрѣлъ растре-
 панну Гекубу...

Гамлетъ. Что: „растрепанну Гекубу“?

Полоній. Да, въ самомъ дѣлѣ—хорошо ли это?
 Да, да, вѣдь это говорится о растрепанныхъ воло-
 сахъ. Хорошо, прекрасно!

Актеръ (декламируетъ). Стенящу, плачушу, таящу
 скорбь сугубу,

Сказаль бы ты, что слезъ ея кипящій токъ

Весь Иліона огонь залить мгновенно могъ.

Корона нѣкогда чело то украшала,

На коемъ нынѣ зришь ты лоскутъ покрывала—

Толико униженъ Гекубы тяжкій рокъ!

Изъ устъ ея летитъ проклятiя потокъ

На тяжку жребiя и счастья измѣну,

На бѣдствiй всѣхъ вину, коварную Елену.

О, еслибъ боги зрѣть могли тотъ страшный мигъ,

Какъ Пирра мечъ во грудь Пріамову проникъ—

Ихъ очи облеклись бы горькими слезами,

Гекубы бѣдствiя пресѣклись бы богами,

И жребiя потокъ...

Полоній. Посмотрите, съ какимъ одушевленiемъ
 онъ читаетъ все это! Слезы на глазахъ, лицо блѣдно...
 Довольно, довольно!

Гамлетъ. Хорошо. Ты согласишься мнѣ остальное
 потомъ. Любезный Полоній! нельзя ли угостить
 ихъ порядочно? Вѣдь они зеркало того, что мы
 дѣлаемъ, и право, ихъ похвала при жизни стоитъ
 плохой эпитафiи, которую напишутъ на твоемъ
 гробѣ!

Полоній. Я угошу ихъ по достоинству, принцъ.

Гамлетъ. О, нѣтъ! лучше, лучше, нежели чего они стоятъ! Если всякаго угощать по достоинству, много ли останется на свѣтѣ такихъ, кому не стоило бы дать порядочной оплеухи? Нѣтъ, нѣтъ! Угости ихъ по размѣру своего величія и своей щедрости!

Полоній. Пойдемте, господа!

Гамлетъ. Ступайте, друзья мои, и приготовьтесь играть комедію. Да, старый пріятель: можешь ли ты представить намъ смерть Гонзаго?

Актеръ. Можемъ, принцъ.

Гамлетъ. Хорошо, такъ приготовьте эту комедію. А стихшковъ десятокъ моихъ можно будетъ вставить?

Актеръ. Можно, принцъ.

Гамлетъ. Превосходно! Ступайте за этимъ господиномъ, да смотрите же, не смѣйтесь надъ нимъ! (Полоній и актеры уходятъ). Ну, друзья мои, Розенкранцъ и Гильденштернъ, до свиданія! Радъ, что видѣлъ васъ въ Эльсинорѣ.

Розенкранцъ и Гильденштернъ. Простите, принцъ.
(Уходятъ).

Гамлетъ (одинъ). Богъ съ вами! Я одинъ теперь...
Какое я ничтожное созданье!
Комедіантъ, наемщикъ жалкій, и въ дурныхъ стихахъ

Мнѣ выражая страсти, плачетъ и блѣднѣетъ,

Дрожить, трепещетъ.. Отчего?

И что причина? Выдумка пустая,

Какая-то Гекуба!

Что-жъ ему Гекуба?

Зачѣмъ онъ дѣлитъ слезы, чувства съ нею?

Что, еслибъ страсти онъ имѣлъ причину,

Какую я имѣлъ? Залилъ бы слезами

Онъ весь театръ, и воплемъ растерзалъ бы слухъ

И преступленья ужаснулъ и въ жилахъ

У зрителей онъ заморозилъ кровь!

А я?

Ничтожный я, презрѣнный человекъ,
 Безчувственный—молчу, молчу, когда я знаю,
 Что преступленье погубило жизнь и царство
 Великаго властителя... отца!.. Или я трусь?
 Кто смѣетъ словомъ оскорбить меня,
 Или нанести мнѣ оскорбленье, безъ того,
 Чтобъ за обиду не вступился я,
 Не растерзалъ обидчика, не кинулъ
 На растерзанье вранамъ трупъ его? И что же?
 Чудовище разврата и убійцу вижу я,
 И самый адъ зоветъ меня къ отщепенью,
 А я—безплодно изливаю гнѣвъ въ словахъ,
 И онъ безвреденъ—онъ, когда я живъ,
 Я, сынъ убитаго отца, свидѣтель
 Безславья матери!.. Гамлетъ, Гамлетъ.
 Позоръ и стыдъ тебѣ!.. Размыслимъ:
 Слыхалъ я, что порокъ и преступленье,
 Увидѣвъ страшную себя картину
 Въ игрѣ искуснаго художника, невольно
 Высказывали стыдъ свой и позоръ
 И сознавались въ преступленьяхъ. Да,
 Безъ языка, безъ словъ все будетъ ясно:
 Актеровъ этихъ я играть заставлю
 Изображеніе ужаснаго убійства,
 Подобнаго злодѣйству дяди,
 И стану замѣчать—и если
 Смутится онъ, я знаю, что мнѣ дѣлать!
 Быть можетъ, привидѣнье это было
 Мечта, коварство духа тьмы?
 Онъ можетъ въ разныхъ образахъ являться;
 Онъ, можетъ быть, влечетъ меня на грѣхъ,
 И духъ мой, подозрительный и слабый,
 Употребляетъ сътью для гибели души?
 Остерегусь, и хитрость пусть моя
 Мнѣ выскажетъ всю совѣсть короля! 9)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Королевскій дворецъ.

КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, ПОЛОНІЙ, ОФЕЛІЯ, РОЗЕН-
КРАНЦЪ, ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ,

Король. И не могли вы ловкимъ разговоромъ
Узнать причину страннаго разстройства,
И что такое мирный умъ его
Повергло въ тяжкое опасное безумье?

Розенкранцъ. Онъ въ помѣшательствѣ своемъ со-
знался намъ,
Но не хотѣлъ сказать его причины.

Гильденштернъ. И намъ безвѣстною его осталась
тайна.

Когда мы начинали рѣчь о томъ,
Онъ ловко такъ умѣлъ свернуть
Дурачество на глупость...

Королева. Но пріемъ вашъ?

Розенкранцъ. Былъ дружескій и ласковый пріемъ.

Гильденштернъ. Но что-то принужденное въ по-
ступкахъ...

Розенкранцъ. Скупъ на вопросы самъ, но ловко
Онъ отбивалъ вопросы наши.

Королева. Вы успѣли-ль

Уговорить его развлечься?

Розенкранцъ. Королева! намъ попались на пути Актеры; мы ему о томъ сказали, И, кажется, онъ очень былъ доволенъ Приѣздомъ ихъ. Они здѣсь во дворцѣ, И получили, если я не ошибаюсь, Приказъ представить вамъ комедию сегодня.

Полоній. Точно такъ, и принцъ мнѣ поручилъ Просить васъ удостоить посѣщеньемъ.

Король. Я охотно буду. Очень радъ, Что хоть на это есть еще его желанье. Господа! прошу васъ постараться

Усилить склонность въ немъ къ такой забавѣ.

Розенкранцъ. Исполнить постараемся.

(Розенкранцъ и Гильденштернь уходятъ).

Король.

Теперь, Гертруда,

Оставь насъ. Мы Гамлета приведемъ сюда

И, будто случаемъ, Офелію онъ встрѣтитъ.

Ея отецъ и я (обманъ позволенъ

Для добра) здѣсь спрячемся, и оба

Невидимые постараемся замѣтить

И разсудить потомъ по разговору—

Любовь ли къ ней его свела съ ума

Иль что другое!

Королева. Повинуюсь вамъ,

И, какъ бы я, Офелія, желала,

Чтобъ красота твоя была причиной

Гамлетова безумства! Я надѣюсь,

Что качества души твоей прекрасной

Его легко тогда бы навели на умъ

Взаимнымъ счастьемъ.

Офелія. Еслибъ я могла...

(Королева уходитъ).

Полоній. Офелія! ты какъ будто бы гуляешь здѣсь..

А если вашему величеству угодно

Укрыться здѣсь... Ты будто съ книгой,

И это будто бы причина

Твоей прогулки... Что ни говори,
А вещь рѣшенная, что съ постной рожей,
Прикинувшись смиреннымъ, даже чорта
Обманешь...

Король (въ сторону). О какая правда! И какъ рѣчь
его

Мою терзаетъ совѣсть! Женщины развратной
Лицо, покрытое поддѣльной краской,
Не столь ужасно, какъ мои дѣянья,
Прикрытыя цвѣтистыми словами!
О, бремя тяжкое!

Полоній. Идешь!.. Король!—угодно-ль,
Здѣсь мы укроемся—пожалуйте—сюда...

(Они скрываются. Офелія въ сторонѣ).

Гамлетъ (входитъ). Быть или не быть—вотъ въ
чемъ вопросъ!

Что доблестнѣе для души: свосить
Удары оскорбительной судьбы,
Или вооружиться противъ моря золь
И побѣдить его, исчерпавъ разомъ?
Умереть—уснуть, не больше, и окончить сномъ
Страданья сердца, тысячи мученій—
Наслѣдство тѣла: какъ не пожелать
Такого окончанья!.. Умереть, уснуть...
Уснуть—быть можетъ, грезить? Вотъ и затрудненье!
Да, въ этомъ смертномъ снѣ какія сновидѣнья
Намъ будутъ, когда буря жизни пролетитъ?
Вотъ остановка, вотъ для чего хотимъ мы
Влачиться лучше въ долгой жизни...
И кто бы перенесъ обиды, злобу свѣта,
Тирановъ гордость, сильныхъ оскорбленья,
Любви отверженной тоску, тщету законовъ,
Судей безстыдство, и презрѣнье это
Заслуги терпѣливой за дѣянья чести,
Когда покоемъ подарить насъ можетъ
Одинъ ударъ! И кто понесъ бы это иго,
Съ проклятиемъ, слезами тяжелой жизни...

Но страхъ: что будетъ тамъ?—тамъ,
 Въ той безвѣстной сторонѣ, откуда
 Нѣтъ пришлецовъ... Трепещетъ воля
 И тяжело заставляетъ насъ страдать,
 Но не бѣжать къ тому, что такъ безвѣстно.
 Ужасное сознанье робкой думы!
 И яркій цвѣтъ могучаго рѣшенья
 Блѣднѣетъ передъ мракомъ размышленья,
 И смѣлость быстрого порыва гибнетъ,
 И мысль не переходитъ въ дѣло... Тише!
 Милая Офелія! О нимфа!

Помяни грѣхи мои въ молитвахъ! ¹⁰⁾

Офелія. Принцъ,

Здоровы-ль вы?

Гамлетъ. Благодарю покорно—здоровъ!

Офелія. Принцъ! я давно хотѣла возвратить вамъ,
 Что вамъ угодно было мнѣ вручить
 На память, и позвольте мнѣ...

Гамлетъ. Нѣтъ, нѣтъ!

Тебѣ я ничего и никогда не подарилъ,
 Офелія!

Офелія. Вы, вѣрно, позабыли, принцъ,
 И всѣ подарки ваши вы сопровождали
 Такими милыми словами, что они
 Мнѣ были дороги; перемѣнились вы—
 Возьмите ихъ обратно—для души и сердца
 Подарокъ драгоцѣненъ отъ души и сердца.
 Вотъ, принцъ, подарки ваши.

Гамлетъ. Ха-ха-ха! Ты честная дѣвушка, Офелія?

Офелія. Принцъ!

Гамлетъ. И красива?

Офелія. Что вамъ угодно сказать, принцъ?

Гамлетъ. То, что если ты честная и хорошень-
 кая дѣвушка, такъ не заставляй красоты своей тор-
 говаться съ добродѣтелью!

Офелія. Но кто можетъ быть лучшимъ товари-
 щемъ красотѣ, если не добродѣтель?

Гамлетъ. Правда, да только та бѣда, что скорѣе красота сдѣлаетъ добродѣтель плутовствомъ, нежели добродѣтель подчеркнеть красоту. Въ этомъ я сомнѣвался прежде—теперь не сомнѣваюсь! Я любилъ тебя прежде...

Офелія. Я вѣрила этому, принцъ.

Гамлетъ. Напрасно, потому что добродѣтели не прививаютъ къ старому дереву—прошедшаго нѣтъ болѣе... я—не любилъ тебя!

Офелія. Я ошибалась...

Гамлетъ. Удались отъ людей, Офелія! Къ чему умножать собой число грѣшниковъ? Вотъ я еще порядочный человѣкъ, а готовъ обвинить себя въ тавихъ грѣхахъ, что лучше не родиться! Я гордъ, мстителенъ, честолюбивъ, готовъ на зло, и только воли у меня недостаетъ сдѣлать все злое, что могу придумать злого. Что изъ такого человѣка, который ползетъ между небомъ и землею! Мы всѣ бездѣльники, всѣ—никому не вѣрь. Удались отъ людей! Гдѣ твой отецъ?

Офелія. Дома, принцъ.

Гамлетъ. Запри за нимъ двери и не выпускай его—пусть онъ дурачится дома. Прощай!

Офелія. Милосердый Боже! помоги ему.

Гамлетъ. Если ты пойдешь замужъ, я дамъ тебѣ въ приданое вотъ какое проклятіе: будь бѣла, какъ снѣгъ, будь чиста, какъ ледъ—людская клевета очернитъ тебя. Удались отъ людей, либо выходи за дурака: умные слишкомъ хорошо знаютъ, какихъ чудовищъ вы изъ нихъ дѣлаете. Прочь отъ людей—поскорѣе! Прощай!

Офелія. Исцѣлите его, силы небесныя!

Гамлетъ. Я знаю, какъ вы себя раскрашиваете. Вотъ даетъ вамъ лицо, а вы дѣлаете себѣ другое—вы пляшете, прыгаете, злословите, и будто все по незнанію. Прочь—ни слова болѣе—это свело меня

сь ума! Никому не жениться болѣе; кто женился—
 пусть живутъ—зромѣ одного... Удались отъ людей!
 (Уходитъ).

Офелія. (одна). Какой погибъ великій человекъ,
 Надежда царства, честь его, утѣха!
 Погибъ, погибъ! И мнѣ судьба велѣла,
 Мнѣ, пламенной любви его предмету,
 Мнѣ видѣть обезумѣвшимъ его—
 Что былъ онъ и что сталъ, о Боже! ¹¹).

КОРОЛЬ И ПОЛОНИЙ (входятъ).

Король. Нѣтъ! это не любовь, и то, что говорилъ
 онъ
 Какъ ни было нескладно, не безумство!
 Въ душѣ его таится что-то, и его печаль
 Скрываетъ гибель—мы должны ее предупредить.
 Такъ, рѣшено—онъ въ Англiю поѣдетъ!
 Тамъ дани требовать мы поручимъ ему,
 И, можетъ быть, прогулка, развлеченье
 Разсѣютъ грусть его, умъ возвратятъ ему.
 Какъ думаешь объ этомъ ты, Полонiй?

Полонiй. Мнѣ кажется, что вы придумали пре-
 красно.
 Но все увѣренъ я—его безумству
 Любовь была началомъ! Намъ не нужно,
 Офелiя, рассказывать, что было
 Говорено Гамлетомъ—мы все слышали оттуда.
 Извольте поступать, мой повелитель,
 Какъ вамъ угодно будетъ;—мой совѣтъ,
 Послѣ комедiи звать принца къ королевѣ,
 И пусть она его разспроситъ. Между тѣмъ,
 Когда позволите, я разговоръ услышу:
 Я спрячусь тамъ, и если ничего
 Мы не откроемъ, въ Англiю тогда
 Отправьте принца или заключите,

Куда почтеть приличнымъ вапа мудрость.

Король. Да, мы увидимъ—надобно рѣшиться.
Безумцу сильному опасно дать свободу.
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Другая зала во дворцѣ.

ГАМЛЕТЪ И НѢСКОЛЬКО АКТЕРОВЪ (входятъ).

Гамлетъ. Говори все это просто, свободно; руками не руби воздуха и въ самой страсти соблюдай мѣру и умѣренность, да и не переслащивай! Такъ дѣлай, чтобы слова соотвѣтствовали дѣйствию, а дѣйствіе словамъ. Будь вѣрнымъ зеркаломъ природы: представь добродѣтель въ ея истинныхъ чертахъ, а порокъ въ его безобразіи. Идите и будьте готовы ¹²).

(Актеры уходятъ).

Гамлетъ (Полонію, который входитъ съ Розенкранцомъ и Гильденштерномъ). Ну, что? Угодно ли королю быть въ комедіи?

Полоній. Да, и королева и вся свита ихъ будутъ.

Гамлетъ. Такъ велите же имъ приготовиться поскорѣе.

(Полоній, Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ).

Гамлетъ (Входящему Гораціо). А, это ты, Гораціо!

Гораціо. Меня вы звали.

Гамлетъ. Да, я хочу потребовать услуги
И отъ тебя, Гораціо, да, отъ тебя.

Гораціо. Любезный принцъ!....

Гамлетъ. Нѣтъ! я не льщу тебѣ—
Изъ чего я стану льстить? Ты бѣденъ,
Незнатенъ ты. Предъ богачемъ и знатнымъ
Людей колѣна гнутся, съ языка

Медъ каплетъ—я за то тебя люблю,
 Что ты терпѣть умѣешь. Въ счастья,
 Въ несчастія равень ты, Гораціо!
 Я въ сердцѣ дамъ пріючу такому человѣку ¹³).
 Но, довольно,—здѣсь комедію представлятъ:
 Въ одномъ явленіи здѣсь изобразятъ,
 Точь-въ-точь, смерть моего отца. Мой другъ!
 Прошу тебя—когда явленье это будетъ,
 Внимательно ты наблюдай за дядей,
 За королемъ—внимательно, прошу.
 Когда въ минуты эти онъ не обнаружитъ
 Смятенья—призракъ былъ проклятый адскій духъ;
 Онъ искушалъ меня; на преступленье
 Меня онъ велъ! Внимательно, мой другъ!
 Я глазъ моихъ не отведу отъ дяди,
 И мы увидимъ...

Гораціо. Ни одно движеніе
 Его не скроется отъ наблюденія моего!

Гамлетъ. Идутъ! Мнѣ беззаботнымъ должно по-
 казаться.

А ты, Гораціо! На стражу—ступай!

Маршъ. король, королева, полоній, офелія,
 розенкранцъ, гильденштернъ, придворные
 и придворныя.

Король. Здоровъ ли, любезный нашъ принцъ?

Гамлетъ. Превосходно! Какъ хамелеонъ, я живу
 воздухомъ и толстѣю отъ обѣщавій. Ваши каплуны
 похудѣли бы отъ этого.

Король. Я не понимаю тебя, Гамлетъ. Это не
 мой языкъ.

Гамлетъ. И не мой. (Полонію). Кажется, Полоній,
 ты игрывалъ комедіи? Въ университетѣ?

Полоній. Да, принцъ, и слылъ добрымъ актеромъ.

Гамлетъ. А что ты игралъ?

Полоній. Юлія Цезаря. Меня зарѣзалъ Брутъ, въ Капитоліи.

Гамлетъ. Настоящій былъ онъ брутъ, когда успѣлъ зарѣзать такого капитальнаго теленка! Ну, что наши актеры?

Розенкранцъ. Они ждутъ повелѣнія начать.

Королева. Сядь подлѣ меня, любезный Гамлетъ.

Гамлетъ. Нѣтъ, маменька—тутъ есть магнитъ, который тянетъ меня къ себѣ.

Полоній. (Королю). Замѣчайте.

Гамлетъ (садится у ногъ Офеліи). Можно ли прикоснуться къ вашимъ колѣнамъ?

Офелія. Нѣтъ, принцъ.

Гамлетъ. То есть, головой только?

Офелія. Можно, принцъ.

Гамлетъ. А вы ужь Богъ знаетъ что подумали!

Офелія. Я ничего не думаю, принцъ.

Гамлетъ. А какое наслажденіе покоиться на колѣняхъ прелестной дѣвушки!

Офелія. Что вы хотите сказать?

Гамлетъ. Ничего.

Офелія. Вы веселы, принцъ?

Гамлетъ. Кто? Я?

Офелія. Да, вы, принцъ.

Гамлетъ. Да, я иду въ ваши шуты. Чего лучше, какъ не веселиться? Посмотрите на мать мою—какая она веселая! А отецъ мой умеръ за два часа!

Офелія. Развѣ за два мѣсяца.

Гамлетъ. Такъ давно уже? Хорошо—я самъ пошу трауръ потому, что онъ мнѣ очень идетъ. Скажите! Два мѣсяца и еще не забыть! Стало быть, можно надѣяться на полгода людской памяти, а тамъ все равно, что человѣкъ, что овечка—

Схоронили,
Позабыли!

(Трубы. Поднимается занавѣсъ внутри театра. Пantomима. Король и королева входятъ; нѣжное про-

щанье; онъ ложится отдыхать: входитъ злодѣй, беретъ его корону и вливаетъ ему ядъ въ ухо. Является опять королева; видитъ, что король мертвъ; плачетъ. Злодѣй утѣшаетъ ее. Уносятъ тѣло короля. Злодѣй предлагаетъ королевѣ свою руку и корону. Она принимаетъ то и другое; весело уходитъ. Трубы).

Офелія. Что это такое, принцъ?

Гамлетъ. Чего отъ людей ждать! Какая нибудь мерзость!

Офелія. Но, вѣроятно, это показываетъ содержаніе комедіи?

(Входитъ актеръ).

Гамлетъ. А вотъ этотъ молодецъ намъ рассказываетъ.

Вѣдь это *Прологъ.*

Актеръ (зрителямъ). Для нашего представленія
Просимъ вашего снисхожденія.
Не потеряйте терпѣнія.

(Кланяется и уходитъ).

Гамлетъ. Понятно ли?

Офелія. Нѣтъ! это очень коротко.

Гамлетъ. Какъ женская любовь ¹⁴).

Комедія, которую играютъ актеры. Входятъ

КОРОЛЬ И КОРОЛЕВА.

Король. Уже въ тридцатый разъ свершили кони Феба
Свой круголѣтній бѣгъ въ поляхъ лазурныхъ неба,
И тридцать разъ звѣзда почей средь облаковъ
Собой означила двѣнадцать мѣсяцевъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ насъ союзъ Любви и Гименея
Сердцами соединилъ, какъ токи водъ Алфея
Со Аретузою въ одно соединены.

Королева. Да будутъ тридцать лѣтъ еще совершены,
Пока въ любви своей мы узримъ измѣненье.
Но душу грустное мрачитъ мнѣ подозрѣнье;

Съ печалью вижу я, смущенная душой,
 Что скорбью тайною супругъ проникнуть мой.
 Слабѣешь ты—прости, что радость возмущаю—
 Отъ сильныя любви сильнѣй я страхъ питаю,
 И невниманіе могло бы показать,
 Что сильный огонь любви перестаетъ пылать.
 Я каждый мучусь день тревогой роковою,
 И горести она и слезъ моихъ виною!

Король. Увы! что дѣлать мнѣ! Прости, дражайшій другъ.

Я чувствую въ крови дряхлѣнія недугъ,
 Разстаться должно намъ, и скоро—кто узнаетъ?
 Переживи меня! Пусть радость обитаетъ
 Съ тобой, и пусть тебя вторичная любовь
 Счастливитъ...

Королева. . Что ты рекъ. Застыла въ жилахъ кровь
 Отъ словъ ужасныхъ сихъ!—Пускай небесны громы
 Казнятъ преступницу, злой фуріей несомы,
 Когда въ другой любви я счастье обрѣту!
 Убіенство легче мнѣ...

Гамлетъ (Офелія). Это кажется ей горьче полыни!

Королева (на сценѣ). Я казни не найду,
 Которой бы отмстить за то довольно было,
 Когда-бъ вмѣсто тебя другого я любила,
 И все равно, когда-бъ къ другому духъ пылалъ,
 Что въ грудь твою вонзится блистающій кинжаль...

Король (на сценѣ). Пріятна рѣчь твоя и искренна, я
 вѣрю,

Но кто исчислитъ намъ отъ времени потерю?
 И замысль смертнаго и память—все мечта!
 Сначала тверды столь, потомъ—о суета!
 Плодъ зрѣлый падаетъ однимъ прикосновеньемъ,
 И человекъ, увь! скрывается забвеньемъ.
 Чѣмъ радость пламеннѣй, сильнѣе тѣмъ печаль,
 И слезы, падая на времени скрижалъ,
 Отъ дуновенія Сатурна исчезаютъ.
 Чего супруги намъ, чего не общаются!

И ты, подруга дней счастливейших моихъ,
Коль я умру...

Королева (на сценѣ). Пускай тогда лучей дневныхъ
Мой не увидитъ взоръ, печальный и смятенный.
Пусть буду ввѣкъ страдать безславной и презрѣнной,
Пусть жизнь моя течетъ, какъ тинистый потокъ,
Пускай страданія сберетъ жестокой рокъ,
Всего лишитъ меня, и самыя надежды,
Когда печальныя покину я одежды
И къ алтарю съ другимъ супругомъ подойду!

Гамлетъ (Офелия). Что, если она солжетъ?

Король (на сценѣ). Се клятвы страшныя! Страхись навлечь бѣду!

Но, чувствую, покой мнѣ сладокъ вождельный,
И я здѣсь отдохну, дражайшій другъ, безцѣнный!

Королева (на сценѣ). Спокойся, мой супругъ, на подкрѣпленье силъ.

О, еслибъ никогда насъ рокъ не разлучилъ!

(Король ложится и засыпаетъ. Королева уходитъ).

Гамлетъ (королевѣ). Какъ вы находите комедію королева?

Королева. Мнѣ кажется, она слишкомъ много давала обѣщаній.

Гамлетъ. О, да вѣдь она ихъ сдержитъ!

Король. Извѣстно ли тебѣ содержаніе комедіи? Нѣтъ ли тутъ чего нибудь оскорбительнаго?

Гамлетъ. Ничего, ничего! Тутъ немножко отравляють, такъ, для шутки!

Король. А названіе какъ?

Гамлетъ. Мышеловка. Почему? спросите вы. Это риторическая фигура, метафора. Представляется убійство, которое было гдѣ-то въ Италіи. Старика зовутъ Гонзаго, а королеву Баптиста. Вы тотчасъ увидите—самое гадкое дѣло, да что намъ до того? У васъ и у меня совѣсть чиста и до насъ дѣло не касается. Кричи тотъ, кого это щекочетъ!

(На сцену входитъ злодѣй).

А, вотъ и молодець явился! Это Луціанъ, племянникъ стараго короля.

Офелія. Вы, какъ суфлеръ, все знаете.

Гамлетъ. Хотите, я перескажу, какъ любовница обманываетъ своего любовника, будто мимоходомъ?

Офелія. Это колко, принць!

Гамлетъ. Да вѣдь я только царапаю—другіе рѣжутъ!

Офелія. Ваши рѣчи загадка.

Гамлетъ. Какъ выборъ мужей дѣвушками. Да что-жъ злодѣй-то не начинается!

И врана крикъ зловѣщій раздается

И мщеніе злодѣю онъ зоветъ!

Актеръ (на сценѣ). Благопріятный часъ: кипящій ядь готовъ!

Изъ травъ зловредныхъ самъ собиралъ я средь луговъ.

Геката адская мнѣ зелья указала

И на погибель ихъ измѣна заклинала.

Волшебный ядь! спѣши докучну жизнь пресѣчь,

И порази его, какъ будто вражій мечъ!

(Вливаетъ ядь въ ухо спящаго короля).

Гамлетъ. Онъ отравляетъ его, пока тотъ спалъ въ саду, чтобъ завладѣть его королевствомъ. Его зовутъ Гонзаго. Это былъ—я самъ читалъ ее по-итальянски. Вы тотчасъ увидите, какъ убійца успеетъ овладѣть сердцемъ вдовы отравленнаго короля. (Король встаетъ съ своего мѣста въ смущеніи. Общее смятеніе).

Офелія. Король встаетъ съ своего мѣста!

Гамлетъ. Что онъ? Испугался чего нибудь?

Королева. Что съ тобою сдѣлалось, мой супругъ?

Полоній. Прекратите комедію!

(Занавѣсъ надъ сценою закрывается).

Король. Посвѣтите мнѣ—пойдемъ!

Полоній. Огня, огня, огня!

(Всѣ въ безпорядкѣ уходятъ, кромѣ Гамлета и Гораціо).

Гамлетъ (вскакиваетъ).

Оленя ранили стрѣлой—

Тотъ охаетъ, другой смѣется;

Одинъ хохочеть—плачь другой,
И такъ на свѣтѣ все ведется!

За эти стихи, стоитъ только одѣться въ платье
комедіанта, меня примуть въ лучшіе актеры!

Гораціо. На половинное жалованье?

Гамлетъ. Нѣтъ! на полное!

Быль у насъ въ чести немалой

Левъ, да часъ его пришелъ,—

Счастье львиное пропало,

И теперь въ чести... пѣтухъ!

Гораціо. Послѣдняя рифма не годится, принцъ.

Гамлетъ. О, добрый Гораціо! теперь слова при-
видѣнія я готовъ покупать на вѣсь золота. Забѣ-
тилъ ли ты?

Гораціо. Очень замѣтилъ, принцъ.

Гамлетъ. Только что дошло до отравленія...

Гораціо. Это было слишкомъ явно!

Гамлетъ. Ха-ха-ха! Эй, музыкантовъ сюда, флейт-
щиковъ!

Когда король комедій не полюбитъ,

Такъ онъ—да, просто, онъ комедіи не любитъ!

(Входятъ Розенкранцъ и Гильденштернъ).

Гамлетъ. Эй! музыкантовъ сюда!

Гильденштернъ. Позвольте, принцъ, сказать вамъ
нѣсколько словъ.

Гамлетъ. Извольте—хоть цѣлую исторію!

Гильденштернъ. Король...

Гамлетъ. Ну, что король?

Гильденштернъ. Онъ удалился отсюда, и теперь...

Гамлетъ. Пьянъ?

Гильденштернъ. Нѣтъ, принцъ, разгнѣванъ.

Гамлетъ. Такъ вы поступите умно, когда посо-
вѣтуетесь съ его лекаремъ. Можетъ быть, если я
примусь лечить его, ему еще хуже сдѣлается.

Гильденштернъ. Прошу васъ, принцъ, разговари-
вать порядкомъ и не удаляться отъ дѣла.

Гамлетъ. Хорошо. Говорите.

Гильденштернъ. Королева, родительница ваша, глубоко огорченная, послала меня къ вамъ.

Гамлетъ. Ну, добро пожаловать!

Гильденштернъ. Это привѣтствіе совсѣмъ не кста-ти, принцъ. Если вамъ угодно отвѣчать мнѣ благо-разумно, я исполню препорученіе вашей родител-ьницы, а не то—извините—я уйду и тѣмъ все кон-чится.

Гамлетъ. Но, видите, я не могу.

Гильденштернъ. Чего не можете, принцъ?

Гамлетъ. Отвѣчать вамъ благоразумно. Мой умъ боленъ. Но такой отвѣтъ, какой я могу, только прикажите — если вамъ или матери моей угодно, къ услугамъ вашимъ. Да, что до этого! Маменька моя, говорите вы...

Гильденштернъ. Она изволила сказать мнѣ, что ваше странное поведеніе изумляетъ и удивляетъ ее.

Гамлетъ. О, такъ я чудный сынъ, если могъ уди-вить мать свою! Но за ея удивленіемъ не было ли еще чегонибудь? Продолжайте.

Гильденштернъ. Она желаетъ говорить съ вами и проситъ васъ пожаловать къ ней.

Гамлетъ. Повинуюсь, такъ повинуюсь, какъ будто она десять разъ родила меня. Что еще вамъ отъ меня угодно?

Розенкранцъ. Принцъ! прежде вы любили меня.

Гамлетъ. Бездѣльникъ буду, если и теперь не люблю.

Розенкранцъ. Что-жъ такое причиною вашего раз-стройства? Не довѣряя печали вашей дружбѣ, вы затворяете дверь вашему выздоровленію.

Гамлетъ. Видите: меня не пускаютъ впередъ.

Розенкранцъ. Какъ такъ, принцъ, когда вы на-слѣдникъ послѣ вашего дяди!

Гамлетъ. Такъ, правда! Но „пока травка подро-стетъ, воды много утечетъ“—эта поговорка немного заплѣсневѣла... (Входятъ музыканты). Ахъ! вотъ и флейт-

щики! Подай мнѣ твою флейту (Гильденштерну). Мнѣ кажется, будто вы слишкомъ гоняетесь за мною?

Гильденштернъ. Повѣрьте, принцъ, что всему причиною любовь моя къ вамъ и усердіе къ королю.

Гамлетъ. Я что-то не совсѣмъ это понимаю. Сыграй мнѣ чтонибудь! (Подаетъ ему флейту).

Гильденштернъ. Не могу, принцъ.

Гамлетъ. Сдѣлай одолженіе!

Гильденштернъ. Право, не могу, принцъ!

Гамлетъ. Ради Бога, сыграй!

Гильденштернъ. Да я совсѣмъ не умѣю играть на флейтѣ.

Гамлетъ. А это такъ же легко, какъ лгать. Возьми флейту такъ, губы приложи сюда, пальцы туда—и заиграетъ!

Гильденштернъ. Я вовсе не учился.

Гамлетъ. Теперь суди самъ: за кого же ты меня принимаешь? Ты хочешь играть на душѣ моей, а вотъ, не умѣешь сыграть даже чегонибудь на этой дудкѣ. Развѣ я хуже, простѣе, нежели эта флейта? Считаю меня чѣмъ тебѣ угодно: ты можешь мучить меня, но не играть мною.

(Полоній входитъ).

Мое глубокое почтеніе!

Полоній. Королевѣ угодно говорить съ вами, и немедленно.

Гамлетъ (смотря вверхъ). Что это такое? Точно облако, и какъ похоже на верблюда!

Полоній. (глядятъ). Да, принцъ, и на верблюда ужасно походить!

Гамлетъ. Охъ! нѣтъ бишь — на хорька! Не правда ли?

Полоній. Позвольте. Въ самомъ дѣлѣ—точный хорекъ!

Гамлетъ. А я такъ думаю, что это китъ!

Полоній. Дайте разглядѣть. Ахти, и въ самомъ дѣлѣ—портретъ кита!

Гамлетъ. Скажите королевѣ, что я тотчасъ приду. Уйди отъ нихъ... съ ними задурачишься не шутя, въ самомъ дѣлѣ... Иду, скажите королевѣ.

Полоній. Исполню. (Уходитъ).

Гамлетъ. Исполнить! Да, легко сказать!—Друзья! простите!

(Идетъ. Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ. Гамлетъ возвращается).

Теперь насталь волшебный ночи часъ.
Съ кладбищъ всѣ мертвецы въ разбродѣ. Адъ,
Адъ ужасами дышетъ — часъ насталь ушитъся
кровью

И совершитъ дѣла, которыхъ день
И видѣть не посмѣеть.—Тише—къ ней иду!

Сердце! напоминай мнѣ, что я сынъ—
Жестокимъ, но не извергомъ я буду—
Я уязвлю ее словами... мечъ мой—нѣтъ!

Не подыму руки моей на мать!

Что демонъ злобы ни шепчи—

Душа! не соглашайся рѣчь его исполнить!

(Уходитъ).

КОРОЛЬ, РОЗЕНКРАНЦЪ, ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ
(входятъ).

Король. Нѣтъ! кончить должно, и безуміе его
Опасно намъ становится. Готовы будьте.

Я васъ немедленно отправлю съ нимъ,

И въ Англію его вы увезете.

Мнѣ долгъ владыки не позволитъ больше

Терпѣть его зловреднаго безумства,

Таить змѣю за пазухой...

Гильденштернъ. Мы поспѣшимъ,
Мы долгомъ нашимъ почитаемъ—все на жертву
Принести за короля.

Розенкранцъ. Простолюдинъ обязанъ защищаться,
Но съ жизнью королей соединена
Жизнь государства, и мы жизнь свою положимъ
За безопасность вашу¹⁵).

Король. Приготовьтесь
Скорѣй, я васъ прошу, къ отъѣзду—должно
Остановить грозящую опасность.

(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ).

Полоній (входитъ). Онъ къ матери придетъ, и за
коврами

Я спрячусь, тамъ и разговоръ услышу.

Она его, конечно, побранить—

Но, какъ изволили сказать вы, и сказать премудро,

Тутъ посторонній долженъ быть и слышать...

Мать-женщина умѣетъ ли быть строгой!..

Слышать весь разговоръ. Потомъ почту я долгомъ

Вамъ обо всемъ подробно донести,

Все, что услышу, все...

Король. Благодарю.

(Полоній уходитъ).

Король (одинъ). Злодѣйства парь кровавый, страш-
наго злодѣйства,

Достигъ небесъ. Ужасно преступленье,

Мной совершенное.. первоначальный грѣхъ...

Злодѣйство Каина.. убійство брата!

Я не могу молиться, хоть порывы

Раскаянья терзаютъ душу мнѣ—

Вина моя раскаянья превыше,

И будто человекъ двойнымъ обѣтомъ,

Раскаяньемъ, грѣхомъ—я связанъ,

И неподвиженъ, и не знаю что начать!

Но, еслибы моя проклятая рука

И болѣе была покрыта кровью брата,

Ужель росы небесной нѣтъ омыть ее

И убѣлить бѣлѣ снѣга? И прошенье для чего,

Когда оно въ борьбѣ съ грѣхомъ не будетъ?

И для чего молитва? Зло предупредить

И—смыть его, когда оно свершилось!

Осмѣлимся—подыmemъ взоры къ небу—

Грѣхъ совершенъ! Но какъ молиться мнѣ?

Какую Богъ вонметъ молитву? Какъ молиться?

Прости убійцѣ?—Нѣтъ! я обладаю всѣмъ,

Что принесло мнѣ страшное убійство—
 Короной, почестями, королевой...
 Простится-ль грѣхъ, когда я въ немъ коснѣю?
 Передъ людьми, предъ ихъ судомъ ничтожнымъ,
 Рукою позлащенной, преступленье
 Остановить легко дерзаетъ судъ
 И подкупить законъ—но тамъ не такъ!
 Нѣтъ подкупа, и страшно преступленье
 Передъ судомъ стоитъ обнажено!
 Что-жь дѣлать мнѣ? Что остается мнѣ?
 Что можетъ покаянье? Но—чего оно не можетъ!
 Все, если можетъ человѣкъ покаяться...
 О, мысль спасенья! О, совѣсть черная моя!
 Душа преступная, въ болотѣ
 Грѣховъ погрязнувшая, чѣмъ стремится больше
 Изникнуть, тѣмъ страшнѣе тонеть... Помогите
 Мнѣ, ангелы! Молитву вашу испытайте!
 Гнитесь, колѣна непреклонныя! Ты, сердце,
 Размягчись, какъ у едва рожденного младенца!
 Богъ милосердъ!

(Онъ медленно склоняется на колѣни и погружается въ задумчивость).

Гамлетъ (входитъ тихо). Теперь его отправить—
легко... онъ молится...

Теперь его отправить...

(Внимаетъ кинжалъ).

И съ молитвой!

Погибнетъ онъ? Отмщенье-ль это будетъ?
 Остановись, подумай. Твоего отца
 Зарѣзалъ онъ. Ты, сынъ, ты, мститель смерти,
 Въ раскаяньи засталъ его, и смерть теперь
 Ему благодѣянье, но не мщенье будетъ—
 Нѣтъ! не мщенье!..

Онъ брата погубилъ въ грѣхахъ,
 Въ безпечномъ усыпленьи чувства,
 И тяжекъ былъ погибшему расчетъ.
 Отмщу ли я, когда молитвой онъ

Готовъ на путь далекій, невозвратный?
Нѣтъ! нѣтъ!

(Влагаетъ кинжалъ въ ножны).

Въ ножны, мститель! Твой ударъ ужасенъ будетъ,
Когда его застану пьянымъ, спящимъ, гнѣвнымъ,
И въ нечестивомъ пиршествѣ грѣха,
Въ игрѣ, въ божбѣ, въ такомъ души порывѣ,
Когда погибель за могилую вѣрна.
Тогда—ударъ его повергнетъ вверхъ пятами,
Чтобъ съ кровью черною душа его упала
Въ адъ, темный, какъ грѣхи его темны!
Мать ждетъ меня—живи, но безъ надежды,
Чтобъ жизнь твоя продлилась—ты мертвецъ!

(Уходитъ).

Король. Слова на небо—мысли на землѣ!
Безъ мысли слово недоступно къ Богу!

(Уходитъ поспѣшно).

ЯВЛЕНІЕ III.

Комнаты Королевы.

КОРОЛЕВА И ПОЛОНИЙ.

Полоній. Онъ явится немедленно. Съ нимъ будьте
строги;

Скажите, что его безуміе несносно;
Скажите, что однѣ лишь просьбы ваши
Гнѣвъ короля утишили. Не смѣю больше
Совѣтовать, но твердость въ дѣлѣ вамъ
Необходима.

Королева. Положитесь на меня.
Я знаю, что мнѣ говорить—уйдите—это онъ!

(Полоній прячется за коверъ).

Гамлетъ (входитъ). Что вамъ угодно, мать моя?
Скажите.

Королева. Гамлетъ! ты оскорбилъ меня жестоко.

Гамлетъ. Мать моя! отецъ мой вами оскорбленъ жестоко.

Королева. Ты говоришь со мной, какъ сумасшедшій.

Гамлетъ. А вы со мной, какъ злая мать.

Королева. Гамлетъ! что говоришь ты?

Гамлетъ. Что угодно вамъ?

Королева. Ты позабылъ, кто я?

Гамлетъ. Нѣтъ! не забылъ, клянусь!

Вы королева, вы супруга дяди,
И—о зачѣмъ мнѣ должно досказать!

Вы—мать моя...

Королева. Я говорить съ тобой заставлю
Другихъ; они твое безумство укротятъ.

Гамлетъ. Нѣтъ, нѣтъ! Сядь, и съ мѣста
Ты не сойдешь, пока тебѣ я не представлю
Такого зеркала, гдѣ всѣ души твоей изгибы
Наружу будутъ!

Королева. Что ты дѣлаешь, мой сынъ!
Ты хочешь умертвить меня... О! помогите,
Помогите!

Полоній (за ковромъ). Помогите!

Гамлетъ. Что тамъ? Мышь!

(Онъ ударяетъ шпагою въ коверъ).

Убить! Червонецъ объ закладъ—убить!

Полоній. Охъ! умираю!

(Падаетъ).

Королева. Ахъ! что ты сдѣлалъ, сынъ мой!

Гамлетъ. Что? Не знаю!

Король?

(Подымаетъ коверъ и вытаскиваетъ трупъ Полонія).

Королева. О, какой кровавый, сумасшедшій твой поступокъ!

Гамлетъ. Кровавый? — Чѣмъ же, маменька, онъ
Хуже того — убить супруга и съ убійцей обвиняться?

Королева. Убить супруга!

Гамлетъ. Да, я говорю тебѣ—убить!
 А ты, глупецъ, дуракъ, болванъ! прости меня—
 Я думалъ, что тутъ спрятался другой, умнѣе,—
 обвиняй

Судьбу свою—ты видишь, что услуга
 Другимъ не безъ опасности бываетъ...
 Зачѣмъ ломать такъ руки? Успокойтесь, сядьте...
 Я сердце ваше изломаю... я расшевелю его,
 Когда оно еще не вовсе стало камнемъ
 И навыкомъ на зло не обратилось въ сталь,
 Когда ему доступно хоть одно
 Какое нибудь чувство...

Королева. Что я сдѣлала такое,
 За что ты такъ жестокъ ко мнѣ?

Гамлетъ. Такое дѣло,
 Которымъ погубила скромность ты!
 Изъ добродѣтели ты сдѣлала коварство; цвѣтъ
 любви

Ты облила смертельнымъ ядомъ; клятву,
 Предъ алтаремъ тобою данную супругу,
 Ты въ клятву игрока преобратила;
 Ты погубила вѣру въ душу человѣка;
 Ты посмѣялась святости закона,
 И небо отъ твоихъ злодѣйствъ горитъ;
 Да, видишь ли, какъ все печально и уныло,
 Какъ будто наступаетъ страшный судъ!

Королева. Ахъ! что такое? говори! что хочешь
 Ты высказать въ безумномъ изступленьи?

Гамлетъ. А вотъ они, вотъ два портрета — по-
 смотри:

Какое здѣсь величіе, краса и сила,
 И мужество и умъ—таковъ орелъ,
 Когда съ вершины горъ полетъ свой къ небу
 Направить—совершенство Божьяго созданья—
 Онъ былъ твой мужъ!—Но, посмотри еще—
 Ты видишь ли траву гнилую, зелье,
 Сгубившее великаго—взгляни, гляди...

Или слѣпая ты была, когда
 Въ болото смрадное разврата пала?
 Говори: слѣпая ты была?
 Не поминай мнѣ о любви: въ твои лѣта
 Любовь уму послушною бываетъ!
 Гдѣ-жъ былъ твой умъ? Гдѣ былъ рассудокъ?
 Какой же адскій демонъ овладѣлъ
 Тогда умомъ твоимъ и чувствомъ—зрѣньемъ просто?
 Стыдъ женщины, супруги, матери забыть...
 Когда и старость падаетъ такъ страшно,
 Что-жъ юности осталось?—страшно...
 За человѣка страшно мнѣ!.. ¹⁶⁾

Королева.

Мой сынъ!

Ты очи обратилъ мнѣ внутрь души,
 И я увидѣла ее въ такихъ кровавыхъ,
 Въ такихъ смертельныхъ язвахъ—нѣтъ спасенья!

Гамлетъ. И для чего-жъ ты поддалась пороку,
 Любви искала въ безднѣ преступленья?

Королева. Ахъ! замолчи! Какъ острые ножи,
 Слова твои мнѣ сердце растерзали!
 Умолкни, милый сынъ, Гамлетъ!

Гамлетъ.

Убийца,

Злодѣй, рабъ, шутъ въ коронѣ, воръ,
 Укравшій жизнь и братнюю корону
 Тихонько утащившій подъ полой,
 Бродяга...

Королева. Ахъ! Гамлетъ! ни слова больше!

Гамлетъ. И злодѣю ты могла...

(Тѣнь отца входитъ).

Спасите,

Крылами вашими меня закройте,
 Вы ангелы небесъ... Скажи, чего ты хочешь,
 Страдалецъ?

Королева. Онъ съ ума сошелъ!

Гамлетъ.

Или явился ты

Упреками осыпая сына

За медленность его въ отмщеньи? Говори! ¹⁷⁾
(Молчаніе).

Что съ вами, королева?

Королева. Что съ тобой, Гамлетъ?
Зачѣмъ твой взоръ блуждаетъ въ пустотѣ?
Съ кѣмъ говоришь ты въ воздухѣ пустомъ?
И вся душа въ твои переселилась очи,
И дыбомъ волосы твои! Мой милый сынъ!
Утишь порывы чувствъ. Кого ты видишь?

Гамлетъ. Его, его! Смотри, какъ блѣденъ онъ!
Его ужасное явленье
И въ камень чувства передастъ!
Нѣтъ! не смотри такъ грустно и печально.
Поколебать мою рѣшимость можешь ты,
И я не кровью стану мстить—слезами!

Королева. Съ кѣмъ говоришь ты?

Гамлетъ. Или ты не видишь!

Королева. Я никого не вижу, хоть и вижу все.

Гамлетъ. И ничего не слышишь?

Королева. Ничего.

Гамлетъ. Гляди, гляди—вотъ онъ, отецъ мой, онъ,
И какъ живой! Гляди, вотъ онъ уходитъ—
Ушель...

(Тѣнь уходитъ).

Королева. Мечта воображенья, сынъ мой!
Ты забываешься и видишь привидѣнья!

Гамлетъ. Мечта?

Но пульсъ мой бьется такъ же,
Какъ у тебя... я вижу, слышу... мой разсудокъ
Со мной—я расскажу тебѣ слова его,
А можетъ ли безумный рассказать
Въ порядкѣ, стройно? это ли безумство?
Мать, мать моя! не погуби спасенья
Души твоей коварной ложью, будто
Здѣсь говорить безуміе мое,
А не твои грѣхи и преступленья!
Ты сердца ранъ не исцѣлишь, ты скроешь

Ихъ въ глубину души, и страшно тамъ
 Онѣ сожгутъ ее мученьемъ ада!
 Съ раскаяньемъ прибѣгни къ Богу—кайся,
 Молись за прошлое, грядущаго страшись,
 И ядъ безчувствія страшись считать отрадой!
 Я умоляю, падаю къ ногамъ..

Въ развратный вѣкъ не преступленье,
 Но добродѣтель, добродѣтель умолять должна
 Прощенье въ томъ, что смѣетъ возносить
 Молитвы голосъ за его спасенье!

Королева. Гамлетъ, мой сынъ! ты растерзалъ мнѣ
 сердце!

Гамлетъ. Отбрось его гнилую часть, отбрось
 И съ чистой половиною останься!
 Разстаться намъ должно.. Не оскверняй
 Себя прикосновеньемъ дяди!
 И если ты не добродѣтельна—притворствуй,
 Притворись, что добродѣтель любишь!
 Чудовище привычка, но добра губитель
 Намъ ангеломъ-спасителемъ быть можетъ
 И къ добродѣтели насъ можетъ приучить.
 Сегодня тяжело намъ бываетъ воздержанье,
 Но на другой день легче, и по малу
 Къ добру оно насъ можетъ приучить!
 Прощай—мать моя, прощай! И если хочешь
 Благословенія небесъ, скажи мнѣ—
 Приду къ тебѣ просить благословенія!

(Обращается къ Полонію).

А ты, пріятель, извини—мнѣ жаль тебя.
 Судьбѣ угодно было такъ, чтобъ ты
 Былъ мной наказанъ, а тобою я.
 За смерть твою я буду отвѣчать.
 И разъ еще—о мать моя! Прости мнѣ—
 Я былъ къ тебѣ жестокъ, безчеловѣченъ,
 Но я хотѣлъ, я долженъ быть таковъ,
 Чтобъ матери отдать вновь чувства челоуѣка...
 Да, слова два...

Королева. Скажи, что дѣлать мнѣ?
Гамлетъ. Что?.. Ничего не дѣлай и не вѣрь
 Тому, что говорилъ я. Пусть король
 Опять тебя въ свои объятія приметъ;
 Открой ему всю тайну, расскажи,
 Что не безумецъ въ самомъ дѣлѣ сынъ твой,
 Но сумасшедшимъ только притворился...
 И какъ же вамъ, прекрасной, умной, доброй,
 Счастливой королевѣ, не сказать
 Летучей мыши этой, жабѣ,
 Совѣ полночной, какъ не сказать всего!
 Такая вѣсть его обезопаситъ,
 Порадуетъ—а тамъ, что нужды,
 Когда сама себѣ ты шею повихнешь!

Королева. Нѣтъ! я клянусь тебѣ, что скрою все,
 Все, что ни говорилъ ты мнѣ, Гамлетъ!

Гамлетъ. Извѣстно-ль вамъ? Я въ Англию поѣду.

Королева. Ахъ! я забыла... Это рѣшено.

Гамлетъ. Да, грамоты уже готовы, и два друга,
 Которымъ я какъ ящерицамъ вѣрю,
 Сопровождать меня назначены въ пути
 И довести до самой западни. Пускай—
 Счастливый путь—поѣдемъ, поглядимъ,
 Кто похитрѣй кого взорветъ на воздухъ!
 Противъ подкопа поведу подкопъ,
 И это утѣшаетъ, веселитъ меня,
 Когда умы работаютъ людскіе
 На гибель друга, будто лютый звѣрь!
 А этого я спрячу молодца...
 Спокойной ночи!

Что ты молчаливъ,
 Такъ скромень, такъ угрюмъ, скажи, пріятель,
 Ты, цѣлый вѣкъ болтавшій безъ умолку?
 Пойдемъ съ тобой, что много толковать.

(Тащитъ Полонія).

Спокойной ночи, королева!

ДѢИСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Королевскій дворець.

КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, РОЗЕНКРАНЦЪ И ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Король. Есть причина этой скорби, этихъ вздоховъ. Я долженъ знать ее. Скажи мнѣ—
Гдѣ твой сынъ?

Королева. Оставьте насъ.

(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ).

Ахъ, государь! ужасна эта ночь была!

Король. Что, Гертруда? Что сдѣлалъ сынъ твой?

Королева. Безуменъ, бѣшенъ, будто буря въ спорѣ съ могучимъ океаномъ, и въ безуміи своемъ Услышалъ онъ, что за ковромъ есть кто-то, Мечъ выхватилъ, вскричалъ: „Мышь, мышь!“ И въ сумасшествіи ударилъ и убилъ, Безумецъ, нашего совѣтника и друга...

Король. Я могъ быть тамъ, я могъ погибнуть! Ему свободу дать опасно, губельно. Тебѣ, Мнѣ, всѣмъ опасенъ онъ.

Увы! кто отвѣчаетъ за эту кровь?
 Мы—мы предвидѣть бы могли
 И удалить должны бы отъ людей
 Безумца, во любовь къ нему такъ велика,
 Что мы забыли долгъ нашъ.
 Такъ, если тяжкая болѣзнь кого терзаетъ,
 Страшась послѣдствій, онъ ее таитъ
 И гибнетъ. Гдѣ-жъ теперь твой сынъ?

Королева. Онъ потащилъ убитаго Полонія куда-то.
 Среди безумія, какъ искры злата
 Среди грубой смѣси рудъ—сверкаютъ въ немъ
 И умъ, и сердце—онъ рыдаетъ—поздно!..

Король. Пойдемъ, Гертруда. Прежде чѣмъ лучи
 Померенуть солнца на вершинахъ горъ,
 Корабль къ его отъѣзду изготовятъ.
 Его безумное убійство скроемъ мы.
 Придумаемъ причины.—Гильденштернъ!

(Розенбранцъ и Гильденштернъ входятъ).

Мои друзья! возьмите стражу. Принцъ Гамлетъ
 Убилъ Полонія въ безумномъ изступленьи—
 И утащилъ его бездушный трупъ.
 Подите, съ нимъ поговорите, отыщите тѣло
 И честному предайте погренью—
 Слѣшите!

(Розенбранцъ и Гильденштернъ уходятъ).

Я иду собрать совѣтъ,
 Скажу, что сдѣлалось, спрошу, какъ должно
 Теперь намъ поступить, чтобъ клевета,
 Такъ быстро пролетающая свѣтъ,
 Какъ выстрѣлъ пушечный летитъ до цѣли,
 И отравляющая все въ пути, на насъ
 Не излила бы ядовитой мести,
 Разсѣялась, исчезла.—Поспѣшимъ...
 Душа моя полна тревоги и сомнѣній.

(Уходитъ).

Гамлетъ (выбѣгаетъ). Славно спрятанъ!

Розенкранцъ и Гильденштернъ (за сценою). Гамлетъ!
Принцъ Гамлетъ!

Гамлетъ. Тише! Что за шумъ? На что вамъ Гамлета? Они идутъ...

(*Розенкранцъ и Гильденштернъ* входятъ).

Розенкранцъ. Что сдѣлали вы, принцъ, съ тѣломъ Полонія?

Гамлетъ. Отдалъ его родинѣ—землѣ отдалъ я его.

Розенкранцъ. Гдѣ же оно? Надобно взять его и похоронить.

Гамлетъ. Не вѣрите этому.

Розенкранцъ. Чему не вѣрите?

Гамлетъ. Тому, что, умѣя сохранять ваши тайны, я не умѣю сохранить моихъ тайнъ. Что будетъ отвѣчать сынъ короля, если его спрашиваетъ губка?

Розенкранцъ. Развѣ я губка, принцъ?

Гамлетъ. Да, губка, которая впитываетъ въ себя милости, ласки и власть своего короля. Но вы самыя лучшіе слуги для королей. Короли берегутъ васъ на закуску, какъ обезьяны лакомый кусочекъ. Чуть понадобится взять обратно то, чѣмъ вы напитались—васъ пожмутъ, и—вы сухи, какъ губка.

Розенкранцъ. Я васъ не понимаю, принцъ.

Гамлетъ. Очень радъ. У кого въ ухѣ спокойно спитъ насмѣшка, тотъ—дуракъ!

Розенкранцъ. Скажите, гдѣ положили вы тѣло, и потомъ пожалуйте къ королю.

Гамлетъ. Тѣло бываетъ королемъ, но король не долженъ быть тѣломъ. Король есть нѣчто?

Розенкранцъ. Нѣчто, принцъ?

Гамлетъ. Или ничто. Пойдемъ къ королю. Впередъ лисицы, а собака за ними!

(Уходятъ).

КОРОЛЬ И ПРИДВОРНЫЕ.

Король. Я звать его велѣлъ и отыскать, гдѣ трупъ.
 Какъ страшно оставлять ему свободу!
 Но строгій съ нимъ поступокъ неприличенъ,
 Любимъ онъ глупою толпой народа;
 Она безумно судить то, что видитъ,
 И кто наказанъ, тотъ и правъ въ ея глазахъ,
 Его вина забыта. Тихо, скромно все устроить
 И отъѣздъ его внезапный показать
 Необходимостью. Мы злу поможемъ зломъ.
 Или ничѣмъ.

(Розенкранцъ входитъ).

Ну, что такое? говорите!

Розенкранцъ. Гдѣ тѣло скрылъ онъ, государь,
 Мы не могли узнать.

Король. Но гдѣ онъ самъ?

Розенкранцъ. Онъ здѣсь, подъ стражею—ждемъ
 вашего приказа.

Король. Вести его.

Розенкранцъ. Введите, Гильденштернъ.

(Вводятъ Гамлета).

Король. Ну, Гамлетъ, гдѣ же Полоній?

Гамлетъ. На ужинѣ.

Король. Какъ на ужинѣ?

Гамлетъ. Да, гдѣ не онъ ѣстъ, а его ѣдятъ. Къ
 нему собралось множество премудрыхъ червяковъ.
 Вы знаете, что всѣ наши ужины дѣлаются для
 червяковъ: мы откармливаемъ животныхъ, чтобы
 откормить себя, а себя откармливаемъ, чтобы от-
 кормить червяковъ. Король и нищій—что это та-
 кое? Два разные блюда для нихъ, и оба будутъ на
 одномъ столѣ—одинъ конецъ обоимъ!

Король. Великій Боже!

Гамлетъ. Человѣкъ ловить рыбу на червяка, ко-
 торый, можетъ быть, позавтракалъ королемъ, и
 ѣстъ рыбу, которая позавтракала этимъ червякомъ.

Король. Что хочешь ты сказать?

Гамлетъ. Ничего, а я только хочу вамъ показать, что нищій можетъ съѣсть короля.

Король. Гдѣ Полоній?

Гамлетъ. На небесахъ—пошлите справиться. Если не найдутъ тамъ, пошлите сыскать его въ другомъ мѣстѣ. А если не найдете его нигдѣ, то черезъ мѣсяць онъ скажется вамъ благовоніемъ подъ лѣстницею галлерей.

Король. Поспѣшите туда.

Гамлетъ. Зачѣмъ спѣшить—онъ подождетъ!

(Нѣкоторые изъ придворныхъ уходятъ).

Король. Гамлетъ, послѣ такого страшнаго поступка,

Заботясь нѣжно о тебѣ, сколь намъ ни скорбно,
Но долженъ ты скорѣе удалиться. Будь готовъ.
Ужъ наряженъ корабль, готовься ѣхать
Въ Англію.

Гамлетъ. Какъ! въ Англію?

Король.

Да.

Гамлетъ.

Хорошо!

Король. Теперь тебѣ извѣстны наши мысли.

Гамлетъ. Да, ихъ слышитъ ангелъ небесный—но такъ и быть—поѣдемъ въ Англію. Простите, милая маменька!

Король. Любящій тебя отецъ—хотѣлъ ты сказать, Гамлетъ?

Гамлетъ. Мать—говорю я: отецъ и мать—мужчина и женщина, но оба вмѣстѣ одно—мать, добрая мать—поѣдемъ въ Англію.

(Уходитъ).

Король. Послѣдуйте за нимъ; уговорите ѣхать; Не медлите, чтобъ ночь васъ не застала здѣсь. Путь добрый! Все готово, что до вашего отъѣзда Касается. Прошу васъ поспѣшить.

(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ).

А ты, о Англія! когда цѣнить умѣешь

Мою пріязнь (ее ты опѣнить могла,
 Почувствовавъ глубокіе удары
 Меча, которымъ ты была поражена,
 И данью покупая нашу дружбу),
 Не хладнокровно ты услышишь просьбу
 Мою, и грамоты, врученныя Гамлету,
 Тебѣ покажутъ, что должна ты дѣлать—
 Смерть Гамлету! Да, будь, Англія, послушна,
 Избавь меня отъ тяжелой язвы...
 Пока онъ живъ—нѣтъ счастья для меня!

(Уходитъ).

ПОСЛЫ ФОРТИНБРАСА ¹⁸).

Первый посолъ. Идите съ поздравленьемъ къ королю:
 Скажите, что, его согласно волѣ,
 Норвежскій принцъ ждетъ съ войсками своими,
 Что черезъ Данію ему пройти позволятъ,
 И ежели его величеству угодно
 Назначить намъ свиданье—пусть укажетъ мѣсто,—
 Нашъ принцъ придетъ воздать ему почтенье.

Второй посолъ. Исполню.

Первый посолъ. Миръ и тишину мы соблюдаемъ.

ГАМЛЕТЪ, РОЗЕНКРАНЦЪ И ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ
 (входятъ).

Гамлетъ. Что за народъ?

Послы. Послы норвежскаго владыки.

Гамлетъ. Но что же вамъ угодно?

Послы. Мы на Польшу

Идемъ и просимъ позволенья перейти
 Черезъ ваши области.

Гамлетъ. А вашъ начальникъ?

Послы. Фортинбрасъ, норвежскій принцъ.

Гамлетъ. Что-жь? всю ли Польшу воевать,
Иль такъ—клочекъ землицы взять
Вы собрались?

Послы. Сказать по правдѣ,
Мы бьемся за клочекъ земли, который
Не стоитъ и пяти червонцевъ.

Гамлетъ. Что-жь? Его вамъ бросать и безъ
драки.

Послы. Напротивъ—поляки рѣшили драться.

Гамлетъ. Въ двѣ тысячи людей, да въ двадцать
тысячъ

Червонцевъ вамъ клочекъ земли придется—
Поздравить можно васъ съ завоеваньемъ!

Послы. Желаемъ счастья вамъ.

(Послы уходятъ).

Розенкранцъ.

Пойдемте, принцъ!

Гамлетъ. Идите, я за вами не замедлю.

(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ).

Какъ все противъ меня возстало
За медленное мщенье!.. Что ты, человекъ,
Когда ты только означаешь дни
Сномъ и обѣдомъ? Звѣрь—не больше ты!
Да, Онъ, создавшій насъ съ такимъ умомъ, что мы
Прошедшее и будущее видимъ—Онъ не для того
Насъ одарилъ божественнымъ умомъ,
Чтобъ погубили мы его бесплодно,
И если робкое сомнѣнье медлитъ дѣломъ,
И гибнетъ въ нерѣшительной тревогѣ—
Три четверти здѣсь трусости постыдной
И только четверть мудрости святой!
Къ чему мнѣ жизнь? Твердить: я долженъ сдѣ-
лать—

И медлить, если силы есть, и воля, и причины,
И средства исполненя! Вотъ примѣръ!
Здѣсь юный вождь ведетъ съ собою войско,

Могучее и сильное; вождь смѣлый,
 Онъ все приносить въ жертву чести, славы,
 Все отдаетъ погибели и смерти.
 И для чего? За что? Яичной скорлупы
 Завоеваніе не стоитъ. Честь не велика,
 Не велика и слава жертвовать собою
 Ничтожному дѣянью. Но на что причина?
 Ее дѣянья наши оправдаютъ...
 А я.. отецъ убить, безславые—матери удѣль...
 Какъ крови не кипѣть, уму не волноваться?!—
 А я бездѣйствую, когда, на мой позоръ,
 На смерть идетъ здѣсь двадцать тысячъ войска,
 И многіе не знаютъ для чего идутъ,
 И тысячи бѣгутъ за тѣнью славы,
 И той земли, за что они погибнутъ—
 На ихъ могилы мало!.. Нѣтъ! отъ сей поры
 Кровь будетъ мысль единая—иль вовсе
 Во мнѣ не будетъ мысли ни единой!

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Комната Королевы.

КОРОЛЕВА И ГОРАЦІО.

Королева. Я не хочу съ ней говорить!..

Гораціо. Она васъ просить,

Она достойна сожалѣнья.

Королева. Что могу я?

Гораціо. Все объ отцѣ твердить она, твердить,
 что люди

Обманщики, рыдаетъ и безумствуетъ она.

Безмысленныя рѣчи произноситъ,
 Но онѣ глубоко западаютъ въ душу:
 Онѣ невольно заставляють мыслить;
 Ея печаль, ея движенья, взгляды,

Все увѣряетъ, что въ душѣ ея таятся
Тоска глубокая, безумная печаль.

Королева. Да, я должна съ ней говорить. Она
Опасныя возбудить подозрѣнья
И толки злые... Пусть войдетъ.

(Гораціо выходитъ).

О, преступленье! Малая причина
Тебя тревожитъ, предвѣщая горе,
И недовѣрчивость, сомнѣніе—невольню
Разоблачаютъ черную порока тайну!

Офелія (въбѣгая) ¹⁹⁾. Гдѣ, гдѣ она, прекрасная
владычица?

Королева. Офелія, что съ тобою?

Офелія (поетъ).

Моего вы знали-ль друга?
Онъ былъ бравый молодець.
Въ бѣлыхъ перьяхъ, статный воинъ,
Первый Дании боець.

Королева. Ахъ, бѣдная Офелія! Что ты поешь?

Офелія. Что я пою? Послушайте, какая пѣсня—
Но далеко, за морями,
Въ страшной онъ лежитъ могилѣ;
Холмъ на немъ лежитъ тяжелый.
Ложе—хладная земля!

Королева. Милая Офелія...

Офелія. Да слушайте же пѣсню!

Бѣлымъ саваномъ обвили,
Гробъ усыпали цвѣтами,
И въ могилу опустили
Со слезами, со слезами.

Королева (входящему королю). Пожалѣйте о бѣдняжкѣ,
государь, посмотрите...

Король. Что ты, Офелія?

Офелія. А что я, ничего. Покорно благодарю.
Знаете ли, что совушка была дѣвушка, а потомъ
стала сова? Ты знаешь, что ты теперь, а не знаешь,
чѣмъ ты будешь. Здравствуйте! Добро пожаловать!

Король. Бѣдная! Она не можетъ забыть отца.

Офелія. Отца? Вотъ какой вздоръ—совсѣмъ не отца, а видите что: она пришла на самомъ разсвѣтѣ Валентинова дня, и говорить:

Милый другъ! съ разсвѣтомъ яснымъ
Я пришла къ тебѣ тайкомъ,
Валентиномъ будь прекраснымъ,
Выглянь—здѣсь я, подь окномъ!

* * *

Онъ поспѣшно одѣвался,
Тихо двери растворилъ,
Быть ей вѣрнымъ страшно клялся,
Обманулъ и—разлюбилъ!

Король. Полно, Офелія!

Офелія. Да, онъ ее обманулъ—это ничего, да зачѣмъ онъ клялся? Грѣшно ему!

Плохо съ совѣстью людскою
Друга сердцемъ полюбить—
Онъ смѣется надо мною,
Что мнѣ дѣлать? Какъ мнѣ быть?

* * *

Другу дѣвица сказала:
„Ты всѣ клятвы измѣнилъ!
Я тебя не забывала —
Ты за что меня забылъ?“

* * *

Другъ съ усмѣшкой отвѣчаетъ:
„Клятвъ моихъ я не забылъ —
Развѣ дѣвица не знаетъ:
Я шутилъ, вѣдь я шутилъ!“ —

Король. Давно ли это съ ней сдѣлалось?

Офелія. Все это будетъ ладно, повѣрьте—только потерпите.. А все мнѣ хочется плакать, какъ подумаю, что его зарыли въ холодную землю! Братъ

все это узнаеть, а васъ благодарю за совѣтъ. Скорѣе карету! Доброй ночи, моя милая, доброй ночи!..

(Убѣгаетъ).

Король. Идите за ней, поберегите ее!

(Гораціо уходитъ).

Печали ядъ ей душу отравилъ —
 Отца погибель. Видишь ли, Гертруда,
 Бѣды не ходять одиноко, но толпою:
 Погибъ Полоній, сынъ твой удаленъ —
 Безуміемъ онъ заслужилъ изгнанье —
 И вотъ народъ волнуется, бунтуеть,
 Подозрѣваетъ смерть Полонія и ропщетъ.
 Напрасно скрыли мы его причину смерти!
 И вотъ Офелія теряетъ разумъ,
 И, что всего важнѣе—мнѣ извѣстно,
 Что братъ ея сюда пріѣхалъ тайно.
 Онъ злобой дышетъ, разсѣваетъ слухи
 И мститъ за смерть Полонія рѣшился,
 Насъ обвиняя въ гибели отца.
 О милая Гертруда! тяжко сердцу
 Противостать столь бѣдственнымъ событіямъ!

(Слышенъ шумъ).

Королева. Но что такое? Шумъ, смятеніе народа

Король. Кто здѣсь? Стражи! охраняйте входъ!

(Входитъ Гораціо).

Что за смятенье?

Гораціо ²⁰).

Государь! простите —

Какъ волны моря разъяреннаго стремятся,
 Такъ къ вамъ Лаертъ, съ толпой своихъ друзей,
 Стремится въ ярости, съ мечами, и за нимъ
 Толпа безумная бѣжитъ, провозглашаетъ
 Лаерта имя. Мщенья за отца
 Онъ требуетъ, онъ молить у народа!

Королева. И на голову ихъ падетъ отщенье!
 Безумцы слѣдуютъ за нимъ...

Лаертъ (за сценою).

Гдѣ онъ? Король?

Прочь, прочь съ дороги!

Народъ (за сценою). Прочь! Гдѣ, гдѣ король?!
Лаертъ (врывается въ двери). Отдай мнѣ моего отца
Королева. Лаертъ!

Что это значить? Успокойся.

Лаертъ. Будь я проклять,
 Пусть буду я безславенъ и безчестенъ,
 Когда спокоенъ буду!

Король. Не безпокойся, королева. Мнѣ не страшны
 Угрозы безразсуднаго Лаерта.

Скажи, чего ты хочешь, безразсудный?

Лаертъ. Гдѣ мой отецъ?

Король. Онъ умеръ.

Королева. И въ его кончинѣ

Мы не виновны.

Король. Что-жь? Спрашивай, Лаертъ!
 Я отвѣчаю.

Лаертъ. Нѣтъ! коварной рѣчью
 Не обольститъ меня—скажи: онъ умеръ —
 Кто былъ его убійца? Отвѣчай, иль страшно
 Отмщенье сына будетъ!

Король. Но зачѣмъ же стало?

Лаертъ. Остатокъ чести, вѣрности отцовской
 Мой мечъ удержать, если ты мнѣ выдашь
 Убійцу моего отца!

Король. И снова
 Я узнаю Лаерта. Добрый сынъ
 Бунтовщикомъ, измѣнникомъ не будетъ,
 И мститъ невиннымъ не захочетъ—нѣтъ!
 Онъ только отомститъ виновнымъ.

Лаертъ. Да, виновнымъ!

Король. Ты ихъ узнаешь.
Лаертъ. Пусть они погибнутъ,
 И снова кровь моя и жизнь принадлежать
 Отечеству и королю!

Король. Довольно.
 Виновенъ ли я въ смерти былъ отца,
 Пусть сынъ разсудить, пусть увидитъ онъ!

Народъ (за сценою). Впустить ее, впустить!
Лаертъ. Что слышу?

(Входитъ Офелія, странно убранная соломою и цвѣтами).

Иссохни, мозгъ мой, лейтесь, мои слезы!
 Сестра моя! твое безумство будетъ
 Заплачено злодѣю—другъ, сестра,
 Офелія. Да, лучше быть безумнымъ,
 Когда намъ все, что было драгоцѣнно,
 Все измѣнило—счастье и любовь!

Офелія (поетъ).

Схоронили его съ непокрытымъ лицомъ,
 Собирались они надъ могильнымъ холмомъ,
 И горячія слезы кипѣли ручьемъ,
 Какъ прощались они съ старикомъ.

Прощай, голубчикъ!

Лаертъ. Еслибы въ полномъ умѣ ты побуждала
 меня мстить—я менѣе былъ бы подвигнутъ къ от-
 мщенью, нежели теперь—сестра несчастная!

Офелія. Вы пойте между тѣмъ: „Долой, злодѣй!
 На казнь, злодѣй!“ Славная пѣсенка! Вы знаете?
 Это о томъ пажѣ, который похитилъ дочь рыцаря.

Лаертъ. Ея безуміе лишаетъ меня ума!

Офелія (перебирая цвѣты). Вотъ розмаринъ—это вос-
 поминаніе: Душечка, миленькій! вспомни обо мнѣ!
 А вотъ незабудка—не забудь меня!

Лаертъ. Память пережила умъ несчастной!

Офелія. Вотъ вамъ тминъ, вотъ ноготки, вотъ рута,
 горькая трава—вамъ и мнѣ. Вы носите ее только
 по праздникамъ—горе праздникъ человѣку! Ахъ!
 вотъ и маргаритка—фіялокъ нѣтъ—извините—всѣ
 завяли, съ тѣхъ поръ, какъ отецъ мой умеръ. Да,
 не бойтесь: вѣдь онъ умеръ спокойно!

Радость-душечка пропала,
 Какъ мила друга не стало!

Лаертъ. Мечта и печаль, и страсть, и самое бе-
 зуміе въ ней очаровательны!

Офелія (поеть).

Онъ не придетъ, онъ не придетъ,
Его мы больше не увидимъ.

Нѣтъ! умеръ онъ,
Похоронень!

Его мы больше не увидимъ!

* * *

Вѣтъ вѣтеръ на могилѣ,
Гдѣ зарыли старика,
И три ивы, три березы посадили;
Онѣ плачуть, какъ печаль моя, тоска!

Не плачьте, не плачьте, молитесь объ немъ —
Покой его, Боже мой! праведныхъ сномъ! ²¹⁾

И души всѣхъ, кто умеръ... Молитесь за него и
Богъ съ вами!

(Уходитъ).

Лаертъ. О, Боже мой! ужели ей погибнуть?

Король. Лаертъ! твою печаль я раздѣляю,
И ты отдашь мнѣ справедливость—удалимся:
Мнѣ надобно съ тобою говорить.
Возьми съ собою друзей, когда боишься
Коварства—пусть они судьями будутъ
Между тобой и мной, и если обвинять
Они меня—готовъ мою корону,
И жизнь, и все отдать тебѣ возмездьемъ.
Но если правъ я буду—согласенъ
Соединить тогда свои со мною силы
На мщенье нашему врагу!

Лаертъ. Да будетъ такъ!
Безвѣстная родителя кончина,
Его забвенный гробъ, его могила,
Безъ украшеній, памяти достойной,
И погребеніе безъ почестей приличныхъ —
Все вопіетъ о мщеньи—небо и земля
Велятъ мнѣ требовать отчета!

Король.

И отчетъ

Я дать тебѣ готовъ, и на главу
Виновнаго падеть съкира казни!

Иди за мной.

(Уходятъ всѣ, кромѣ Гораціо).

Гораціо (одинъ) ²²). Письмо Гамлета! Что такое,
Что пишетъ онъ—ко мнѣ и королю?

„Когда ты получишь это письмо, Гораціо, знай, что
вскорѣ меня увидишь. Странное обстоятельство сдѣлало
то, что я не поѣхалъ въ Англію, куда безъ меня отправи-
лись Розенкранцъ и Гильденштернъ. Прилагаемое письмо
отдай королю. Я расскажу тебѣ много чудесъ.

Гамлетъ“.

Что это значитъ? Я не постигаю!

КОРОЛЬ и ЛАЕРТЬ (возвращаются).

Король. Теперь, ты возвращаешь ли мнѣ дружбу,
Лаертъ? Ты понялъ ли, что мнѣ грозила
Такая же опасность, и я могъ
Погибнуть вмѣсто твоего отца?

Лаертъ. Я вижу, вѣрю, но еще не понимаю,
Какъ вы могли злодѣйству попустить
Быть ненаказаннымъ, когда опасность вамъ
Грозила гибелью...

Король. Двѣ важныя причины.
Я объяснялъ тебѣ, Лаертъ, и повторю:
Гамлета любить королева; жизнь ея
Такъ связана съ сыновней жизнью,
Что смерть его была-бъ ей приговоромъ.
Ничто ее не сильно удержать
Ему пожертвовать другими. Онъ любимъ
Народомъ. Безразсудная толпа
Могла вступить за Гамлета, и стрѣла
Могла пронзить того, кто смѣлъ бы бросить
Ее въ отмщеніе виновному.

Лаертъ. Отецъ!
И такъ твоя безславная кончина

Не будетъ отмщена! И ты, сестра моя,
Ты, Божіе, прекрасное созданье,
Погибла безъ отмщенья... Нѣтъ! ничто, ничто
Мой гнѣвъ не укротитъ—убійцу
Я отыщу за дальними морями...

Гораціо (приближается) ²³). Король, позвольте мнѣ...
письмо Гамлета.

Король. Письмо Гамлета? Кто принесъ его?

Гораціо. Съ кѣмъ прислано письмо — мнѣ неиз-
вѣстно.

Быть можетъ, принцъ самъ это объясняетъ.

Король. Лаертъ! ты слышишь ли?—Гораціо! ты
можешь

Оставить насъ.

Гораціо. Я поспѣшу на встрѣчу принца.

(Уходитъ).

Король. Онъ здѣсь! Но гдѣ же посланные съ нимъ?
Мнѣ непонятно. Выслушай письмо:

„Нагой и одинокій возвращаюсь я въ королевство отца
моего, ваше и матери моей королевство. Лично буду я имѣть
честь рассказать вамъ всѣ обстоятельства моего страннаго
возвращенія“.

Лаертъ. Его ли почеркъ?

Король. Да, рука Гамлета.

Лаертъ! теперъ совѣтуй, говори, скажи,
Что дѣлать мнѣ? Такъ—праведному мщенью
Судьбу Гамлета я готовъ отдать!

Лаертъ. Пусть онъ придетъ, пусть явится, и смѣло
Я стану передъ нимъ, скажу ему:
„Убійца!“

Король. Только?

Лаертъ. Жребій пусть рѣшитъ,
Кому изъ насъ погибнуть въ битвѣ!

Король. Жребій—слѣпецъ! Но мы ему поможемъ,
И мщенье вѣрное не промахнется.
Ударъ падетъ, куда назначенъ онъ.
Лаертъ! твоя довѣренность ко мнѣ

Необходима—замысль, въ душѣ
Таимый, я тебѣ открою!

Лаертъ.

Вѣрите,

Что я слѣпымъ орудьемъ вашимъ буду!

Король. Ты согласишься—судъ и казнь Гамлета
Мнѣ невозможны. Средство есть одно:
Мы слышали, что ловкій ты боецъ,
Что въ самой Франціи не могъ ты встрѣтъ
Соперника, достойнаго тебя.
Гамлетъ давно желалъ помѣряться съ тобой
Въ искусствѣ биться.

Лаертъ.

Дайте мѣсто намъ,
И мечъ мой, вѣрный мой товарищъ, сыщеть,
Гдѣ бьется сердце моего врага!

Король. Ты забываешь, что кровавый бой
Здѣсь невозможенъ—санъ и отношенья
Мнѣ не позволятъ вамъ согласья дать.

Лаертъ. Какъ?

Король.

Еслибъ я и могъ тебѣ дозволить,
Кто знаетъ, кто падеть изъ васъ двоихъ?
И мщенье-ль будетъ, казнь ли будетъ этотъ бой?
Любилъ ли ты отца, скажи, Лаертъ?
Убійцѣ казнь готовъ ли ты воздать?

Лаертъ. О, палачемъ его готовъ я быть!

Король.

Довольно!

Скрой ненависть въ присутствіи другихъ;
Пусть возвращается Гамлетъ, а я устрою
Возможность вамъ помѣряться въ бою,
Друзьями, какъ соперникамъ въ искусствѣ.
Я съ нимъ держу закладъ противъ тебя,
И—онъ погибнетъ!

Лаертъ.

Какъ погибнетъ?

Король.

Да—въ смертельный ядъ
Я мечъ твой обмочу—довѣрчивый Гамлетъ
Проникнуть хитрости не можетъ, и прикосновеньемъ
Однимъ ты смерть Гамлету нанесешь...

Лаертъ. Убійство тайное!

Король. Нѣтъ, не убійство—местъ
Преступнику, который внѣ закона!
И смерть отца ты отомстишь, Лаертъ,
И жизнь мою тогда обезопасишь,
И преступленью казнь ты совершишь!
Но, шумъ! Сюда идетъ поспѣшно королева ²⁴).
Она—Гамлета мать! Лаертъ—молчанье!
Что съ тобой, Гертруда?

Королева. Горе
За нами неотступно по слѣдамъ.
Лаертъ! твоя сестра погибла!

Лаертъ. Какъ? погибла?

Королева. Погибла—утонула!

Лаертъ. Праведное небо!

Королева. Тамъ, гдѣ, на воды ручья склоняясь, ива
Стоитъ и отражается въ водахъ,
Офелія плела вѣнки и пѣла.
Вѣнки свои ей вздумалось развѣсить
На ивѣ—гибкій обломился сукъ,
И въ воду бѣдная упала, и въ водѣ,
Не чувствуя опасности и смерти,
Все пѣла и вѣнки свои плела,
Пока ея одежда не промокла
И бѣдную не повлекло на дно... ²⁵).

Лаертъ. И утонула?

Королева. Утонула, утонула!

Лаертъ. О, бѣдная Офелія, сестра! не плачу я—
Боюсь, чтобы слезами не залить мнѣ
Той злобы, пламенемъ въ груди горящей...
Нѣтъ! слезы потекли изъ глазъ моихъ —
Я долженъ скрыть ихъ...

(Уходитъ).

Король. Поспѣшимъ, Гертруда!
Съ трудомъ я злобу укротилъ его,
Она возникнуть снова можетъ—поспѣшимъ!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Кладбище. Входятъ два могильщика, съ заступами.
Одинъ начинаетъ рыть могилу.

Первый могильщикъ. Да развѣ ее будутъ хоронить, какъ порядочнаго человѣка, когда она самовольно отправилась на тотъ свѣтъ.

Второй могильщикъ. Разумѣется — копай скорѣе могилу; судьи ужъ разсудили, что ее должно похоронить какъ водится.

Первый. Да какъ это, когда она утопила тѣло свое добровольно?

Второй. Открылось, что невольно.

Первый. Да ужъ все повольно. Вотъ въ чемъ причинность: если я топлю свое тѣло—такъ—дѣло, а дѣло дѣлаетъ—собственно дѣло, потомъ производство дѣла и исполненіе дѣла. Ну! какъ хочешь — она утопилась добровольно.

Второй. Послушай-ка, товарищъ.

Первый. погоди! — Вотъ рѣка—такъ; тутъ человѣкъ—такъ; если человѣкъ пошелъ къ рѣкѣ и утонулъ—споръ онъ или не споръ—онъ пошелъ—видишь ли? Онъ, а не она! Вотъ еслибы она пошла, такъ вышло бы, что она утонула, и выходитъ, что

тотъ невиноватьъ въ свей смерти, кто не покушался на смерть... А?

Второй. Ну, а по закону?

Первый. По закону? Ну—да, такъ и есть—я объ законѣ-то и говорю.

Второй. Ахъ, не такъ! Она была благородная, а потому и хоронится благородно.

Первый. Какъ? Ну, да то-то и жаль, что кто по-сильнѣе, такъ ему и утопиться-то не плохо. Товарищъ, заступь! за работу! Чортъ побери—нѣтъ никого на свѣтѣ старше по званію, какъ садовникъ, землекопъ, да могильщикъ—у нихъ самое старинное ремесло, Адамово занятіе!

Второй. А развѣ что старше, то и лучше?

Первый. Разумѣется.—Экой безтолковый!

Второй. Такъ стало осель лучше меня, когда онъ старше меня?

Первый. А вотъ я тебя спрошу—отвѣчай.

Второй. Послушаемъ.

Первый. Что всего прочнѣе на свѣтѣ строится?

Второй. Что прочнѣе? Висѣлица — она переживаетъ всѣхъ своихъ жителей.

Первый. За это стоило бы тебя самого на висѣлицу. Видишь ты, умникъ; кто худо дѣлаетъ, тому хорошо идетъ висѣлица, а ты про худое говоришь хорошо, стало тебѣ надо худо. Да, отвѣчай-ка мнѣ на вопросъ!

Второй. На вопросъ? То есть, что прочнѣе всего на свѣтѣ строится?

Первый. Да, отвѣчай, и только.

Второй. Изволь—знаю...

Первый. Такъ говори!

Второй. Пожалуй... Право, братъ, не знаю—дай подумать.

(Входятъ Гамлетъ и Гораціо).

Первый. Не ломай головы по пустякамъ — лѣнному ослу палкой не прибавишь ходу. Когда тебя

спросать, что всего прочнѣе строится на свѣтѣ — отвѣчай: гробъ, потому что его строить человѣку на жизнь во вѣки вѣковъ.—Ступай-ка, да принеси винца.

(Одинъ могильщикъ уходитъ; другой остается, роетъ могилу и поетъ).

Лихой, удалый я бываль,
Любилъ играть и пѣть;
Теперь и старъ и хилъ я сталъ —
Пришлось не пѣть—кряхтѣть!

Гамлетъ. Понимаетъ ли этотъ болванъ, что онъ дѣлаетъ? Рыть могилу и—пѣть!

Гораціо. Привычка сдѣлала его равнодушнымъ къ своему занятію.

Гамлетъ. Правда. Когда руки заняты работою, о головѣ не думаютъ.

Могильщикъ (поетъ).

Брела хрычевка съ костьюлемъ,
Не радъ—иди встрѣчай,
И сталъ я старымъ дуракомъ,
А молодость—прошай!

(Выбрасываетъ черепъ).

Гамлетъ. У этого черепа былъ языкъ, и онъ также пѣвалъ! Какъ бросилъ его этотъ негодяй, будто черепъ Каина, перваго убійцы! А можетъ быть, этотъ черепъ, который такъ легко швыряютъ теперь — составлялъ голову великаго политика, или человѣка, который думалъ править цѣлымъ міромъ—не правда ли?

Гораціо. Можетъ быть, принцъ?

Гамлетъ. Или придворнаго, который такъ мило, такъ ловко умѣлъ сказать: „Здравствуйте, м. г., все ли вы въ добромъ здоровьи, м. г.“ — Можетъ быть, это былъ знатный баринъ, охотникъ до лошадей, и — до всего — можетъ быть?

Гораціо. Да, принцъ.

Гамлетъ. Да, конечно, да, и — вотъ теперь, до-

быча г-на червяка, беззубая, разбитая заступомъ дурака могильщика — вотъ она, эта великая голова! Славная перемѣна, достойная того, чтобы объ ней подумать! Неужели эти черепа ни на что болѣе не годятся, какъ для игры въ кегли? Отъ этого трещить мой черепъ!

Могильщикъ (поетъ).

Съ могилой люди споръ ведутъ—

Вотъ то-то и оно!

Живи, живи, а умирать

Придется всѣмъ равно.

(Вывидываетъ черепъ).

Гамлетъ. Еще черепъ! Почему не можетъ быть это черепъ законовѣдца? Гдѣ теперь его законы, выписки, розыски, дѣла и ябеды? Какъ терпѣть онъ теперь обиду отъ заступа этого негодяя и грубіяна? Что не подастъ на него жалобу? Ха-ха-ха! Можетъ быть, это былъ мастеръ приобрѣтать большія имѣнія, чинить записи, вводы во владѣніе, обезпеченія на неустойку. И конецъ всѣхъ пыльныхъ бумагъ его тотъ, что черепъ его набить пылью, и всѣ его записи ввели его во владѣніе земли не длиннѣе двухъ листовъ пергамента, на которыхъ онъ писывалъ ихъ, и изъ всѣхъ его владѣній ему не оставляютъ даже и гроба—и его не оставитъ онъ наслѣднику!.. Увы.

Горацио. Общая участь!

Гамлетъ. Пергаментъ дѣлается вѣдь изъ бараньей кожи?

Горацио. Да, и изъ телячьей также.

Гамлетъ. Телята и бараны тѣ, кто полагается на прочность написаннаго на ихъ кожѣ! Мнѣ хочется поговорить съ этимъ могильщикомъ. — Эй, ты, дуралей! Чья эта могила?

Могильщикъ. Моя. (Поетъ).

Живи, живи, а умирать

Придется всѣмъ равно!

Гамлетъ. Разумѣется, твоя, потому что ты ее роешь. Да кто въ ней будетъ?

Могильщикъ. Не вы, сударь, это вы видите, потому что вы не въ могилѣ, да и не я, хоть я и въ могилѣ.

Гамлетъ. Не копай глупостей изъ могилы, приятель!

Могильщикъ. О, я не копаю, а закапываю ихъ.

Гамлетъ. Скажи, для какого человѣка эта могила?

Могильщикъ. Не для человѣка, сударь, она.

Гамлетъ. Ну, такъ для женщины?

Могильщикъ. И не для женщины.

Гамлетъ. Да кого же схоронять тутъ?

Могильщикъ. Того, кто была женщина, а теперь такъ, дрянъ, ни то, ни сѣ!

Гамлетъ. Каковъ удалецъ? Съ нимъ не скоро дороешься толку. Право, Горацио, свѣтъ поумнѣлъ, такъ что теперь мужикъ ступаетъ на ногу дворянину и извиняться не думаетъ! Давно ли ты могильщикомъ?

Могильщикъ. Съ тѣхъ поръ, какъ покойный король нашъ побѣдилъ Фортибраса.

Гамлетъ. А давно ли это было?

Могильщикъ. Будто вы не знаете? И дуракъ вамъ скажетъ, что въ тотъ годъ родился принцъ Гамлетъ, вотъ что теперь сдѣлался дуракомъ и посланъ въ Англію.

Гамлетъ. А для чего же его послали въ Англію?

Могильщикъ. Для чего? Для того, что онъ дуракъ, и тамъ поумнѣетъ, а если и не поумнѣетъ, такъ не велика бѣда.

Гамлетъ. Почему же?

Могильщикъ. Потому, что между дураками однимъ, больше или меньше—все равно.

Гамлетъ. Какъ же это онъ сдѣлался дуракомъ?

Могильщикъ. Очень чудно, говорятъ.

Гамлетъ. Очень чудно?

Могильщикъ. Да, чудно. Потерялъ то, чего у него не было.

Гамлетъ. Но на чемъ же онъ помѣшался?

Могильщикъ. Вѣроятно, на землѣ, на которой мнѣ суждено рыть могилы, а ему быть дуракомъ.

Гамлетъ. Въ сколько времени человѣкъ сгниваетъ въ могилѣ?

Могильщикъ. Если не подгнилъ немножко живой, такъ лѣтъ въ восемь или девять. Кожевникъ, вѣрно, пролежитъ девять.

Гамлетъ. Почему же кожевникъ долѣе другихъ?

Могильщикъ. Потому что его кожа выдѣляется заживо и не боится воды, а вода хуже всего портитъ этихъ дураковъ, мертвыхъ. Вотъ черепъ, который пролежалъ въ землѣ лѣтъ двадцать.

Гамлетъ. А чей это?

Могильщикъ. Одного шалуна. Ну, чей бы вы думали?

Гамлетъ. Право, не знаю.

Могильщикъ. Чортъ его побери, негодя! Онъ обидѣлъ меня виномъ однажды. Это черепъ Юрива, бывшего шута королевскаго.

Гамлетъ. Этоть? (Беретъ черепъ).

Могильщикъ. Да.

Гамлетъ. Ахъ! бѣдный Юрикъ! — Зналъ я его, Гораціо: это былъ весельчакъ и умница. Сколько разъ нашивалъ онъ меня на рукахъ, а теперь какой отвратительный видъ! Тутъ были губы, которыя цѣловали меня. Гдѣ теперь твои шуточки, твои остроги, твои пѣсенки, все, что такъ громко заставляло хохотать другихъ? Неужели не осталось ни одной, хоть посмѣяться надъ самимъ собою, какую глупую рожу ты дѣлаешь? Ни слова? Что, не пойдешь ли ты расхвалить какуюнибудь красавицу? Разсмѣшить ее?—Послушай, Гораціо!

Гораціо. Что угодно, принцъ?

Гамлетъ. Неужели и голова Александра Македонскаго теперь такая же?

Горацио. Да, принцъ.

Гамлетъ. И такъ же пахнетъ могилой? Пфуй?

(Бросаетъ черепъ).

Горацио. Такъ же, принцъ.

Гамлетъ. И до чего можемъ мы унизиться, Горацио! И почему благородному праху Александра Македонскаго не быть замазкой какойнибудь жижины?

Горацио. Это, кажется, невѣроятно.

Гамлетъ. Что же тутъ невѣроятнаго? Почему не разсуждать такъ: онъ умеръ, онъ погребенъ, онъ сдѣлался прахомъ... прахъ—земля... земля—глина... глина употребляется на замазку стѣнъ.

Великолѣпный Цезарь нынѣ прахъ и тлѣнъ

И на поправку онъ истраченъ стѣнъ.

Живая глина землю потрясала,

А мертвая замазкой печи стала!

Но, тише, тише! Вотъ король!

Несутъ гробъ Офеліи. ЛАЕРТЬ, КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА И
СВИТА КОРОЛЕВСКАЯ.

Гамлетъ. Король и королева, Дворъ — что это значить? Лаертъ, и такъ печаленъ?

(Гробъ опускаютъ въ могилу ²⁶).

Лаертъ.

Миръ тебѣ, сестра!

Да расцвѣтутъ цвѣты, и да украсятъ

Твой холмъ могильный!

Гамлетъ.

Какъ? Офелія? Что слышу!

Королева. Прости, Офелія! Мечтала прежде я,

Что счастье моему Гамлету ты составишь;

Тебѣ къ вѣнцу готовила цвѣты,

И ихъ на гробъ печальный твой бросаю!

Лаертъ. Проклятіе, проклятіе убійцѣ!

Не зарывайте гроба—дайте насмотрѣться —
Засыпьте и меня съ моей сестрой!

Гамлетъ (приближается). Кто хнычетъ тутъ? Кто смѣетъ плакать?

Лаертъ (бросается на него). Будь проклятъ ты, убійца.

Гамлетъ. Тише, тише!

Зачѣмъ за горло схватывать меня!

Бороться не тебѣ со мной, пріятель!

Король. Остановите ихъ!

Королева. Гамлетъ, мой сынъ, Гамлетъ!

Гамлетъ. Нѣтъ! я не уступлю ему, пока я живъ!

Онъ хочетъ удивить меня печалью—

Но я любилъ ее, какъ сорокъ тысячъ братьевъ

Любить не могутъ!

Королева. Онъ съ ума сошелъ!

Гамлетъ. Чего ты хочешь? Плакать, драться, уми-
рать,

Быть съ ней въ одной могилѣ? Что за чудеса!

Да я на все готовъ, на все, на все—

Получше брата я ее любилъ

(Онъ уходитъ поспѣшно).

Король. Послѣдуйте за нимъ—онъ помѣшался.

Не плачь, Гертруда!—Мы еще увидимъ

Дни счастья... Помнишь ли нашъ разговоръ, Лаертъ?

Теперь его исполнить время будетъ.

(Всѣ уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Зала во дворцѣ.

ГАМЛЕТЪ И ГОРАЦІО ²⁷).

Гамлетъ. Да, я ихъ обманулъ, Гораціо, я отвратилъ погибель

И обратилъ ее на голову злодѣевъ.

Безумцемъ притворяясь, было мнѣ легко

Похитить грамоты, ихъ прочитатъ, поддѣлатъ.

По счастью, у меня была печать
 Отца покойнаго; печатью этой
 Я запечаталъ—хочешь ли ты знать,
 Что было въ грамотахъ?

Гораціо. Принцъ, я желалъ бы...

Гамлетъ. Приказъ казнить меня не медля! Не
 дивись,

Мой другъ! Въ подарокъ Розенкранцу съ Гильден-
 штерномъ,

Я написалъ взаимно ихъ казнить,
 Едва они достигнутъ Англійской земли.
 Пускай они увидятъ, какъ опасно
 Стать между двухъ мечей, когда свирѣпый
 Бой начался межъ сильными людьми!

Гораціо. Онъ не король—злодѣй!

Гамлетъ. Съ нимъ рѣшено теперь:

Убийца моего отца, престола хищникъ
 И матери моей безчестный соблазнитель,
 Коварно умышлявшій погубить меня,
 Погибнуть долженъ—совѣсть мнѣ велитъ
 Казнить злодѣя—преступленье будетъ
 Его оставить на позоръ земли.

Гораціо. Онъ скоро разгадаетъ хитрость вашу.

Гамлетъ. Онъ не успеетъ разгадать—его минуты
 Изотчены.—Но совѣстью теперь тревожусь я
 За оскорбленіе Лаерта—я забылся,
 Я долженъ былъ печаль его уважить—
 Его судьба моей судьбѣ подобна..

Гораціо. Сюда идутъ. Принцъ! Тише, ради Бога!

Осрикъ (входитъ). Свѣтлѣйшій принцъ! мое низжай-
 шее поздравленіе съ возвратомъ въ Данію.

Гамлетъ. Усердно благодарю.—Ты знаешь ли
 этого жука, Гораціо?

Гораціо. Нѣтъ, принцъ.

Гамлетъ. Тѣмъ лучше для тебя—стыдно знать его.
 Онъ богатъ, да пусть скотина владѣетъ скотами и
 вмѣсто конюшни ходитъ за королевскій столъ—а

между тѣмъ у этого попугая много въ обладаніи грязи, что люди называютъ землею.

Осрикъ. Свѣтлѣйшій принцъ! если имѣете досугъ выслушать, что я буду имѣть честь сообщить.

Гамлетъ. Со всевозможною охотою. Да употребите шляпу вашу для того, на что она сдѣлана—надѣньте ее на голову.

Осрикъ. Всепокорнѣйше благодарю—тепло.

Гамлетъ. Нѣтъ, очень холодно. Вѣтеръ отъ сѣвера.

Осрикъ. Да, принцъ—ужасный холодъ!

Гамлетъ. Нѣтъ, буря и жарко—мнѣ такъ кажется!

Осрикъ. Чрезвычайно, принцъ—такой вѣтеръ, такой жаръ, что сказать нельзя! Принцъ, король поручилъ мнѣ передать вамъ, что онъ...

Гамлетъ. Да надѣньте же вашу шляпу.

Осрикъ. Повѣрьте, принцъ, что мнѣ такъ лучше, и вы слишкомъ добры. Вамъ, конечно, извѣстно должно быть, что Лаертъ возвратился изъ Франціи, и клянусь, что это совершенство молодыхъ людей, полнота отличнѣйшихъ качествъ, красавецъ, ловкій—истинно, говоря безъ лести, образецъ, компасъ юношамъ, потому что въ немъ находите все, что только составляетъ совершенство молодыхъ господъ!

Гамлетъ. Онъ ничего не теряетъ въ вашемъ изображеніи, хоть я увѣренъ, что никакой ариеметики не достанетъ исчислить всѣ его достоинства. Безъ всякой лести сказать—только зеркало можетъ изобразить его похоже на него, а все другое выразить только тѣнь его!

Осрикъ. Вы говорите сущую правду, принцъ!

Гамлетъ. Положимъ, что такъ. Но для чего же мы наряжаемъ его въ наши похвалы?

Осрикъ. То есть?

Гораціо. То есть, нельзя ли какъ нибудь говорить иначе?

Гамлетъ. И объяснить, для чего мы говоримъ.

Осрикъ. О Лаертѣ?

Гамлетъ. Да. Мнѣ очень извѣстно, что кошелекъ вашего краснорѣчія неистошимо набить червонцами, но разбѣняйте ихъ на простую монету.

Осрикъ. Принцъ! вамъ, конечно, извѣстно должно быть...

Гамлетъ. Оставимъ—что мнѣ извѣстно или неизвѣстно—въ чемъ дѣло?

Осрикъ. Вамъ, конечно, извѣстно должно быть, принцъ, что Лаертъ превосходитъ...

Гамлетъ. Да почему мнѣ знать его превосходство, сдѣлайте милость?

Осрикъ. Я хотѣлъ только сказать, что онъ превосходитъ въ искусствѣ биться на шпагахъ и сабляхъ...

Гамлетъ. Что-же изъ этого?

Осрикъ. Королю угодно было удариться съ нимъ объ закладъ—шесть превосходныхъ коней со стороны его величества, и шесть чудныхъ, драгоцѣнныхъ кинжаловъ и шесть шпагъ со стороны Лаерта,—что изъ двѣнадцати разъ онъ не дастъ вамъ трехъ ударовъ, а онъ бился, что изъ девяти дастъ вамъ три.—Споръ такъ горячо начался, что король прислалъ меня узнать: угодно-ли и когда вамъ угодно назначить время для испытанія?

Гамлетъ (задумчиво). А если я не соглашусь?

Осрикъ. Закладъ останется такъ.

Гамлетъ. Зачѣмъ ему такъ оставаться. Скажите королю, что я согласенъ. Пусть принесутъ рапиры, и я постараюсь выиграть его величеству шесть шпагъ и шесть кинжаловъ.

Осрикъ. Такъ прикажете мнѣ сказать?

Гамлетъ. Да, разумѣется—только украсьте смыслъ цвѣтами вашего краснорѣчія.

Осрикъ. И вамъ угодно, принцъ, приступить къ рѣшенію немедленно?

Гамлетъ. Хоть сію минуту.

Осрикъ. Король, королева и весь Дворъ послѣ-
патъ на зрѣлище, столь увлекательное.

Гамлетъ. Очень радъ.

Осрикъ. Ея величество проситъ васъ прежде всего
сказать Лаерту нѣсколько примирительныхъ словъ.

Гамлетъ. И это исполню.

Осрикъ. Препоручаю себя вашему вниманію.
(Уходитъ).

Горацио. Принцъ! я боюсь — вы проиграете за-
владѣть.

Гамлетъ. Не думаю. Владѣть шпагою могу я по-
рядочно. Но, Горацио... Ты не можешь себѣ вообра-
зить... Мнѣ такъ грустно, такъ грустно... Да оста-
вимъ это!

Горацио. Для чего же, принцъ?

Гамлетъ. Это вздоръ. Только женщину могутъ
пугать предчувствія.

Горацио. Если душа ваша чтонибудь вамъ под-
сказываетъ, не презирайте этимъ увѣдомленіемъ
души. Я пойду извѣстить, что вы теперь не распо-
ложены.

Гамлетъ. Нѣтъ! это глупость. Презримъ всякія
предчувствія. Безъ воли Провидѣнія и воробей не
погибнетъ. Чему быть сегодня, того не будетъ по-
томъ. Чему быть потомъ, того не будетъ сегодня—
не теперь тому быть, такъ послѣ. Быть всегда го-
тову—вотъ все! Если никто не знаетъ того, что съ
нимъ будетъ—оставимъ всему быть такъ, какъ ему
быть назначено.

(Онъ задумывается).

КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, ЛАЕРТЪ, ОСРИКЪ, ПРИДВОР-
НЫЕ, ПРИДВОРНЫЯ, СТРАЖА.

Торжественный маршъ.

Король. Гамлетъ! дай руку — я ее Лаерту пере-
дамъ.

(Онъ складываетъ руки Лаерта и Гамлета).

Гамлетъ. Лаертъ! рука моя и просьба о прощеньи.
Не я—безуміе мое причиной было,
Что оскорбилъ Гамлетъ Лаерта. Все равно,
Какъ бы нечаянно стрѣлой сразилъ я друга,
Такъ оскорбилъ и я тебя...

Лаертъ. Довольно, принцъ.
Пусть насъ разсудятъ, пусть рѣшатъ обиду,
Но я готовъ забыть ее, и здѣсь
Встрѣчаю я привѣтомъ дружбы и почтенья
Готовность вашу прекратить вражду.

Гамлетъ. Довольно. Дайте намъ рапиры—я го-
товъ.

Лаертъ. И я!

Гамлетъ. Я чучелой тебѣ согласенъ быть.
Моя неловкость, при твоёмъ искусствѣ,
Побѣду вѣрную тебѣ даетъ.

Лаертъ. Вы насмѣхаетесь!

Гамлетъ.

Нѣтъ!

Король.

Дайте имъ рапиры.

Закладъ тебѣ извѣстенъ ли, Гамлетъ?

Гамлетъ.

Да, да!

Вы проиграете—и это мнѣ извѣстно.

(Они выбираютъ рапиры).

Король. Гамлетъ! я приказалъ, чтобы твою побѣду
Громъ пушекъ возвѣщалъ, и каждый разъ
Я буду пить твое здоровье. Кубки здѣсь
Поставьте. Въ каждый кубокъ я бросаю
Жемчужины, какихъ дороже нѣтъ у насъ
Въ сокровищницѣ королевской. Начинайте!

(Кубки ставятъ на столъ. Въ одинъ изъ нихъ
король сыплетъ ядъ).

Гамлетъ. Готово ли?

(Беретъ одну рапиру и обращается къ королю.
Лаертъ подмѣниваетъ другую рапиру).

Король. Внимательнѣе наблюдайте за ударомъ
И донесите мнѣ немедленно. Надежда
Насъ не обманетъ на успѣхъ

(Гамлетъ и Лаертъ бьются).

Гамлетъ (останавливаясь). Ударь.
Лаертъ. Нѣтъ!
Гамлетъ. Судьи! говорите!
Осрикъ и другіе. Да, ударь, ударь безспорно!
Лаертъ. Пусть такъ будетъ—продолжимъ!
Король. Остановитесь!
 Я пью Гамлетово здоровье!

(Трубы и пушечные выстрѣлы).
 Гамлетъ! бери свой кубокъ!
 (Онъ подаетъ ему кубокъ).

Гамлетъ. Нѣтъ, прежде кончимъ дѣло!
 (Сражаются. Король ставитъ кубокъ на столъ).
 Вотъ ударъ еще!

Лаертъ. Да, признаюсь!
Король. Побѣда, мой Гамлетъ!
Королева. Твое здоровье,
 (Беретъ кубокъ).

Мой сынъ, я пью!
Король. Нѣтъ, нѣтъ! не пей, Гертруда!..
Королева. Здоровье сына моего (Пьетъ).
Король (въ сторону). Она погибла! Въ кубкѣ ядъ!
Королева. Раздѣлимъ кубокъ, мой Гамлетъ!
Гамлетъ. Благодарю!

Сперва окончимъ споръ.
Лаертъ. Ударь Гамлету!
Гамлетъ. Нѣтъ!
 (Бьются сильнѣе).

Мнѣ кажется, ты шутишь,
 Лаертъ—играешь, а не бьешься!

Лаертъ. Я шучу?
 Увидимъ! (Онъ ранитъ Гамлета).

Горацио. Что это? принцъ раненъ?
 (Гамлетъ выбиваетъ рапиру у Лаерта и бросаетъ свою. Лаертъ, въ бѣшенствѣ, схватываетъ его рапиру. Гамлетъ беретъ Лаертovu. Бьются).

Король. Стойте!
 Довольно—разнимите ихъ!
 (Королева лишается чувствъ).

Осрикъ. Что съ королевой?

Король. Она, конечно, испугалась!

Лаертъ. Что это? Я ранень —
Гамлетъ моей рапирой бился—я погибъ!

(Смятеніе. Лаертъ едва держится на ногахъ).

Гамлетъ. Мать моя! ты испугалась за меня.

Королева. Нѣтъ! ядъ,
Ядъ въ кубкѣ былъ—ядъ—о мой милый сынъ!

(Умираетъ).

Гамлетъ. Злодѣйство! Запирайте двери! Никого
не выпускать,
Искать злодѣя.

Лаертъ (падаетъ). Онъ предъ тобою,
Гамлетъ! Ты ранень на смерть...
Ядъ въ твоей крови... я умираю за измѣну...
Рапира... была... отравлена—въ твоихъ рукахъ
Орудіе погибели обоихъ...
Тебя и королеву погубилъ...
Король... Король...

Гамлетъ. Ядъ! на работу!
(Колетъ короля).

Король. Помогите!

Осрикъ и другіе. Измѣна!

Гамлетъ. Что—скажи: каковъ мой кубокъ,
Убійца, отравитель? Пей мою гибель!

(Король падаетъ и умираетъ).

Лаертъ. Онъ заслужилъ гибель—онъ насъ по-
губилъ!

Прости, Гамлетъ, мнѣ смерть твою, прости!
Какъ я тебѣ прощаю смерть отца! (Умираетъ).

Гамлетъ. Усни спокойно!—Смерть! Такъ вотъ она,
Гораціо?.. А вы, свидѣтели злодѣйства,
Вы, бѣдные трепещущіе люди!
Когда бы смерть языкъ мой не вязала,
Я вамъ сказалъ бы... Смерть неумолима!
Гораціо! ты оправдаешь предъ людьми меня...

Гораціо. Нѣтъ! въ кубкѣ есть остатокъ, и—онъ мой!

Гамлетъ. Нѣтъ, нѣтъ, Гораціо, ты долженъ жить, Ты долженъ оправдать Гамлета имя! Ты имъ расскажешь страшныя дѣла, Гамлета имя ты спасешь отъ поношенья...

(Слышенъ маршъ) ²⁸).

А! это возвращеніе Фортинбраса —

Судьба ему передаетъ вѣнецъ —

Гораціо! ты все ему расскажешь... (Умираетъ).

Гораціо. И разорвалось доблестное сердце!

Примите, ангелы, въ блаженство ваше

Его, достойнаго блаженной жизни!

Фортинбрасъ (входитъ). Какое зрѣлище! Какой кровавый пиръ!

Смерть торжествуетъ страшную побѣду...

Гораціо. Привѣтъ мой принцу! Я отчетъ отдамъ тебѣ

Въ дѣлахъ неслыханныхъ, кровавыхъ, страшныхъ,

Въ погибели виновныхъ и невинныхъ,

Судьбы рѣшеніяхъ, для насъ непостижимыхъ,

И голосъ я передаю Гамлета,

Которымъ онъ тебѣ вѣнецъ свой отдаетъ.

Фортинбрасъ. Прискорбный даръ умершаго при-емлю.

Слезамъ память мы почтимъ Гамлета,

И почестъ воздадимъ умершимъ погребеньемъ.

(Слышна унылая музыка).

(Занавѣсъ опускается).

ПРИМѢЧАНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Приводимъ, по полнымъ переводамъ „Гамлета“, тѣ мѣста, которыя у Полевого сокращены, переименованы или совсѣмъ пропущены (см. Предисловіе). Цифры соотвѣтствуютъ цифрамъ, поставленнымъ въ текстѣ перевода Полевого и указывающимъ пропуски и проч.

1) *Бернардо*. Ему пѣтухъ отвѣтитъ помѣшалъ.

Горацио. И вздрогнулъ онъ, какъ грѣшное творенье
При воплѣ ужаса. Я слышалъ, что пѣтухъ,
Трубачъ зари, своею звонкой пѣснью
Сгоняетъ сонъ съ очей дневного бога
И по его пронзительному крику
Изъ водъ, огня, эфира и земли
Стекаются блуждающіе духи
Въ свою страну—и истину повѣрять
Намъ доказалъ мертвецъ, насъ посѣтившій.

Марцелло. Онъ вдругъ исчезъ при крикѣ пѣтуха.
Вотъ, говорятъ, что въ ночь на Рождество,
Когда мы ждемъ Спасителя явленье,
Вилоть до зари поетъ предвѣстникъ утра.
Тогда блуждать не смѣютъ привидѣнья:
Та ночь чиста, созвѣздія безвредны;
И лѣшій спитъ, и вѣдьмы не колдуютъ:
Такъ эта ночь свята и благодатна.

Горацио. Да, слышалъ я и вѣрится отчасти.

Но вотъ и Февъ въ пурпуровой одеждѣ
Идетъ на холмъ по жемчугу росы.
Пора. Оставимъ постъ, идемъ, идемъ!
И мой совѣтъ—видѣнье этой ночи
Гамлету рассказать. Клянусь вамъ жизнью,
Духъ нѣмъ для насъ, но съ нимъ заговорить!
Согласны-ль вы сказать объ этомъ принцу,
Какъ вамъ велятъ и долгъ вашъ и любовь?

2) *Лаертъ.*

Нѣтъ.

Природа въ насъ растетъ не только тѣломъ:
Чѣмъ выше храмъ, тѣмъ выше возникаетъ
Души и разума святая служба.
Онъ, можетъ быть, теперь тебя и любитъ:
Обманъ и зло еще не запятали
Въ немъ добродѣтели души; но бойся:
Какъ первый принцъ, онъ не имѣетъ воли,
Онъ рабъ происхожденья своего:
Не можетъ онъ, какъ мы, простые люди,
Избрать подругу по сердцу себѣ:
Съ избраніемъ ея сопряжены
Упадокъ силъ иль счастье государства —
И потому души его желанья
Ограждены согласіемъ людей,
Которымъ онъ глава. И, если снова
Онъ о любви съ тобой заговоритъ,
Умно ты сдѣлаешь, когда не больше
Повѣришь страстному его призванью,
Какъ сколько можетъ онъ осуществить
Свои слова: не больше, чѣмъ позволить
Всеобщій голосъ датскаго народа.
Обдумай, сколько пострадаетъ честь,
Когда твой слухъ къ его любовной пѣснѣ
Довѣрчиво прильнетъ, когда ты сердце
Ему отдашь—и бурное стремленье
Похитить скромности твоей алмазь.
Страшись, Офелія! страшись, сестра!

Подальше отъ опаснаго желанья,
 Отъ вспышки склонности твоей.
 Изъ дѣвъ чистѣйшая ужъ не скромна,
 Когда лунѣ ея открыта прелесть, --
 Отъ клеветы и святость не уйдетъ.
 Дѣтей весны нерѣдко истребляетъ
 Червякъ, когда еще закрыта почка;
 И въ молодости утро на росу
 Опасно вѣетъ ядовитый вѣтеръ.
 Смотри-жь, сестра, остерегайся! Страхъ --
 Ограда отъ бѣды; а наша юность
 И безъ враговъ въ борьбѣ сама съ собой.

3) А долгъ есть ядъ въ хозяйственномъ разчетѣ.
 Но главное: будь вѣренъ самому себѣ,
 И, слѣдственно, какъ дважды два — четыре,
 Ни передъ кѣмъ не будешь ты фальшивъ.

4) *Гамлетъ*. Да, конечно такъ —
 И я къ нему, какъ здѣшній уроженецъ,
 Хоть и привыкъ, однако же, по мнѣ
 Забыть его гораздо благороднѣй,
 Чѣмъ сохранять. Похмѣлье и пирушки
 Мараютъ насъ въ понятіи народа:
 За нихъ зовутъ насъ Бахуса жрецами
 И съ нашимъ именемъ соединяютъ
 Прозванье черное. Сказать по правдѣ,
 Всю славу дѣлъ великихъ и прекрасныхъ
 Смываетъ съ насъ вино. Такую участь
 Несетъ и частный человѣкъ; его,
 Когда онъ заклеменъ пягномъ природы,
 Какъ, напримѣръ, не въ мѣру пылкой кровью,
 Берущей верхъ надъ силою ума —
 Въ чемъ и невиненъ онъ: его рожденье
 Есть случай безъ разумной воли —
 Или привычкою, которая, какъ ржа,
 Съѣдаетъ блескъ поступковъ благородныхъ,

Его, я говорю, людское мнѣнье
 Лишить достоинства; его осудятъ
 За то, что въ немъ одно пятно порока,
 Хоть будь оно клеймо слѣпой природы
 И самъ онъ будь такъ чистъ, какъ добродѣтель,
 Съ безмѣрно благородною душой:
 Пылинка зла уничтожаетъ благо.

5) Какъ добродѣтели не обольститъ
 Развратъ, хоть будь онъ въ одѣяньи неба,
 Такъ точно страсть и съ ангеломъ въ союзѣ
 Наскучить, наконецъ, небеснымъ ложемъ—
 И жаждетъ недостойнаго.

6) Этихъ словъ Короля у Шекспира совсѣмъ нѣтъ.
 Ихъ говоритъ Розенкранцъ: „Дай Богъ, чтобы нашъ
 прїѣздъ и наши старанія были прїятны и полезны
 ему“. Перев. Кетчера.

7) У Полевого пропущено. Приводимъ это мѣсто по
 переводу Кетчера.

Гамлетъ. Что же побудило ихъ къ странствованію?
 Пребываніе на одномъ мѣстѣ далеко вѣдь выгоднѣй,
 какъ для славы, такъ и для кармана.

Розенкранцъ. Послѣднія, я думаю, нововведенія.

Гамлетъ. Были они такъ же любимы, какъ въ то
 время, когда я былъ въ городѣ? Посѣщались такъ же?

Розенкранцъ. Далекое не такъ.

Гамлетъ. Отчего же? Начали баловаться?

Розенкранцъ. Нѣтъ, были по прежнему старательны;
 но явился выводокъ дѣтей—безперыжь птенцовъ, кри-
 кливый пискъ которыхъ вызываетъ громы рукоплеска-
 ній. Теперь они въ модѣ, и такъ кричатъ противъ про-
 стонародныхъ театровъ—такъ называютъ они всѣ
 другіе,—что многіе и изъ носящихъ мечъ, убоясь гу-
 синныхъ перьевъ, почти совсѣмъ не посѣщаютъ послѣд-
 нихъ.

Гамлетъ. Какъ! дѣти? Кто же содержитъ ихъ? что же имъ платять? Покинуть они это искусство, какъ только утратятъ способность пѣть дискантомъ? Не скажутъ они послѣ, когда выростутъ до обыкновенныхъ актеровъ,—а это весьма вѣроятно, если не найдутъ лучшихъ средствъ къ существованію, — что ихъ писатели сдѣлали имъ большое зло, заставивъ декламировать противъ своей собственной будущности.

Розенкранцъ. Была страшная съ обѣихъ сторонъ перепалка, и само общество не считало за грѣхъ ихъ стравливать; нѣкоторое время ни одна пьеса не давала даже сбора, если авторъ и актеры не дѣлали въ ней какихъ нибудь по этому поводу выходокъ.

Гамлетъ. Возможно ли?

Гильденштернъ. И чѣмъ тутъ не перебрасывались.

Гамлетъ. И дѣти одержали побѣду?

Розенкранцъ. И надъ Геркулесомъ, и надъ его ношей.

8) У Шекспира иначе. Перев. Кетчера.

Гамлетъ. О, Іеффай, судья Израиля, какое имѣлъ ты сокровище!

Полоній. Какое сокровище, принцъ?

Гамлетъ. Какое?

Имѣлъ одну онъ дочь прекрасную,

И любилъ онъ эту дочь.

9) Монологъ этотъ, сокращенный Полевымъ, приводимъ цѣликомъ по переводу Кронеберга:

Гамлетъ. Богъ съ вами! Я одинъ теперь.
Какой злодѣй: какой я рабъ презрѣнный!
Не дивно ли: актёръ, при тѣни страсти,
При вымыслѣ пустомъ, былъ въ состояньи
Своимъ мечтамъ всю душу покорить;
Его лицо отъ силы ихъ блѣднѣетъ,
Въ глазахъ слеза дрожитъ и млѣетъ голосъ,
Въ чертахъ лица отчаянье и ужасъ
И весь составъ его покорень мысли.

И все изъ ничего—изъ-за Гекубы!
 Что онъ Гекубѣ, что она ему?
 Что плачетъ онъ о ней? О еслибъ онъ,
 Какъ я, владѣлъ призывомъ страсти,
 Что-бъ сдѣлалъ онъ? Онъ потопилъ бы сцену
 Въ своихъ слезахъ и страшными словами
 Народный слухъ бы поразилъ, преступныхъ
 Въ безумство бы повергъ, невинныхъ въ ужасъ,
 Незнающихъ привелъ бы онъ въ смятенье,
 Исторгъ бы силу изъ очей и слуха.
 А я, презрѣнный, малодушный рабъ,
 Я дѣла чуждъ, въ мечтаніяхъ бесплодныхъ
 Боюсь за короля промолвить слово,
 Надъ чьимъ вѣнцомъ и жизнью драгоцѣнной
 Совершенно проклятое злодѣйство.
 Я трусь? Кто назоветъ меня негоднымъ?
 Кто черепъ раскроить? кто прикоснется
 До моего лица? кто скажетъ мнѣ: ты лжешь?
 Кто оскорбитъ меня рукой или словомъ?
 А я обиду перенесъ бы. Да!
 Я голубъ мужествомъ; во мнѣ нѣтъ жолчи
 И мнѣ обида не горька; иначе,
 Уже давно раба гніющимъ трупомъ
 Я вороновъ окрестныхъ угостилъ бы.
 Кровавый сластолюбецъ, лицемѣръ!
 Безчувственный, продажный, подлый извергъ!
 Глупецъ, глупецъ! Куда какъ я отваженъ!
 Сынъ милаго, убитаго отца,
 На мщенье вызванный и небесами,
 И тартаромъ, я расточаю сердце
 Въ пустыхъ словахъ, какъ красота за деньги,
 Какъ женщина, весь изливаюсь въ клятвахъ.
 Нѣтъ, стыдно, стыдно! Къ дѣлу, голова!
 Гм! Слышалъ я, не разъ преступныхъ душу
 Такъ глубоко искусство поражало,
 Когда они глядѣли на актеровъ,
 Что признавались они въ злодѣйствахъ.

Убийство нѣмо, но оно порою
 Таинственно, но внятно говорить,
 Пусть кое-что предъ дядею представятъ,
 Подобное отцовскому убійству:
 Я буду взоръ его слѣдить, я испытаю
 Всю глубину его душевной раны.
 Смутится онъ—тогда свой путь я знаю.
 Духъ могъ быть сатана; лукавый властенъ
 Принять заманчивый, прекрасный образъ.
 Я слабъ и преданъ грусти; можетъ статься,
 Онъ, сильный надъ скорбящею душой,
 Влечетъ меня на вѣчную погибель.
 Мнѣ нужно основаніе подтверже.
 Злодѣю зеркаломъ пусть будетъ представленье—
 И совѣсть скажется и выдастъ преступленье.

10) Такъ какъ этотъ монологъ одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ, приводимъ его по нѣсколькимъ переводамъ:

Гамлетъ. Быть, иль не быть—таковъ вопросъ; что лучше,

Что благороднѣй для души: сносить ли
 Удары стрѣлъ враждующей фортуны,
 Или возстать противу моря бѣдствій,
 И ихъ окончить? Умереть—уснуть—
 Не болѣ; сномъ всегдашнимъ прекратить
 Всѣ скорби сердца, тысячи мученій,
 Наслѣдье праха—вотъ конецъ, достойный
 Желаній жаркихъ! Умереть—уснуть!
 Уснуть?—Но сновидѣнья?—Вотъ препона:
 Какія будутъ въ смертномъ снѣ мечты,
 Когда мятежную мы свергнемъ брэнность,
 О томъ помыслить должно. Вотъ источникъ
 Столь долгой жизни бѣдствій и несчастій!
 И кто-бъ снесъ бичъ и поношенья свѣта,
 Обиды гордыхъ, притѣсненья сильныхъ,
 Законовъ слабость, знатныхъ своевольство,
 Осмѣянной любви муки, злое

Презрѣнныхъ душъ презрѣніе къ заслугамъ,
 Когда кинжала лишь одинъ ударъ—
 И онъ свободенъ? Кто въ ярмѣ ходилъ бы,
 Стеналъ подъ игомъ жизни и томился,
 Когда бы страхъ грядущаго по смерти—
 Невѣдомой страны, изъ коей нѣтъ
 Сюда возврата—не тревожилъ воли,
 Не заставлялъ скорѣй сносить зло жизни,
 Чѣмъ убѣгать отъ ней къ бѣдамъ безвѣстнымъ?
 Такъ робкими творить всегда насъ совѣсть;
 Такъ яркій въ насъ рѣшимости румянецъ
 Подъ тѣнію тускнѣетъ размышленья,
 И замысловъ отважные порывы,
 Отъ сей препоны укрощая бѣгъ свой,
 Имень дѣяній не стяжаютъ. Ахъ,
 Офелія!—О нимфа! помяни
 Грѣхи мои въ своей молитвѣ!

М. Вронченко.

Гамлетъ. Быть, или не быть? вотъ въ чемъ вопросъ!
 Что благородіе: сносить ли громъ и стрѣлы
 Враждующей судьбы, или возстать
 На море бѣдъ и кончить ихъ борьбою?
 Окончить жизнь—уснуть,
 Не болѣе! И знать, что этотъ сонъ
 Окончитъ грусть и тысячи ударовъ—
 Удѣлъ живыхъ. Такой конецъ достоинъ
 Желаній жаркихъ. Умереть,—уснуть;
 Уснуть?...
 Но, если сонъ видѣнья посѣтять?
 Что за мечты на смертный сонъ слетятъ,
 Когда страхнемъ мы суету земную?—
 Вотъ что дальнѣйшій заграждаетъ путь!
 Вотъ отчего бѣда такъ долговѣчна!
 Кто снесъ бы бичъ и посмѣянье вѣка,
 Бессилье правъ, тирановъ притѣсненье,
 Обиды гордаго, забытую любовь,

Презрѣнныхъ душъ презрѣніе къ заслугамъ,
 Когда бы могъ насъ подарить покоемъ
 Одинъ ударъ? Кто несъ бы бремя жизни,
 Кто гнулся бы подъ тяжестью трудовъ?
 Да, только страхъ чего-то послѣ смерти—
 Страна безвѣстная, откуда путникъ
 Не возвращался къ намъ,—смущаетъ волю,
 И мы скорѣй снесемъ земное горе,
 Чѣмъ убѣжимъ къ безвѣстности за гробомъ.
 Такъ всѣхъ насъ совѣсть обращаетъ въ трусовъ,
 Такъ блекнетъ въ насъ румянецъ сильной воли,
 Когда начнемъ мы размышлять: слабѣетъ
 Живой полетъ отважныхъ предпріятій
 И робкій путь склоняетъ прочь отъ цѣли.
 Офелія! о, нимфа! помани
 Мои грѣхи въ твоей святой молитвѣ!

Кронебергъ.

Гамлетъ. Быть, или не быть! Вопросъ въ томъ, что
 благороднѣй: сносить ли пращи и стрѣлы злобствующей
 судьбины, или возстать противъ моря бѣдствій и,
 сопротивляясь, покончить ихъ.—Умереть—заснуть—
 не больше; и зная, что сномъ этимъ мы кончаемъ всѣ
 скорби, тысячи естественныхъ, унаслѣдованныхъ тѣ-
 ломъ противностей—конецъ желаннѣйшей. Умереть—
 заснуть,—заснуть! Но можетъ быть и сны видѣть?—
 Вотъ препона; какія могутъ быть сновидѣнья въ этомъ
 смертномъ снѣ, за тѣмъ какъ стяхнемъ съ себя зем-
 нья тревоги,—вотъ что останавливаетъ насъ. Вотъ что
 дѣлаетъ бѣдствія такъ долговѣчными, иначе кто же
 сталъ бы сносить бичеваніе, издѣвки современности,
 гнетъ властолюбцевъ, обиды горделивыхъ, муки любви
 отвергнутой, законовъ бездѣйствіе, судовъ своеволь-
 ство, лаганье, которымъ терпѣливое достоинство уго-
 щается недостойными, когда самъ однимъ ударомъ
 кинжала можетъ отъ всего этого избавиться? Кто,
 кряхтя и потѣя, несъ бы бремя тягостной жизни, если

бы страхъ чего-то по смерти, безвѣстная страна, изъ-за предѣловъ которой не возвращался еще ни одинъ изъ странниковъ, не смущали воли, не заставляли скорѣй сносить удручающія насъ бѣдствія, чѣмъ бѣжать къ другимъ, невѣдомымъ? Такъ всѣхъ насъ совѣсть дѣлаетъ трусами; такъ блекнетъ естественный румянецъ рѣшимости отъ туселаго напора размышленья, и замыслы великой важности совращаются съ пути, утрачиваютъ названіе дѣяній.—А, Офелія!—О, нимфа, помани меня въ своихъ молитвахъ.

Н. Кетчеръ.

Гамлетъ. Жить или не жить—вотъ въ чемъ вопросъ!

Честнѣе-ль

Безропотно сносить удары стрѣлъ
 Враждебной намъ судьбы, или кончить разомъ
 Съ безбрежнымъ моремъ горестей и бѣдъ,
 Возставъ на все?—Окончить жизнь—уснуть!
 Не болѣе!—когда-жъ при этомъ вспомнить,
 Что съ этимъ сномъ навѣки отлетятъ
 И сердца боль, и горькія обиды—
 Наслѣдье нашей плоти—то не въ правѣ-ль
 Мы всѣ желать подобнаго конца?
 Окончить жизнь—уснуть!.. уснуть? а если
 При этомъ видѣть сны?.. Вотъ остановка!
 Какого рода сны тревожить будутъ
 Насъ въ смертномъ снѣ, когда мы совлечемъ
 Съ себя покрыву плоти?—Вотъ что можетъ
 Связать рѣшимость въ насъ, заставя вѣчно
 Терпѣть и зло, и бѣдственную жизнь!..
 Кто сталъ бы, въ самомъ дѣлѣ, выносить
 Безропотно обиды, притѣсненья,
 Рядъ горькихъ мукъ обманутой любви,
 Стыдъ бѣдности, неправду власти, чванство
 И гордость знатныхъ родомъ—словомъ все,
 Что суждено достоинству терпѣть
 Отъ низости—когда бы каждый могъ
 Найти покой при помощи удара

Короткаго ножа?—Кто сталь влачить бы
 Въ поту лица томительную жизнь,
 Когда бы страхъ предъ тою непонятной,
 Невѣдомой страной, откуда нѣтъ
 И не было возврата, не держаль
 Въ оковахъ нашей воли и не дѣлаль
 Того, что мы скорѣй сносить готовы
 Позоръ и зло, въ которыхъ родились,
 Чѣмъ ринуться въ погоню за безвѣстнымъ?..
 Всѣхъ трусами насъ сдѣлала боязнь!
 Рѣшимости роскошный цвѣтъ блѣднѣетъ
 Подъ гнетомъ размышленья! Наши всѣ
 Прекраснѣйшіе замыслы, встрѣчаясь
 Съ ужасной этой мыслью, отступаютъ,
 Теряя имя дѣлъ!—Но тише! вотъ
 Офелія! О, нимфа! помани
 Меня, прошу, въ святыхъ твоихъ молитвахъ!

Соколовскій.

11) *Офелія*. О, Боже, Боже! что за дивный духъ
 Такъ страшно палъ! Воителя отвага,
 Умъ мудреца, способность царедворца,
 Отчизны цвѣтъ, надежда всей страны,
 Прекраснѣйшій примѣръ для подражанья—
 Всему, всему конецъ!—И мнѣ, несчастной,
 Внимавшей въ дни былые сладкимъ звукамъ
 Рѣчей его, судьба судила видѣть,
 Какъ оборвался этотъ чудный умъ,
 Подобно струнамъ арфы; какъ исчезли
 Краса и свѣжесть юности подъ гнетомъ
 Безумія!—О горе, горе мнѣ,
 Когда сравнить, что видѣла я прежде,
 И что теперъ увидѣть мнѣ пришлось!

12) *Гамлетъ*. Произнеси, пожалуйста, этотъ монологъ
 такъ, какъ я тебя училъ: легко и развязно. Но, если ты
 вздумаешь его прокричать, какъ это дѣлаютъ многіе изъ

нашихъ актеровъ, то доставишь мнѣ столько же удовольствія, какъ .еслибы стихи мои декламировалъ площадной разнощикъ. Не махай безъ толку руками, но старайся, чтобъ твои жесты были благородны. Въ этомъ случаѣ надо соблюдать гармоническую умѣренность не только въ потопѣ или бурѣ, но даже въ вихрѣ страсти. Меня бѣситъ, когда я вижу, какъ здоровый болванъ, въ лохматомъ парикѣ, рветъ страсть въ клочки и деретъ уши райка, привыкшаго цѣнить только глупыя пантомимы, или бѣшенный ревъ. У меня чешутся руки прибить палками подобныхъ дураковъ, которые, во что бы то ни стало, хотять представить Ирода болѣе Иродомъ, чѣмъ онъ былъ имъ на самомъ дѣлѣ.—Пожалуйста, избѣгай этого.

1-й актеръ. Ручаюсь вашему высочеству, что этого не случится.

Гамлетъ. Не будь, однако, и слишкомъ сдержанъ. Вообще руководствуйся при игрѣ болѣе всего своимъ собственнымъ внутреннимъ чувствомъ. Соразмѣрай жесты съ словами, а слова съ жестами, для того, чтобъ не насиловать благоразумной умѣренности природы. Всякій излишекъ въ этомъ случаѣ выходитъ за предѣлы цѣли, которую имѣетъ театръ; а цѣль эта всегда состояла и всегда будетъ состоять въ вѣрномъ изображеніи дѣйствительности, какъ въ зеркалѣ. Добродѣтель, преступленіе, нравы вѣка—все должно быть представлено на сценѣ такимъ, какимъ оно существуетъ на самомъ дѣлѣ. Разъ такое изображеніе преувеличено или ослаблено; то, конечно, этимъ можно добиться одобренія и смѣха невѣждъ, но утонченно понимающій дѣло зритель будетъ этимъ оскорбленъ. Мнѣніе-жь одного такого зрителя должно цѣниться гораздо выше, чѣмъ восторгъ всей прочей толпы, наполняющей театральную залу. Мнѣ случалось видѣть актеровъ, которымъ толпа рукоплескала даже неистово; но сами они не походили не только на изображаемыхъ ими личностей, но даже просто на людей. Они рычали и

кривлялись такъ не позволительно, что можно было подумать, будто это не люди, а просто прескверно сдѣланныя куклы: такъ мало было въ нихъ человѣческаго обличья.

1-й актеръ. Я надѣюсь, достойный принцъ, что въ нашей труппѣ мы успѣли почти совершенно освободиться отъ подобныхъ недостатковъ.

Гамлетъ. Не почти, а совсѣмъ должно ихъ уничтожить.— Не позволяй также клоунамъ болтать болѣе, чѣмъ написано въ піесѣ. Я встрѣчалъ между ними такихъ, которые, для того, чтобъ вызвать смѣхъ нѣсколькихъ глупцовъ, дурачились въ такихъ интермедіяхъ, когда, напротивъ, слѣдовало дать зрителямъ отдохнуть, чтобъ обдумать и усвоить видѣнное. Это не хорошо и обличаетъ только жалкое самолюбіе въ актерѣ, небрежгающемъ подобными продѣлками. Теперь ступай и будьте готовы начать представленіе.

13) Послушай: съ той поры, какъ это сердце
Властителемъ своихъ избраній стало
И научилось различать людей,
Оно тебя избрало передъ всѣми.
Страдая, ты, казалось, не страдалъ;
Ты бралъ удары и дары судьбы,
Благодаря за то и за другое.
И ты благословенъ: разсудокъ съ кровью
Въ тебѣ такъ смѣшаны, что ты не служишь
Для счастья дудкою, не издаешь,
По прихоти его, различныхъ звуковъ.
Дай мужа мнѣ, котораго бы страсть
Не сдѣлала рабомъ—и я укрою
Его въ души моей святѣйшихъ нѣдрахъ,
Какъ я укрылъ тебя.

14) *Гамлетъ.* А вотъ мы узнаемъ отъ этого молодца; актеры ничего не могутъ сохранить втайнѣ, все выболтаютъ.

Офелія. Скажетъ онъ намъ, что значитъ это представленіе?

Гамлетъ. Да, какъ и всякое представленіе, которое вы ему представите. Не постыдитесь только представить, а онъ не постыдится сказать вамъ, что это значитъ.

Офелія. Нехорошо, принцъ, нехорошо. Я лучше буду слушать піесу.

15) *Розенкранцъ.* Коль скоро каждый
Отдѣльный гражданинъ имѣетъ право
Всей силою разсудка и души
Стараться защитить себя отъ бѣдствій
И всякихъ золь, то тѣмъ скорѣй обязанъ
Заботиться о томъ же тотъ, на комъ
Лежитъ отвѣтственность за жизнь и счастье
Толпы людей. Король не умираетъ
Безслѣдно и одинъ: онъ, какъ потокъ,
Уноситъ за собой судьбу стоявшихъ
Вокругъ его престола. Онъ похожъ
На колесо огромнаго размѣра,
Стоящее у всѣхъ въ виду, на выси
Крутой горы. На этомъ колесѣ
Нанизаны десятки милліоновъ
Существъ ему подвластныхъ. Если разъ
Покатится такое колесо,
То вмѣстѣ съ нимъ найдутъ погромъ и гибель
Всѣ эти существа. Печаль царей
Влечетъ бѣду для множества людей.

16) «Страшно, за человѣка страшно мнѣ» — эти слова принадлежатъ Полевому и производили на театрѣ, когда игралъ Гамлета Мочаловъ, потрясающее впечатлѣніе. Слова эти, въ самомъ дѣлѣ, необыкновенно сильно изображаютъ состояніе души Гамлета. У Шекспира ихъ совсѣмъ нѣтъ и монологъ Гамлета оканчивается такъ:

Гдѣ-жь твой румянецъ, стыдъ? Когда ты можешь,
 Лукавый адъ, горѣть въ костяхъ матроны,
 Такъ пусть какъ воскъ растопится стыдливость
 Горячей юности въ твоёмъ огнѣ!
 Не восклицай: „о стыдъ!“—когда взиграетъ
 Младая кровь; и самый снѣгъ холодный
 Горитъ, а разумъ волю соблазняетъ.

17) *Призракъ*. Затѣмъ, чтобъ поддержать въ твоей
 душѣ,
 Готовую угаснуть, твердость духа—
 Но посмотри:—отчаянье совсѣмъ
 Твою сразило мать. Подай ей помощь
 Въ борьбѣ ужасной съ собственной душой!
 Чѣмъ въ насъ слабѣе плоть, тѣмъ нестерпимѣй
 Страдаетъ духъ. Скажи ей слово ласки.

18) *Фортинбрасъ* и войска на маршѣ.
Фортинбрасъ. Полковникъ! Передайте мой поклонъ
 Монарху Даніи и доложите,
 Что Фортинбрасъ желаетъ получить
 Проводниковъ для перехода войска
 Черезъ владѣнія датчанъ.
 Вы знаете, гдѣ насъ найти. Когда угодно
 Его величеству со мной поговорить,
 Я лично выполню мой долгъ. Скажи такъ.

Полковникъ. Исполню, принцъ.

Фортинбрасъ.

Впередъ! не торопиться!

(Фортинбрасъ и войско уходятъ).

19) Приводимъ сцену, когда является сумасшедшая
 Офелія, по переводамъ Кронеберга и Соколовскаго.

Офелія. Гдѣ прекрасная королева Даніи?

Королева. Что съ тобою, Офелія?

Офелія (поетъ). Гдѣ же милый твой, дѣвица?—

Онъ пошелъ къ святымъ мѣстамъ

Босикомъ и въ власяницѣ—

Скоро-ль будетъ снова къ намъ?

Королева. Къ чему эта пѣснь, милая Офелія?
Офелія. Что вы говорите? Нѣтъ, пожалуйста, послушайте.

(Поеть).

Будь покойна: схоронили—
 Не воротится домой!
 Вѣчный домикъ осѣнили
 Крестъ и камень гробовой.

Королева. Однако же, Офелія...

Офелія. Пожалуста слушайте. (Поеть).

Какъ прекрасенъ былъ твой милый...

Входитъ король.

Королева. Ахъ, смотри, другъ мой!

Офелія (поеть). Въ бѣломъ саванѣ, въ цвѣтахъ,
 Какъ вокругъ его могилы
 Всѣ стояли мы въ слезахъ!

Король. Что съ тобою, милая Офелія?

Офелія. Благодарю васъ, ничего. Говорятъ, сова была дочь хлѣбника. Боже мой! мы знаемъ, что мы, да не знаемъ, что съ нами будетъ. Хлѣбъ-соль вамъ!

Король. Намекъ на отца.

Офелія. Полно объ этомъ говорить: но если васъ спросятъ, что это значитъ, такъ отвѣчайте. (Поеть).

Занялась уже денница,
 Валентиновъ день насталь,
 Подъ окномъ стоитъ дѣвица:
 „Спишь ли, милый, или всталъ?“
 Онъ услышалъ, встрепенулся,
 Быстро двери отворилъ,
 Съ нею въ комнату вернулся,
 Но не дѣву отпустилъ.

Король. Милая Офелія...

Офелія. Право божиться нечего, а я сейчаеъ кончу.
 (Поеть).

Пресвятая! какъ безбожно
 Клятву вѣрности забыть!

Ахъ, мужчинѣ только можно
 Полюбить и разлюбить!
 «Ты хотѣлъ на мнѣ жениться»,
 Говорить ему она.

Онъ отвѣчаетъ:

«Позабылъ! Хотѣ побожиться,
 Въ этомъ не моя вина».

Король. Какъ давно она въ этомъ положеніи?

Офелія. Надѣюсь, все пойдетъ хорошо. Надо быть терпѣливымъ, а невольно плачется, какъ подумаешь, что они положили его въ холодную землю. Братъ мой долженъ все узнать. Спасибо вамъ за совѣтъ. Подать мою карету! Покойной ночи, прекрасная дамы, покойной ночи. (Уходитъ).

Кронебергъ.

Офелія. Гдѣ датская красавица царица?

Королева. Офелія! что, милая, съ тобой?

Офелія (напѣваетъ). Отличу ли таинственнымъ утромъ
 Я, мой милый, тебя отъ другихъ,
 По значку на плечѣ съ перламутромъ,
 Иль по банту изъ лентъ дорогихъ.

Королева. Офелія! что значитъ эта пѣсня?

Офелія. Что вы сказали? Не перебивайте! слушайте!
 Ахъ онъ умеръ, онъ умеръ, въ сосновый
 Гробъ руками любви положенъ!
 Холмъ надъ тѣломъ насыпанъ дерновый,
 Тяжкій камень въ ногахъ наваленъ!

Королева. Офелія!

Офелія. Говорю вамъ, слушайте!
 Гробовыми обвить пеленами...

Входятъ КОРОЛЬ.

Королева. Ахъ, добрый другъ, взгляни на нее!

Офелія (продолжая пѣть).

Чище дѣвственныхъ горныхъ снѣговъ,
 Онъ въ могилу зарытъ со слезами,
 Подъ кошицами свѣжихъ цвѣтовъ!

Король. Что съ тобой, милая Офелія?

Офелія. Со мной? Пока ничего! благодарю васъ. А что съ вами будетъ завтра—никто сказать не можетъ. Вѣдь и у хлѣбника дочь была сначала дѣвушкой, а потомъ сдѣлалась совой!.. Храни васъ Богъ отъ всего дурного!

Король. Она все думаетъ объ отцѣ.

Офелія. Ахъ, полноте! стоитъ ли объ этомъ говорить? А если васъ будутъ спрашивать, то отвѣчайте вотъ какъ:

Въ Валентиновъ денекъ,
Только зорька зашла,
Я къ тебѣ, мой дружокъ,
Валентиной пришла!
Чистой дѣвушкѣ въ ночь
Двери онъ отворилъ,
Но не дѣвушку прочь
Отъ себя отпустилъ!

Король. Офелія!

Офелія. Молчите! проклинать не хорошо, а досказывать надо!

Стыдно, стыдно ему
Было такъ поступить!
Не ему одному,
Впрочемъ, вѣтренымъ быть!
«Я тебѣ, милый мой,
Вѣдь женой клялась быть».

А онъ въ отвѣтъ:

«Плакать надо самой!
Кто велѣлъ приходить!»

Король. Давно ли съ нею это сдѣлалось?

Офелія. О ничего! все пройдетъ; надо только терпѣнье. Но я все-таки не могу не заплакать, когда вспомню, что они зарыли его въ холодную землю! Братъ мой, впрочемъ, объ этомъ узнаетъ, а васъ я благодарю за добрыя слова и ласку! Велите подавать мою

карету.—Покойной ночи, мои милые! Покойной ночи!
(Убѣгаетъ).

Соколовскій.

20) У Шекспира это говоритъ не Гораціо, а придворный. Полевой смягчилъ слова этого Вѣстника, который говоритъ Королю, что народъ провозглашаетъ Лаерта Королемъ.

21) Приводимъ по переводамъ Кронеберга и Соколовскаго пѣсню, которую поетъ Офелія въ этой сценѣ:
Офелія (поетъ). Такъ не придетъ онъ къ намъ опять?

Его намъ больше не видать?
Его ужъ нѣтъ, его ужъ нѣтъ!
Какъ опустѣлъ вдругъ бѣлый свѣтъ!
Онъ не придетъ ужъ къ намъ опять!
Его волосъ пушистыхъ лень
Весеннимъ снѣгомъ убѣленъ.
Но что печаль? Моей слезѣ
Не возвратитъ его землѣ!
Будь въ небесахъ превознесенъ!

Офелія (напѣвая). Не увидимъ его!

Не увидимъ его!
Мертвымъ нѣтъ и не будетъ возврата!
Гробъ его дорогой
Взять сырою землей!
Не вернется, что разъ ею взято!
Были волны кудрей,
Льна и снѣга бѣлѣй,
И зарыть онъ навѣки въ могилу!
Онъ почилъ вѣчнымъ сномъ,
Плачь напрасенъ по немъ,
Скорбный духъ его, Боже, помилуй.

22) У Полевого эта сцена значительно сокращена
Приводимъ ее по переводу Кроне берга.

Входитъ ГОРАЦІО и СЛУГА.

Гораціо. Кто хочетъ говорить со мной?

Слуга.

Матросы:

У нихъ есть письма къ вамъ.

Гораціо. Впусти ихъ.

(Слуга уходитъ).

Не знаю, кто-бъ во всей вселенной брэнной
Мнѣ могъ поклонъ прислать, какъ не Гамлетъ.

Входятъ МАТРОСЫ.

1-й матросъ. Богъ помощь.

Гораціо. Спасибо.

1-й матросъ. Вотъ къ вамъ письмо отъ посланника,
ѣхавшаго въ Англию, если вы Гораціо, какъ мнѣ сказали.

Гораціо (читаетъ). „Гораціо! Когда ты просмотришь
этотъ листокъ, доставь матросамъ доступъ къ королю:
у нихъ есть къ нему письма. Мы и двухъ дней еще
не были на морѣ, какъ сильный корсаръ вздумалъ за
нами поохотиться. Нашъ корабль шелъ не довольно
быстро и намъ пришлось поневолѣ быть храбрыми.
Во время схватки я зашелъ на корсарскій фрегатъ,
но въ то же мгновеніе они отчалили отъ нашего ко-
рабля и я одинъ попался въ плѣнъ. Они обошлись со
мною, какъ благородные мошенники. Впрочемъ, они
хорошо знали, что дѣлаютъ; должно отплатить имъ
тѣмъ же. Постарайся доставить королю посланнаго
письма и послѣши ко мнѣ, какъ бы бѣжалъ отъ смерти.
Я скажу тебѣ на ушко слова, которыя тебя оглушатъ;
а они все еще слишкомъ легки въ сравненіи съ ихъ
содержаніемъ. Матросы приведутъ тебя ко мнѣ. Ро-
зенкранцъ и Гильденштернъ продолжаютъ свое путе-
шествіе въ Англию. О нихъ есть много чего пораз-
сказать. Прощай. Вѣчно твой Гамлетъ“.

(Матросамъ).

Пойдемъ: вы отдадите ваши письма

И тѣмъ скорѣй, что надо вамъ со мною

Идти къ тому, кто вамъ велѣлъ вручить ихъ.

(Уходятъ).

23) У Шекспира не Гораціо, а Вѣстникъ.

24) У Полевого сцена эта сильно сокращена; приводимъ по Соколовскому:

Король. Если ты
Рѣшаешься на это—а иначе
Тебѣ нельзя, конечно, поступить—
Дай слово мнѣ, что ты во всемъ поступишь,
Какъ я тебѣ скажу.

Лаертъ. Я общаюсь
Послушнымъ быть во всемъ, лишь только-бъ вы
Не вздумали склонять меня мириться.

Король. Я точно помирить хочу тебя,
Но лишь съ твоей душой. Коль скоро онъ
Вернулся съ тѣмъ, чтобы остаться здѣсь,
Какъ соколъ испугавшійся охоты,
Тогда пушу я въ ходъ иное средство,
Давно ужъ мной рѣшенное, и средство
Настолько это точно, что въ концѣ
Навѣрно приведетъ оно его
Къ гибели; причемъ постигнуть будетъ
Онъ смертью такъ естественно и просто,
Что эта смерть не возбудитъ ни въ комъ
Сомнѣнья иль догадокъ. Даже мать
Ее припишетъ случаю, увидя
Въ томъ приговоръ судьбы.

Лаертъ. Я соглашаюсь
На все, что вы задумали, прибавивъ,
Что очень я хочу быть въ этомъ дѣлѣ
Орудьемъ вашихъ рукъ.

Король. И ты имъ будешь
По всѣмъ правамъ.—Когда ты былъ въ отлучкѣ,
Молва людей расхваливала часто
При Гамлетѣ въ тебѣ одинъ талантъ,
Въ которомъ ты, по общему признанью,
Не знаешь равныхъ. Всѣ твои другія
Достоинства не возбуждали тѣни

Въ немъ зависти, но въ этомъ Гамлетъ страшно
Тебѣ завидоваль, хотя, признаться,
Я лично вовсе не считаю этотъ
Талантъ особо важнымъ.

Лаертъ. Въ чемъ же дѣло?

Король. Такъ, пустяки! игрушка самолюбья
Веселой юности; но и пустое
Подчасъ быть можетъ важнымъ. Мѣхъ и перья,
Какими обшиваетъ молодежь
Свои плащи и шляпы, служатъ имъ
Лишь только для красы, тогда какъ старость
Подкладываетъ пухомъ иль мѣхами
Одежду, чтобъ согрѣться и придать
Себѣ серьезный видъ.—Тому назадъ
Два мѣсяца, насъ посѣтилъ одинъ
Нормандскій дворянинъ. Я хорошо
Знакомъ съ французами, сражался съ ними,
И знаю ихъ искусство гарцовать
На лошадахъ; но этотъ молодецъ
Въ искусствѣ ѣздить, кажется, пошелъ
На сдѣлку съ дьяволомъ. Въ сѣдлѣ держался
Онъ какъ скала и заставлялъ коня
Продѣлывать при томъ такія штуки,
Что, право, мнѣ казалось, будто оба,
И конь и всадникъ, составляли вмѣстѣ
Одно и то же тѣло. То, что видѣлъ
При этомъ я, превосходило все,
Что можно лишь представить иль придумать
Въ искусствѣ ловкости.

Лаертъ. Онъ былъ нормандецъ?

Король. Нормандецъ.

Лаертъ. Ну такъ я готовъ поклясться,
Что это былъ Ламонъ.

Король. Онъ самый.

Лаертъ. Знаю

Его я хорошо. Любимецъ онъ
И баловень всей націи.

Король. Онъ много
Рвчей велъ о тебѣ и между прочимъ
Съ восторгомъ отзывался о твоёмъ
Искусствѣ фехтовать и особливо
Рапирами. Онъ восклицалъ не разъ,
Что счелъ большимъ бы чудомъ, еслибъ встрѣтилъ
Когонибудь, кто могъ бы въ этомъ дѣлѣ
Помѣяться съ тобой, и клялся часто,
Что ни одинъ изъ лучшихъ ратоборцевъ
Его страны, будь ты его противникъ,
Не выказалъ навѣрно-бъ половины
Искусства глазъ и ловкости, какими
Владѣешь ты.—Его слова вселили
Такую зависть въ Гамлета, что онъ
И спать и видѣлъ только, чтобъ вернулся
Ты вновь домой и могъ сразиться съ нимъ.
Лови-жъ прекрасный случай...

Лаертъ. Случай? въ чемъ?

Король. Скажи, Лаертъ: былъ дорогъ твой отецъ
Тебѣ дѣйствительно, иль носишь ты
Печали только маску, выражая
Ее однимъ лицомъ?

Лаертъ. Что за вопросы!

Король. Я дѣлаю его не потому,
Чтобъ сомнѣвался въ искренности чувства
Любви твоей къ отцу, но вѣдь известно,
Что чувства въ насъ бываютъ зачастую
Рабами времени. Случалось мнѣ
Нерѣдко видѣть, какъ гасило время
Огонь любви. Въ любви самой живетъ
Какое-то зловредное начало,
Способное порой гасить любовь
Въ томъ родѣ, какъ нагаръ свѣтильни гаситъ
Горящую свѣчу. Чѣмъ выше въ насъ
Желанія и чувства, тѣмъ труднѣе
Ихъ намъ сберечь. Они нерѣдко гибнутъ,
Не выдержавъ напора лишнихъ силъ.

Ковать желѣзо надобно, покуда
 Желѣзо горячо; иначе воля
 Въ насъ можетъ измѣниться, встрѣтивъ столько-жъ
 Помѣхъ и затрудненій, сколько въ жизни
 Встрѣчаемъ мы различныхъ взглядовъ, мнѣній
 И случаевъ. Живое чувство долга
 Становится для насъ тогда такимъ же
 Тяжелымъ и болѣзненнымъ, какимъ
 Бываетъ вздохъ, которому не можетъ
 Найти исхода грудь.—Но возвратимся
 Къ горячему вопросу. Гамлетъ долженъ
 Быть скоро здѣсь. Скажи же, что намѣренъ
 Ты предпринять, чтобъ показать себя
 Достойнымъ сыномъ болѣе на дѣлѣ,
 Чѣмъ на словахъ?

Лаертъ. Убить хотъ въ церкви.

Король. Для мести, я вполне съ тобой согласенъ,
 Нѣтъ ни границъ, ни заповѣдныхъ мѣстъ.
 Но, сдѣлавъ такъ, вѣдь долженъ будешь ты
 Скрываться самъ. Не лучше-ль потому,
 Едва вернется Гамлетъ и узнаетъ,
 Что ты вернулся также, подослать
 Къ нему двухъ-трехъ надежныхъ краснобаевъ,
 Которые расхвалиятъ передъ нимъ
 Твое искусство драться выше даже,
 Чѣмъ говорилъ объ этомъ твой французъ?
 А тамъ ужъ мы сумѣемъ васъ поставить
 Лицомъ къ лицу и заложить пари
 На ваши головы. При добродушии,
 Какимъ извѣстенъ Гамлетъ, онъ не станетъ
 Тебя подозрѣвать и не увидитъ
 Разставленныхъ тенетъ, а ты межъ тѣмъ
 Успѣешь подмѣнить тупой клинокъ
 Рапиры заостреннымъ и, съ твоимъ
 Искусствомъ нападать, отмстить убійцѣ
 За смерть отца.

Лаертъ. Такъ точно поступлю я!—

А чтобъ игра была навѣрняка,
 Я отравлю конецъ моей рапиры.—
 Есть зелье у меня; его мнѣ продалъ
 Одинъ бродячій лекарь. Сила яда
 Такъ велика, что если помочить
 Въ немъ лезвіе ножа и оцарапать
 Уколомъ легкимъ кожу, то напрасно
 Вы будете искать во всей вселенной
 Цѣлебныхъ травъ, которыя спасли бы
 Отъ гибели того, въ чью кровь попалъ
 Мой страшный ядъ. Я омочу конецъ
 Рапиры въ немъ и, если мнѣ удастся
 Врага поранить шпагой хоть слегка,
 Все будетъ съ нимъ покончено.

Король.

Полезно

Обдумать будетъ намъ равно другія
 Случайности и обсудить вопросъ
 Со всѣхъ сторонъ. Когда затѣя наша,
 Въ послѣдствіе какойнибудь пустой
 Ошибки, не удастся,—было-бъ лучше
 Тогда не начинать ее совсѣмъ.
 Поэтому намъ надо приготовить
 Иной исходъ, когда сорвется первый.
 Посмотримъ же! Что если мы объявимъ
 Торжественный закладъ о томъ, который
 Изъ васъ одержитъ верхъ. Чѣмъ выше будетъ
 Такой закладъ, тѣмъ жарче увлечетесь
 Вы битвою—(и прошу тебя
 Имѣть это въ виду).—Когда же Гамлетъ,
 Разгорячась, захочетъ пить—велю я
 Поднести ему такой бокаль питья,
 Что, если онъ къ нему коснется только
 Краями губъ—то дѣло наше будетъ
 Покончено и такъ.

Входитъ королева.

25) *Королева*. Тамъ ива есть: она, склонивши вѣтви,
 Глядится въ зеркало кристалльныхъ водъ.
 Въ ея тѣни плела она гирлянды
 Изъ лилій, розъ, фіалокъ и жасмина.
 Вѣнки цвѣтушіе на вѣтвяхъ ивы
 Желая размѣстить, она взобралась
 На дерево; вдругъ вѣтвь подъ ней сломалась—
 И въ воды плачущія пали съ нею
 Гирлянды и цвѣты. Ея одежда,
 Широко растилаясь по волнамъ,
 Несла ее съ минуту, какъ сирену.
 Несчастная, бѣды не постигая,
 Плыла и пѣла, пѣла и плыла,
 Какъ существо, рожденное въ волнахъ.
 Но это не могло продлиться долго:
 Одежда смокла—и пошла ко дну.
 Умолкли жизнь и нѣжные напѣвы!

26) У Полевого пропущенъ разговоръ Лаерта съ священникомъ. Приводимъ его по Кронебергу:

Лаертъ. Какіе же еще обряды будутъ?

Гамлетъ. Вотъ благородный юноша, Лаертъ.

Смотри!

Лаертъ. Какіе же еще обряды?

1-й священникъ. Обрядъ печальныйъ нами совершонъ,
 Насколько намъ дозволено: кончина
 Ея сомнительна и, еслибъ высшій
 Приказъ не измѣнилъ порядка церкви,
 Она-бъ до страшнаго суда лежала
 Въ землѣ неосвященной. Прахъ и камни,
 А не молитвы чистыхъ христіанъ
 Должны-бъ ее въ могилу провожать.
 Она-жъ въ вѣнкѣ дѣвическомъ лежитъ,
 На гробъ легли невинные цвѣты,
 И онъ святой покроется землею
 При похоронныхъ звукахъ мѣди.

Лаертъ.

Какъ—

И больше ничего?

1-й священникъ. Нѣтъ, ничего.

Мы осквернили бы святую службу,
Пропѣвъ ей реквиемъ, какъ всѣмъ почившимъ въ мирѣ.

Лаертъ. Спустите гробъ. Изъ дѣвственнаго праха
Фіалки выростутъ. Священникъ грубый,
Я говорю тебѣ: страдая въ адѣ,
Ты ангеломъ сестру мою увидишь.

27) У Полевого сокращено. Приводимъ по Соколовскому:

Гамлетъ. Достаточно объ этомъ. Перейдемъ
Къ дальнѣйшимъ приключеньямъ. Ты вѣдь помнишь,
Что я о нихъ рассказывалъ тебѣ?

Горацио. Все помню, принцъ.

Гамлетъ. Въ моей душѣ кипѣла
Какая-то борьба, изъ-за которой
Не могъ заснуть ни на минуту я.
Мнѣ чувствовалось вдесятеро хуже,
Чѣмъ каторжнымъ въ цѣпяхъ; по счастью, смѣлость
Взяла свое—и будь благословенъ
Тотъ мигъ, когда на смѣлость я рѣшился!
Порой и безразсудство служить намъ
Какъ вѣрный другъ, особенно въ минуты,
Когда расчеты рушатся. Мы въ этомъ
Должны признать вмѣшательство судьбы,
Рѣшающей за насъ порывы наши
По своему.

Горацио. Нельзя сказать вѣрнѣе.

Гамлетъ. Накинувши въ потьмахъ матросскій плащъ,
Я выбрался тихонько изъ каюты,
Съискалъ обоихъ ихъ и началъ шарить
Въ ихъ сумкахъ, взялъ пакетъ и незамѣтно
Вернулся вновь къ себѣ. Затѣмъ, отбросивъ
Пустую шепегильность, распечаталъ
Тайственный пакетъ. О другъ мой добрый!

Что въ немъ нашель я!—царственную подлость!
 Представь себѣ, что это былъ приказъ,
 Позолоченный разнымъ пустословьемъ
 О счастья англичанъ, о благѣ датчанъ,
 Съ прибавкой доказательствъ, что нельзя
 Оставить жизнь такой зловредной твари,
 Какой сталъ нынче я,—ну, словомъ, дѣло
 Все было сведено къ тому, чтобъ тотчасъ,
 По высадкѣ на берегъ, мнѣ снесли-бъ
 Немедля голову, не давши даже
 Наладить палачу его топоръ.

Горацио. Возможно ли?

Гамлетъ. Смотри, бумага здѣсь.

Прочти ее потомъ. Но хочешь знать ты,
 Что сдѣлалъ я?

Горацио. О да, прошу, скажите.

Гамлетъ. Почувствовавъ себя въ сѣтяхъ такой
 Презрѣнной западни, я сталъ искать,
 Какъ выдти изъ нея. По счастью, разумъ
 Успѣлъ подать благой совѣтъ мнѣ, прежде,
 Чѣмъ могъ придти въ себя я. Взявъ перо,
 Я настрочилъ немедленно другое,
 Подобное-жъ посланье. Написалъ
 Его, какъ писарь, четко. Говорять вѣдь,
 Что почеркъ государственныхъ людей
 Быть долженъ дурень. Я не раздѣляю
 Такого мнѣнья и работалъ много
 Ему наперекоръ, за что и былъ
 Теперь вознагражденъ. Желаетъ знать,
 Что было мной написано?

Горацио. Скажите.

Гамлетъ. Внушительная просьба къ королю
 Британіи, какъ къ даннику и другу
 Монарха датчанъ. Въ просьбѣ излагалось,
 Что, если онъ желаетъ, чтобы дружба
 Межъ Англіей и Даніей цвѣла
 Роскошной пальмой, чтобы миръ всегда

Вънчалъ чело цвѣтами и союзъ
 Обѣихъ странъ ничѣмъ не нарушался,—
 Все вздоръ въ такомъ же родѣ,—то, чтобъ тотчасъ,
 Лишь только будетъ прочтено письмо,
 Казнили бы безъ всякихъ церемоній
 Тѣхъ, кто его принесъ, не давъ имъ даже
 Покаяться.

Горацио. Откуда-жъ взяли вы
 Печать съ гербомъ?

Гамлетъ. Судьба и здѣсь явилась
 На помощь мнѣ. Въ моихъ вещахъ нашлась
 Старинная отцовская печать
 Съ гербомъ страны. Я ея запечаталъ
 Пакетъ, свернувъ его точь-въ-точь какъ первый,
 И такъ же подписалъ. Затѣмъ вложилъ,
 Откуда былъ онъ взять, исполнивъ все
 Такъ ловко и умно, что мой подкидышъ
 Замѣченъ не былъ. Утромъ загорѣлся
 Нашъ бой съ врагомъ,—а то, что было дальше,
 Ты слышалъ ужъ.

Горацио. Такъ значитъ съ Розенкранцемъ
 И Гильденштерномъ кончено?

Гамлетъ. Другъ милый!
 Они получаютъ то, къ чему пошли
 На встрѣчу сами! гибель ихъ нимало
 Мою не мучитъ совѣсть. Ихъ сгубило
 Излишнее желанье подслужиться.
 Для низкихъ душъ всего опаснѣй стать
 На томъ пути, гдѣ перекрестятъ шпаги
 Два страшные бойца.

Горацио. Но Боже, Боже!
 Что за король!

Гамлетъ. Онъ развязалъ за то
 Вполнѣ теперь мнѣ руки! Кѣмъ убитъ
 Былъ мой отецъ, а мать осквернена
 Позоромъ и стыдомъ; кто сталъ помѣхой
 Межъ волею народа и моими

Надеждами; кто строилъ, наконецъ,
 На жизнь мою предательскіе ковы—
 Не въ правѣ-ль я убить своей рукой
 Подобнаго злодѣя, и не грѣхъ ли
 Оставить было-бъ жизнь такому злему
 Огребью человѣчества, чтобъ дать
 Ему возможность дѣлать зло и дальше?

Гораціо. Не забывайте: онъ получитъ скоро
 Извѣстіе изъ Англїи о томъ,
 Какъ выполненъ приказъ его.

Гамлетъ. Пускай!
 Зѣвать я тоже долго вѣдь не буду.
 Что значитъ человѣческая жизнь?
 Сказалъ: разъ—два—и кончено! Досадно
 Мнѣ только то, зачѣмъ я оскорбилъ
 Достойнаго Лаерта... Въ тяжкомъ горѣ,
 Постигнувшемъ его, я вижу образъ
 Того, что самъ я вынесъ. Я цѣню
 Его расположенье. Все случилось,
 Къ несчастью, потому лишь, что излишній
 Порывъ его горячности смутилъ
 Разсудокъ мнѣ до головокруженья.

28) У Полевого эта сцена сокращена; приводимъ ее
 по Кронебергу:

Орикъ. То юный Фортинбрасъ
 Изъ Польши возвращается съ побѣдой
 И англійскихъ привѣтствуетъ пословъ.

Гамлетъ. Гораціо, я умираю. Ядъ
 Стѣснилъ мой духъ. Я не дождусь вѣстей
 Изъ Англїи, но предрекаю: выборъ
 Падеть на молодого Фортинбраса.
 Ему даю я голосъ мой предсмертный.
 Ты обо всемъ случившемся ему
 Подробно расскажи; конецъ—молчанье.

(Умираетъ).

Гораціо. Вотъ сердце благородное угасло!

Покойной ночи, милый принцъ! Спи мирно
Подъ свѣтлыхъ ангеловъ небесный хоръ!

(Громъ барабановъ ближе. Маршъ за сценой).

Входятъ ФОРТИНБРАСЪ, АНГЛІЙСКІЕ ПОСЛЫ и прочіе.

Фортинбрасъ. Какое зрѣлище!

Горацио. Чего ты ищешь?

Несчастья и чудесъ? Такъ не ищи ихъ дальше.

Фортинбрасъ. Кровавый видъ! Какому торжеству
Ты въ вѣчныхъ принесла твоихъ чертогахъ,
Смерть гордая, такъ много царскихъ жертвъ?

1-й посланникъ. Ужасенъ этотъ видъ! Мы опоздали.
По дѣлу Англіи. То ухо мертво,
Которому должны бы мы донести,
Что Розенкранцъ и Гильденштернъ скончались,
Согласно королевскому приказу.
Кто скажетъ намъ „благодарю“?

Горацио. Не онъ,
Хотя-бъ уста его и были живы.
Онъ не давалъ на казнь ихъ повелѣнья.
Но такъ какъ быстро за кровавымъ дѣломъ
Явились вы изъ Англіи и Польши,
Велите же, чтобъ мертвыхъ положили
На катафалкъ въ виду всего народа;
А мнѣ незнающимъ позвольте рассказать,
Какъ все произошло. То будетъ повѣсть
Кровавыхъ, неестественныхъ убійствъ,
Суда случайнаго, нечаянныхъ кончинъ
И козней, павшихъ на главу злодѣевъ.
Всю истину могу я вамъ открыть.

Фортинбрасъ. Мы поспѣшимъ послушать твой раз-
сказъ,
Созавши на совѣтъ вельможей царства.
Я съ гордостью мое встрѣчаю счастье,
На датскій тронъ имѣю я права,
И ихъ я объявляю всенародно.

Горацио. Я долженъ и объ этомъ говорить.
Вамъ тотъ далъ голосъ свой, за кѣмъ все царство
Признаетъ васъ царемъ. Но къ дѣлу, къ дѣлу!
Умы людей раздражены: не трудно злѣ
Настроить бѣдъ средь общаго смятенья.

Фортинбрасъ. Пусть Гамлета, какъ воина, внесутъ
На катафалкъ четыре капитана.
Онъ все величье царское явилъ бы,
Когда-бъ остался живъ. Будь онъ почтенъ
При погребеньи почестью военной!
Возьмите трупы доблестные эти:
На полѣ битвы мѣсто ихъ.
Скажите, чтобъ начали вальбу!

ИЗДАНИЯ А. С. СУВОРИНА

Живыхъ магазинахъ «НОВАГО ВРЕМЕНИ» А. С. Суворина: въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и на станціяхъ главныхъ дорогъ. Въ Сибири — въ книжномъ магазинѣ Макушина въ Томскѣ.

АВЕРКІЕВЪ, Д. В. Лето. Историческая повѣсть. Ц. 1 р.

— Хмѣлевая ночь. Историческій романъ. Ц. 1 р.

— Драмы. Томъ I. Любода Неволя. — Фролъ Кабѣвъ. — Каширская гарина. — Темный и Шелкава. Ц. 3 р.

АЛАРКОНЪ, Н. Повѣсти и рассказы. Пер. съ фр. Ц. 75 к.

АНДРОНИКЪ КОМЕНЪ. Повѣсть изъ Византійской исторіи. Изящное изд. на вел. бум. 75 к.

АНДРЕЕВСКІЙ, С. А. Сѣхотворенія. 1878 — 1888. Ц. 2 р.

— Литературныя чтенія арамынскія. — Достоевскій. — Гаршинъ. — Некрасовъ. — Лермонтовъ. — Толстой. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

— Защитительныя рѣчи. Ц. 2 р.

АНТОНОВЪ, А., врачъ. Общедоступная гигиена. 75 к.

АННЕНКОВЪ, П. В. и его друзья. Литературныя воспоминанія и переписка 1835—1885 г. I. 666 стр. Цѣна 3 р.

АРСЕНЬЕВЪ, А. В. Карта для нагляднаго обозрѣнія исторіи и хронологіи русской литературы, для класснаго употребленія. Къ картѣ прилагается особою книгою «Словарь писателей древняго періода русской литературы» (862—1700 г.). Изданъ подъ ред. О. Ө. Миллера, проф. Спб. унив. Ц. 2 р.

— Старыя бивальчины. Историческіе очерки и картинки. Ц. 1 р. 25 к.

АХШАРУМОВЪ, Н. Д. Во что бы ни стало. Романъ. Ц. 2 р. 25 к.

БАЛЬЗАКЪ. Шагреневая кожа. (Новая Библия. Суворина № 5). Ц. 60 к.

БАРАНЕЦКІЙ, П. В. Лѣсоохраненіе. Книга для лѣсовладельцевъ, лѣсничихъ и слушателей учебн. лѣсн. зав. Ц. 2 р. 50 к.

БАРАНЦЕВИЧЪ, К. Старое и новое. Повѣсти и рассказы. Ц. 1 р.

БАШИЛОВЪ, А. Русское торговое право. Практическій курсъ по наброскамъ левцій, читаннымъ въ Имп. Училищѣ Правовѣдѣнія. Вып. I. Введеніе. Торговныя правоотношенія. Ихъ субъекты (до товариществъ). Ц. 2 р.

— Прибавленіе къ выпуску I-му Русскаго Торгового права. Указатель измѣненій и дополненій, вызванныхъ новымъ изданіемъ Уставовъ Торговыхъ. Ц. 20 к.

БЕККЕРЪ, К. Древняя исторія, вновь обработанная В. Миллеромъ, профессоромъ Тюбингенскаго университет. Часть I, съ 70 рис. и 2 раскр. картами ч. II, съ 95 рис. и 2 рас. картами и III съ 104 рис. и 2-мя раскр. картами. Ц. 1-й и 2-й книги по 1 р., а 3-й 1 р. 50 к.

БЕЛЛАМИ, ЭД. Будущій вѣкъ (looking backward). Романъ. Перев. съ англ. Л. Гей. Съ портретомъ и факсимиле автора. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

БИБИКОВЪ, В. Маруся. — Старый портретъ. — Первая побѣда. — Мыслитель. — Изъ дневника. —

Литературный вечеръ. — Забытая тетрадь. Рассказы. Ц. 1 р.

БИЛЬРОТЪ, ТЕОДОРЪ д-ръ. Общая хирургическая патологія и терапія. Руководство для учащихся и врачей, обработанное А. Винивортеромъ, проф. хирургіи въ Люттихѣ. Со множ. рисунк. Изд. 5-е. Оставшіеся экз. продаются по пониженной цѣнѣ, вмѣсто 4 р. 50 к., за 3 р.

БИНЕ и ФЕРЕ. Животный магнетизмъ. Пер. съ франц. Съ рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р.

БЛАГОВО, Д. Рассказы бабушки изъ воспоминаній пяти поколѣній. Съ портретомъ. Ц. 3 р.

БОГОСЛОВСКІЙ, Н. Арачьевщина. Ц. 2 р

БОГОСЛОВСКІЙ, В. Лечебныя мѣста Европы. Курорты съ мин. водами, климатич. станціи, морскія купальня, лиманы и грязелечебныя заведенія. Съ бальнеологическ. картою. Ц. 2 р. 50 к.

БОРОВИКОВСКІЙ, А. и **ГЕРАРДЪ, Н.** Системат. сборникъ рѣшеній Гражданскаго Кассационнаго Департ. Правит. Сената на 1877 г. Томъ I. Матеріальное право. Т. II. Судопроизводство. Ц. 6 р.

БОРОВИКОВСКІЙ, А. Л. Женская доля на мадоросійскимъ пѣснямъ. Ц. 60 к.

— Отчетъ судьи. Т. I. (Чиншев. право. — Третьи лица въ процессѣ. — Законъ и судейская совѣсть). Ц. 1 р. 50 к.

БОРОВИКОВСКИЙ, А. Л. Отчетъ судьи, Томъ II. (IV. Давность. — V. Судьи семья). Спб. 1892. Ц. 1 р. 50 к.

— Законы гражданскіе. (Сводъ законовъ, т. X. ч. I). Съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражд. Кассац. Д-та Пр. Сената. Изд. 7-е, исправл. и дополн. (Съ текстомъ законовъ по новому официалн. изданію и съ этимъ текстомъ согласованы объясн.). Спб. 1892. Ц. 6 р.

— Законы гражданск. (Сводъ законовъ, т. X. ч. I). Съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражданскаго Кассаціон. Департ. Прав. Сената. Изд. 6-е, исправл. и дополн. Ц. 6 р.

— Уставъ гражданскаго судопроизводства съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражд. Кас. Деп. Пр. Сената. Вып. 1-й (Общія положенія). Ц. 1 р. 50 к.

— То же. Вып. 2-й (Порядокъ производства въ мировыхъ судебныхъ установлен.). Ц. 1 р. 50 к.

— То же. Выпускъ 3-й (Порядокъ производства въ общихъ судебныхъ мѣстахъ. Кн. II, разд. I. Гл. I—IX). Ц. 2 р. 25 к.

— То же. Вып. 4-й. (Порядокъ производства въ общ. судебн. мѣст. Прод. ст. 566—791). Ц. 1 р. 50 к.

— То же. Выпускъ 5-й (Прод. ст. 792—923). Ц. 1 р. 75 к.

— То же. Выпускъ 6-й (Прод. ст. 924—1281 и приложенія). Ц. 1 р. 50 к.

— То же. Вып. 7-й. (Окончаніе: ст. 1282—1824 и приложенія). Ц. 2 р.

— Дополненія (рѣшенія, опубликованныя во время печатанія предыд. выпускъ и „продолженіе 1886 г.“). Ц. 1 р.

— Уставъ гражданскаго судопроизводства съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражданскаго Касса-

ціоннаго Департамента Правительствующаго Сената. Изданіе переработанное: помѣщенныя въ 1-мъ изд. объясненія изложены въ болѣе сжатомъ видѣ и введены новыя объясненія. Ц. 6 р., въ перепл. 7 руб.

— Алфавитный указат. объясн. къ Уставу Гражд. Судопроизводства (Общій дя I и II изд.). Ц. 50 к.

БОРОДИНЪ, А. П. Его жизнь, переписка и музыкальныя статьи (1834—1887) Ц. 1 р. 50 к.

БОРОЗДИНЪ, К. А. Закавказскія воспоминанія. Мингрелія и Сванетія съ 1855 по 1861 г. Съ 5 портретами. Ц. 2 р.

БРЕТЪ-ГАРТЪ, Безродный. Повѣсть. Перев. съ англ. (A waif of the plains). Ц. 60 к.

БУЛГАКОВЪ, Ѳ. И. Художественная энциклопедія (Иллюстрированный словарь искусствъ и художествъ). Т. I. Ц. 3 р., въ папкѣ 3 р. 25 к.

— То же. Т. II. Ц. 3 р., въ папкѣ 3 р. 25 к.

— Иллюстрированная истор. книгопечатан. и типограф. искусства. Т. I. Съ изобрѣт. книгопеч. по XVIII в. вѣлчительно. Ц. 3 р. 50 к.

БУРЕНИНЪ, В. Литературн. дѣятельн. Тургенева. Съ портрет. И. С. Тургенева. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.

— Критическіе очерки и памфлеты. Ц. 1 р. 25 к.

— Былое. Стихотворенія. Ц. 1 р. 75 к.

— Стрѣлы. Стихотвор. Изд. 2-е, дополн. новыми стих. Ц. въ пер. 1 р. 50 к.

— Мертвая нога. Таинственный процессъ. Романъ въ Кисловодскѣ. Рассказъ. Изд. 4-е. Ц. 1 р.

— Критическіе этюды. Гоголь. — Гончаровъ. — Биографія и письма Досто-

евского. — „Власть тьмы“ гр. Толстого. — Журнальный походъ противъ гр. Толстого. — Лермонтовъ — Памяти Пушкина. — Глѣба Успенскій. Ц. 1 р. 50 к.

— Смерть Агриппины. Др. въ 5-ти дѣйств. Ц. 1 р.

— Хвостъ. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 50 к.

— Пѣсни и шаржи. Изд. 2-е, дополн. новыми стихотвореніями. Ц. 1 р. 50 к.

БЪЖЕЦКІЙ, А. Н. Путевые наброски. Въ странн. мантильи и кастаньетахъ (За Пиренеями. — Мадридъ — Севилья — Гренада — Биаррицъ — Парижъ). Ц. 1 р. 25 к.

— Военные на войнѣ. — Святочные рассказы. Ц. 1 р. 50 к.

— На пути. Рассказы и очерки. Ц. 1 р. 50 к.

— Дѣтская любовь. Повѣсть. Ц. 1 р.

— Медвѣжьи углы. Повѣсти и очерки. — Подъ небомъ голу бычь. Путевые наброски и рассказы. Ц. 1 р. 25 к.

БЪЛЯЕВЪ, А. П. Записки декабриста (1803—1850). Ц. 2 р.

БЭКЕРЪ, САМУЭЛЬ. Выброшенные моремъ. Ром. для юнош. Перев. съ англ. Съ иллюстраціями. На велен. бумагѣ. Ц. 2 р.

БЭРЪ, МИХ. Струензе. Тр. въ 5-ти д. въ стих. и прозѣ. Перев. съ нѣм. А. Н. Плещеева. Ц. 1 р.

ВАНЪ-ДЕНЪ-БЕРГЪ. Краткая исторія Востока (египтянъ, ассиріянь, вавилонянъ, мидянъ, персовъ и финиціанъ). Съ 24 гравюр. и виньетками. Ц. 60 к.

ВЕРНЪ, ЖЮЛЬ. Путешествіе вокругъ свѣта въ 80 дней. Съ 55-ю рисунками. Изд. 2-е. Ц. въ хромол. тогр. папкѣ 1 р. 50 к.; на вел. бум. 2 р. 50 к.

— Дѣти капитана Гранта. Путешествіе вокругъ свѣта. Въ 3-хъ частяхъ.

Съ 167 рисунк. Изд. 2-е. Ц. 3 р. На вел. бум. 5 р.
— Приключенія капитана Гаттераса. Изд. 2-е. Съ 252 рис. Ц. въ хромо-литогр. папѣ 2 р. 50 к., на вел. бум. 4 р.
— Плавающій городъ. Съ 25 рис. Ц. 1 р., на велен. бум. 1 р. 50 к.
— Путешествіе вокруг луны. Съ 43 рис. Ц. 1 р. 25 к., на велен. бум. 2 р.
— Восемьдесятъ тысячъ верстъ подъ водою. Путешествіе подъ волнами океана. Изд. 2-е. Въ 2 ч. съ 17 рис. Ц. въ хромо-литогр. папѣ 3 р.
— Приключенія трехъ русскихъ и трехъ англичанъ. Съ 51 рис. Ц. 1 р. 50 к.
ВОЛКЪ. Эпизодъ изъ Бареоломеевск. ночи. Пов. для юношества. (Съ англ.). Съ рис. въ текстѣ. Изящное изданіе на вел. бум. Ц. въ хромо-литогр. папѣ 1 р. 50 к., въ изящ. вол. тисн. зол. пер. 2 р. 10 к.
ГАУ, ДЖ. Минерва. Введеніе при изученіи читаемыхъ въ классѣ писателей греческихъ и латинскихъ. Пер. со 2-го фр. изданія В. Алексѣева. Съ примѣч. переводчика и рисунками. Ц. 1 р. 50 к.
ГЕЛЬВАЛЬДЪ, ФРИД. Естественная исторія племенъ и народовъ. Со множествомъ иллюстрацій. Сочиненіе это, заключающее въ себѣ исторію развитія культуры племенъ и народовъ земного шара, иллюстрировано художникомъ Келлеръ-Лейцингеромъ: типы расъ, предметы ихъ домашняго быта, и пр. 2 большихъ тома, 1418 стр. Ц. въ изящ. пер. 12 р.
ГЕКЕРЪ, ОСКАРЪ. Ганзейцы (Die Brüder der Hanse). Истор. ром. Съ иллюстрац. Ц. 1 р.
ГЕКСЛИ. Введеніе въ науку. Ц. 30 к.

ГЕТЕ, его жизнь и избранныя стихотворенія. 2-е дополн. изд. Ц. 1 р., въ изящ. перепл. 1 р. 60 к.
ГЛИНКА, М. Записки и переписка его съ родными и друзьями. Ц. 3 р.
ГОМЕРЪ. Илиада. Переводъ Н. И. Гнѣдича. Изд. 2-е. Ц. 75 к.
НОМЕРИ ПЛАС. Pars I. С. I—XII. Изд. 2-е. Ц. 20 к.
— Pars II. С. XIII—XXIV. Изд. 2-е. Ц. 20 к.
НОМЕРИ ODYSSEA. Pars I. С. I—XII. Изд. 2-е. Ц. 20 к.
— Pars II. С. XIII—XXIV. Изд. 2-е. Ц. 20 к.
ГРЕЧЪ, Н. И. Записки о моей жизни. Съ портретомъ. Ц. 2 р. 50 к.
ГРИГОРОВИЧЪ, В. Д. Акробаты благотворительности. Пов. Ц. 1 р.
— Гуттаперчевый мальчикъ. — Карьеристъ. — Алексѣй Чезовъ. Ц. 1 р.
ГРУНДВИГЪ, Свендъ. Датск. народ. сказки. Ц. 1 р.
ГЮЙО, М. Воспитаніе и наследственность. Соціологическій этюдъ. Съ предисловіемъ и примѣч. переводч. (Education and heredity). Ц. 1 р. 50 к.
ДАНИЛЕВСКІЙ, Г. П. На Индію при Петрѣ I. — Потемкинъ на Дунаѣ. Историч. романы. Ц. 1 р. 50 к.
— Княжна Тараканова. Историческ. романъ. — Уманская рѣзня (Послѣд. Запорожцы). Историч. повѣсть. Ц. 1 р. 50 к.
— Мировичъ (1762—1764 г.). Истор. ром. Ц. 2 р.
— Сожженная Москва. Истор. ром. Ц. 1 р. 50 к.
ДИККЕНСЪ, Ч. Лавка древностей. Романъ. Пер. съ англ. (Новая бібліотека Суворина № 12 и 13). Ц. 1 р. 20 к.
ДОДЭ, АЛЬФОНСЪ. Королева Фредерика (Les rois en éxil). Ром. Ц. 1 р. 50 к.
— Женны артистовъ. Очерки нравовъ. Ц. 40 к.

ДРУЖИНИНЪ, А. Полюшка Саясъ. Пов. Ц. 50 к.
ДЮМА, А. Королева Марго. Ром. въ 6-ти част. Въ 2-хъ книгахъ. (Новая бібліотека Суворина № 1 и 2). Ц. 1 р. 20 к.
— Три Мушкетера. Романъ въ 2-хъ частяхъ. (Новая Библ. Суворина. № 3 и 4). Ц. каждой книгѣ 60 к.
ДЮТШКЕ. Олимпъ. Миѳологія древнихъ грековъ и римлянъ. Съ гравюр. и рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к.
ЕЖОВЪ, НИК. Облака и другіе рассказы. Ц. 1 р.
ЕРШОВЪ, А. И. Севастопольскія воспоминанія артиллерійскаго офицера. Изд. 2-е. Ц. 75 к.
ЕСИПОВЪ, Г. В. Люди стараго вѣка. Рассказы изъ дѣлъ Преображенскаго приказа и Тайной канцел. Ц. 1 р. 50 к.
— Тяжелая память прошлаго. Расск. изъ дѣлъ Тайной канцелар. и друг. архивовъ. Ц. 1 р. 50 к.
ЖЕНЕНЪ. Маленькій герой. Переводъ Е. Н. Ахматовой. Съ рисунк. Ц. 1 р., въ папѣ 1 р. 25 к.
ЖИТЕЛЬ. На отдыхѣ. Деревенскія письма. Ц. 1 р. 50 к.
— Сусальныя звѣзды. — Книга раздора. Ц. 1 р.
— Наши дамы. Ц. 1 р. 50 к.
ЗАГУЛЯЕВЪ, М. А. Русский Яковинецъ. Ром. изъ франц. револ. Ц. 1 р.
ЗАНДЪ, Ж. Приемышъ (François le Champis). Романъ. Изящное изданіе на велен. бум. Ц. 60 к.
— Бѣсенокъ (La petite Fadette). Романъ. Изящ. изд. на вел. бум. Ц. 75 к.
— Чертово болото. Изящное изданіе на вел. бумагѣ. Ц. 50 к.
ЗАХАРЪИНЪ, И. Н. (Якунинъ). Тѣни прошлаго. Рассказы о былыхъ дѣлахъ. Ц. 1 р. 50 к.
ИБСЕНЪ, Г. Привидѣнія (Gjengangere). Драма

въ 3-хъ дѣйств. Перев. съ норвежск. Ц. 60 к.

И В А Н О В Ъ - К Л А С - С И К Ъ. Веселый попутчикъ. Письма съ дороги, замѣтки на лету, картинки изъ путевыхъ воспоминаній и дорожныя пѣсни. Ц. 1 р.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРИЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. Текстъ А. Г. Бривнера, профессора Дерптскаго университета. Гравюры на деревѣ: Паннемаера и Матѣ въ Парижѣ, Кезеберга и Эртеля въ Лейпцигѣ, Клосса и Хельма въ Штутгартѣ, Зубчанинова, Рашевскаго, Шлипера и Винклера въ Петербургѣ. Заглавный листъ, заглавныя буквы и украшенія художника Панова. (Изданіе распродано).

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРИЯ ЕКАТЕРИНЫ II. Издана по тому же плану какъ Ил. Исторія Петра Вел. 4, и заключаетъ въ себѣ до 300 портретовъ, типовъ, бытовыхъ сценъ и проч., воспроизведенныхъ преимущественно съ рѣдкихъ подлинниковъ Екатерининскаго времени. Текстъ А. Г. Бривнера, профес. Дерптскаго универс. 3 тома. Ц. 8 р.

ИСТОРИЧЕСКАЯ портретная галерея. Собраніе портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 года, съ краткими ихъ біографіями. Фототипія съ лучшихъ образцовъ. Выходитъ выпусками, по 8 портр. въ каждомъ. Цѣна каждому вып. 2 р. Отдѣлы I-й и II распроданы. Имѣются въ продажѣ отдѣлы III и IV. Писатели, художники и музыканты (101 портретъ съ указателемъ). Большой томъ въ колѣнкор. тисн. золотомъ пере-

плетѣ 32 р.—Отдѣлы V и VI. Ученые, педагоги, реформаторы и знаменитыя женщины (62 портрета). Большой томъ въ колѣнкор. тисн. золотомъ переплетѣ 22 рубля.

ИСТОРИЧЕСКІЕ рассказы и анекдоты изъ жизни русскихъ государей и замѣчательныхъ людей XVIII и XIX столѣтій. Изд. 2-е, дополн. Ц. 1 р. 50 к.

ИШИМОВА, А. Исторія России въ рассказахъ для дѣтей. 3 части. Изд. 6-е, исправл. Ц. за 3 части 3 р. 50 к.

КАЙГОРДОВЪ, Д. Собиратель грибовъ. Карманная книжка, содержащая описаніе важнѣйш. съѣдобныхъ, ядовитыхъ и сомнительн. грибовъ, растущихъ въ Россіи. Съ 14-ю раскраш. табл. Изд. 2-е. Ц. въ пер. 1 р. 75 к.

— Изъ зеленого царства. Популярн. очерки изъ міра растений. Со многими рисунк. Изд. 2-е, дополненное и исправленное. Ц. 2 р. 50 к., въ изящномъ переплетѣ 3 р. 50 к.

— Черная семья (Птицы вороньяго рода). Съ 3-мя хромолит. таблицами. Ц. 25 коп.

— Изъ царства пернатыхъ. Популярн. очерки изъ міра русск. птицъ. 8 выпусковъ. Ц. каждый вып. 75 к. Сброшюрован. въ 1 большой томъ въ изящн. тисн. зол. и краск. пер. 7 р., на вел. бум. 10 р.

— Бесѣды о русскомъ лѣсѣ. Краснолѣсье. (Хвойный лѣсъ). Со многими рис. Изд. 3-е, исправл. и доп. Ц. 1 р.

— О нашихъ перелетныхъ птицахъ. Чтеніе для народа. Съ рисунками. Изд. 3-е. Ц. 20 к.

КАРАТЫГИНЪ, П. Лѣтопись петербургскихъ наводненій. 1703—1879 гг. Ц. 50 к.

КАРНОВИЧЪ, Е. П. Историческіе рассказы и бытовые очерки. Съ 50 гравюрами и портретами.

— Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. 2-е исправлен. и дополн. издан. Ц. 2 р.

— Родовыя прозванія и титулы въ Россіи и слияніе иноземцевъ съ русскими. Ц. 1 р.

— Историческія пов. I. Переполохъ въ Петербургѣ.—II. Лимонъ. Ц. 1 р.

— Замѣчательныя и загадочныя личности XVIII и XIX столѣтій. Съ 13-ю гравюрами. Изд. 2-е. Ц. 2 руб.

КАРТИНЫ ЖИЗНИ. Сборникъ очерковъ и рассказовъ Г. Андерсена, А. Додэ, Э. Золя, Гюи де-Мопассана, Ж. Ришпена и Захеръ-Мазоха. Переводъ А. Н. Чудинова. Ц. 75 к.

КЕНИГЪ, Г. Карнавалъ короля Иеронима. Историч. романъ. Пер. съ нѣм. Ц. 2 р.

КИНГСЛЕЙ. Ипатія или Новые враги подъ старой лачинкой. Ром. Пер. съ англ. (Нов. Библиотека Суворина №№ 8 и 9). Ц. 1 р. 20 к.

КИНГСТОНЪ, У. Г. Д. Молодой раджа. Рассказъ изъ жизни и приключеній въ Индіи. Съ 44 рис. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

КЛЮЧЪ въ русскимъ управленіямъ учебника французскаго языка Д. Марго. Изд. 5-е, исправлен. Ц. 35 к.

КНАКФУСЪ. Рембрандтъ. Очеркъ его жизни и произведеній. Съ 155 снимками съ картинъ, грав. и рисунк. Рембрандта. Пер. съ нѣм. Ц. 5 р.

КОЛОКОЛОВА, М. Письма матери въ матерямъ. Ц. 40 к.

КРАМСКОЙ, И. Н. Его жизнь, переписка и художественно-критическія статьи. 1837—1887. Съ

факсимиле и 2 портретами. Ц. 3 р. 50 к.

КРЕНКЕ, В. О сельском хозяйствѣ. 3-е исправл. и дополн. издание. Выпуски I, II, III, IV, V и VI. Ц. каждому 60 к.

— Азбука для народныхъ школъ. Ц. 7 к.

КРЕСТОВСКИЙ, ВСЕВОЛОДЪ. Дѣды. Историч. пов. изъ временъ Императора Павла I. Ц. 2 р.

— Въ гостяхъ у эмира Бухарскаго. Съ 3-мя портретами. Ц. 2 р. 50 к.

КРЕСТОВСКИЙ, В. (псевдонимъ). Собрание сочин. 5 больш. том. убористаго шрифта. 2358 стр. Съ біографіей и портретомъ автора. Ц. 15 р.

— Общественности. Ром. Ц. 1 р. 25 к.

— Повѣсти: Томъ I. Старыя дѣвы. — Стоячая вода. — Пансионера. — Братецъ. Ц. 2 р.

— Повѣсти: Томъ II. Матери. — Домашнее дѣло. — Два памятные дня. — Свиданіе. Ц. 1 р. 50 к.

— Повѣсти: Томъ III. Семья. — Испушеніе. — Учительница. Ц. 1 р. 50 к.

— Повѣсти: Томъ IV. Идеалы и фразы. — Деревенская исторія. — Дневникъ сельскаго учителя. Ц. 1 р. 50 к.

— Очерки и отрывки. Книга первая: За стѣною. — Вѣра. — На вечерѣ. — Недописанная тетрадь. — Старый портретъ, новый оригиналь. — Старое горе. Ц. 1 р. 50 к.

— Очерки и отрывки. Книга вторая: Нѣсколько лѣтнихъ дней. — Въ дорогѣ. — Разговоръ. — Доброе дѣло. Изъ связки писемъ, брошенной въ огонь. Сцены: I. Утренній визитъ. — II. У жениха и невесты. — III. Для дѣтскаго театра. Ц. 1 р. 50 к.

— Большая Медвѣдница. Ром. въ 5 частяхъ. Изд.

3-е, вновь просмотрѣнное авторомъ. Ц. 3 руб.

— Испытаніе. Романъ въ 2-хъ част. Ц. 1 р. 50 к.

— Провинція въ старыя годы. I. Свободное время. Романъ. Ц. 1 р.

— Провинція въ старыя годы. II. Кто-жъ остался доволенъ? Ром. Ц. 1 р. 25 к.

— Провинція въ старыя годы. III. Последнее дѣйствіе комедіи. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

— На память 1850—1881 (Анна Михайловна. — Последъ потопа. — Здоровье. — Прощаніе). Ц. 1 р. 50 к.

КРЕСТОВСКАЯ, М. В. I. Раннія грозы. Испытаніе. Ц. 1 р. 50 к.

— II. Въ жизни. — Уголки театральнаго міра. Ц. 1 р. 50 к.

КРОТКОВЪ, В. Пыркинъ и Чепуркинъ. — Последняя жертва катастрофы. — Во время войны — дома. Ц. 1 р.

— Частный повѣренный. — Гладкія взятки. — Первобытное состояніе. Ц. 1 р.

КРЭКЪ, Д. Эмилій. Повѣсти изъ эпохи гоненій на христіанъ при Деціи и Валеріи. Пер. съ англ. (Нов. Библ. Суворина № 7). Ц. 60 к.

ЛАУБЕ. Графиня Шатобрианъ. Ист. ром. Ц. 2 р.

ЛЕББОКЪ, Д. Ж. Муравьи, пчелы и осы. Наблюденія надъ правами общежительныхъ перепончатокрылыхъ. Переводъ съ 5-го англійскаго изданія Д. В. Аверкіева. Съ приложеніемъ статьи переводчика: „Муравьиные слѣды“. Съ рисунками въ текстѣ и 5-ю хромолит. табл. Ц. 3 р.

ЛЕЙКСНЕРЪ, ОТТО. Нашъ вѣкъ. Общій обзоръ важнѣйшихъ явленій въ области исторіи, искусства, науки и промышленности въ теченіе послѣдняго столѣтія. Со

множ. портретовъ государей, полководцевъ, госуд. людей, ученыхъ, поэтовъ, литераторовъ, путешественниковъ, изобрѣтателей, рисунковъ, снимковъ съ картинъ извѣстныхъ художниковъ, автографовъ и проч. Пер. съ нѣм. in-8. Два большихъ тома, 1520 стр. текста и 105 стр. указателей. (Изданіе распро- дано).

ЛЕРМОНТОВЪ, М. Ю. Юношескія драмы. Изд. подъ ред. Н. Ефремова. Ц. 1 р. 50 к.

ЛЕРМИНИ, Ж. Роялистская заговорщина. Историческій романъ. Ц. 1 р.

ЛЪСКОВЪ, Н. С. Собраніе сочиненій въ 10-ти томахъ. Ц. 25 р.

— То же, на вел. бум. Ц. 40 р.

— Связь о тульскомъ лѣвшѣ и о стальной блохѣ (Цеховая легенда). Ц. 40 к.

— Три праведника и одинъ Шерамуръ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

ЛЪСНАЯ волшебница (The Lady of the Forest). Повѣсть для юношества. Пер. съ англійск. Ц. 75 к.

ЛЮБКЕ. Иллюстрированное. исторія искусствъ. Архитектура. — Скульптура. — Живопись. — Музыка (Для школъ, самообученія и справокъ). Съ 140 рис. и портретами композиторовъ XIX вѣка.

2-е дополненное изданіе. Перев. Ѳ. Булгакова, съ очеркомъ исторіи музыки М. Иванова. Ц. 2 р. 50 к.

МАГАФФИ. Древне-греческая жизнь. Переводъ съ англійск. Съ примѣч. М. Стратилатова. Ц. 60 к.

МАЙКОВЪ, Л. Н. Очерки изъ исторіи русской литерат. XVII и XVIII столѣтій (Симеонъ Полоцкій. — Одна изъ русскихъ повѣстей Петровскаго времени. — Къ характеристикѣ Ломоносо-

ва какъ ученаго. — В. И. Майковъ. — Литературныя мелочи Екатерининскаго времени. — Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики). Ц. 2 р. 50 к.

МАКСИМОВЪ, С. Крылатыя слова. Ц. 3 р.

МАРКОВЪ, В. В. Илья Муромецъ. Поэма. Ц. 60 к. — Трилистникъ. Ц. 30 в.

МАСАЛЬСКИЙ, КОНС. Стрѣльцы. Истор. ром. Ц. 1 р. 50 к.

МАСЛОВЪ, А. Н. Завоеваніе Ахаль-Теке. Изд. 2-е. Съ 2-мя портретами М. Скобелева и факсимиле, съ прил. „Матеріаловъ для біографіи М. Скобелева“. Ц. 1 р. 50 к.

МЕЙЕРЪ, К. Святой (Der Heilige). Повѣсть. Перев. съ нѣм. Ц. 75 к.

МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д. Символы (Пѣсни и поэмы). Ц. 1 р. 50 в.

МЕРИМЕ, П. Вареедомеевская ночь. Истор. ром. Ц. 1 р.

— Карменъ. Романъ. Ц. 40 в.

— Жагерія. Сцены изъ феодальныхъ временъ (Новая Библіотека Суворина, № 11). Ц. 60 к.

МИЛЮКОВЪ, А. П. Царская Свадьба. Историческая повѣсть изъ временъ Іоанна Грознаго. Ц. 1 р.

— Литературныя встрѣчи и знакомства. Ц. 1 р.

— Разказы изъ быденнаго быта (3-е испр. ж дополн. изд.). Ц. 1 р.

МЛЕКОПИТАЮЩІЯ въ описаніяхъ КАРЛА ФОГТА и картинахъ ШПЕХТА. Переводъ съ нѣм. Большой томъ in-folio, 454 стр. Съ 448 рис. въ текстѣ и 40 отдѣльн. рис. Цѣна 10 р., въ перепл. 13 руб.

— То же. РОСКОШН. ИЗДАНИЕ на велен. бум.

Цѣна 15 р., въ перепл. 20 руб.

МОЛЬЕРЪ. Тартюфъ. Комедія въ 5-ти актахъ. Переводъ въ стихахъ В. Лихачева (удостоенъ почетн. отзыва Имп. Академіи Наукъ). Изящное изданіе на веленовой бумагѣ. Ц. 50 к.

МОЛЧАНОВЪ, А. Н. Путевыя письма, повѣсти, разказы и набр. Ц. 60 к.

МОЛЧАНОВЪ А. Н. Между миромъ и конгрессомъ. Письма въ „Новое Время“ изъ Константинополя, Измида, съ Принцевыхъ острововъ, изъ Дарданелль, Галлиполи, Санъ-Стефано и Филиппополя. Ц. 2 р.

МОРДОВЦЕВЪ, Д. Л. Царь и Гетманъ. Истор. ром. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к.

— Авантюристы. Истор. пов. Ц. 80 к.

МОРСКОЙ, Н. Аристократія гост. двора. Картины нравовъ. Ц. 1 р. 50 к.

— Содомъ. Ром. Ц. 1 р. 50 коп.

НАШИ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ и ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ. Сочиненіе автора „Современной Россіи“. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

НЕВЪДЪНСКИЙ, М. Н. Катковъ и его время. Ц. 3 р.

НЕМИРОВИЧЪ - ДАНЧЕНКО, В. И. Святыя горы (Русскій Аѳонъ). Очерки и впечатлѣнія. Ц. 80 к.

— Годъ войны. Дневникъ русск. корреспондента (1877—1878 г.). 2 т. Ц. 4 р.

— Цари биржи (Кайново племя въ наши дни). Ром. Ц. 2 р.

— Кама и Уралъ. Очерки и впечатлѣнія. Ц. 3 р.

НЕПЛЮЕВЪ, Ив. Ив. Записки (1693—1773). Новое полное изданіе съ примѣчаніями. Ц. 2 р.

—?— О ЖЕНЩИНАХЪ мысли старыя и новыя. Издан. 8-е. Ц. 1 р. 50 в.

ОСТРОВСКИЙ, А. и СОЛОВЬЕВЪ. Драматическія сочиненія. Счастливый день. — Женитьба Вѣлгуина. — На порогѣ къ дѣлу. — Дикарка. Ц. 3 р.

ОСТРОВСКАЯ, Н. Разказы для дѣтей, съ 10-ю рисунками. Ц. 2 р.

ОТКЛИКЪ. Литературный сборникъ, изданный студентами Спб. университета въ пользу нужд. студ. и слух. выс. женск. курс. Ц. 1 р. 50 к.

ОХОТА и ОХОТНИКИ. Разказы Псковича. Ц. 2 р.

ПАЛЬМЪ, А. Петербургская саранча. Ром. Ц. 1 р. 50 в.

— Старый баринъ. Ком. Ц. 65 в.

— Гражданка. Сцены. Ц. 65 в.

ПАССЕКЪ, Т. П. Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія. 2 тома, съ пятью портретами и видами храма Спасителя. Ц. 4 р.

ПЕЛИКО да САЛУЦЦО. Мои темницы. Воспоминанія. Переводъ съ итальян. Съ 18 рис. Ц. 1 р.

ПЕРВАНОВУ, І. Андроніевъ Комнень. Разказъ изъ Визант. ист. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р.

ПЕШЕЛЬ, Оск. Народовѣдѣніе. Перев. подъ ред. Э. Петри съ 6-го изданія, дополненаго Кирхгоффомъ. Ц. 4 р.

ПИРЛИНГЪ, ПАВЕЛЪ. Россія и Востокъ (Царское бракосочетаніе въ Ватиканѣ. — Иванъ III и Софія Палеологъ). Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 в.

ПИСЬМА графа П. Василія. Лондонское Общество. — Вѣнское Общество. Пер. съ франц. Ц. 1 р. 50 в.

ПЛЕЩЕЕВЪ, А. Н. Подсѣзникъ. Стихотворенія для дѣтей и юношества. Ц. 1 р.

— Женщина въ XVII вѣвѣ (по Гонкуру). Ц. 80 к.

ПОЛЕВОЙ, КСЕН. М. В. Ломоносовъ. 2 т. Ц. 2 р.

— Записки. I т. 518 стр. Съ указателемъ личн. именъ и съ 2-мя портрет. Ц. 3 р.

ПОЛЕВОЙ, Н. Клятва при гробѣ Господнемъ. Русская быль XV вѣка. Ц. 1 р. 50 к.

ПОЛЕЖАЕВЪ, А. Стихотворенія съ биографическимъ очеркомъ, портретомъ и снимками съ рукописей. Изд. подъ ред. П. А. Ефремова. Ц. 2 р. 50 к.

ПОНОМАРЕВЪ, С. К. Москва въ родной поэзіи. Сборникъ стихотвореній и характеристикъ русскихъ и славянскихъ писателей, относящихся въ Москвѣ. Перечень русскихъ писателей, родившихся и умершихъ въ Москвѣ, и проч. Ц. 1 р. 25 к.

П—Ъ, С. Къ царскому юбилею, 1855—1880. Собраніе прозаическихъ и стихотворныхъ отрывковъ, относящихся къ Государю Императору Александру II, со дня Его рожденія до 19-го февраля 1880 г. Ц. 40 к.

ПОТЪХИНЪ, А. Послѣ освобожденія. Разказы изъ крестьянскаго быта. 3 тома. Ц. 4 р.

ПОЭ, ЭДГАРЪ. Необыкновенные разказы. Переводъ съ англійск. Кн. I и II.—Ц. каждой 60 к. Кн. III.—Ц. 1 р.

ПРЕВО, аббатъ. Исторія Манонъ Леско и вавалера де-Гріе. Романъ. (Нов. Библ. Суворина №6). Ц. 60 к.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО РОССИИ. Вып. I. СѢВЕРЪ. Петербургъ.—С.—Петербургская губернія.—Эстляндская губ.—Финляндія.—Олоонецкая губ.—Архангельская губ.). Съ 5-ю планами и 2-мя кар. Подъ ред. Р. С. ПОПОВА. Ц. въ пер. 3 р. (распродано).

— Вып. II. ЗАПАДЪ. (Прибалтійскія губ.—Сѣ-

верозападныя губ.—Привислянскія губ.—Царство Польское). Съ планами Варшавы, Вильны и Риги. Ц. 2 р.

ПУШКИНЪ, А. Бахчисарайскій фонтанъ. Роскоши. изд., иллюстрир. художн. С. С. Соломко. Ц. 3 р.

ПЫЛЯЕВЪ, М. И. Старый Петербургъ. Большой томъ въ 471 стр. 86 рис. въ текстъ и 26 на отдѣльныхъ листахъ, и бытовья сцены. Съ приложеніемъ указателя личныя именъ и мѣстностей, зданій и проч. Ц. на веленев. бумагѣ 12 р.

— То же, удешевленное изданіе. Съ 122 грав. Ц. 3 р., въ перепл. 4 р.

— Старая Москва. Эта книга составлена авторомъ по тому же плану, какъ и „Старый Петербургъ“. Она заключаетъ въ себѣ 36 печ. листовъ большого формата и 132 иллюстраціи. Ц. большого тома 9 р.

— Забытое прошлое окрестностей Петербурга. Съ 104 гравюрами. Ц. 4 р., въ пер. 5 р.

— Драгоценные камни, ихъ свойства, мѣстонахожденія и употребленіе. 3-е, значительно дополненное изд. Ц. 2 р. 50 к.

— Старое житіе. Очерки и разказы о бывшихъ въ отшедшее время обрядахъ, обычаяхъ и порядкахъ въ устройствѣ домашней и общественной жизни. Ц. 2 р.

РАЗГОВОРЫ ГЕТЕ, собранные Эккерманномъ. Пер. съ нѣм. Д. В. Аверкіева. Ч. I и II. Ц. каждой по 1 р. 50 к.

РИШЕ, Ш. Сомнамбулизмъ, демонизмъ и яды интеллекта. Ц. 1 р. 50 к.

РОЗЕНТАЛЬ. Общая мышечная и нервная физиология. Пер. подъ ред. И. Р. Тарханова. Ц. 2 р.

РОСТОПЧИНСКІЯ афиши 1812 года. Библиографическое изданіе въ 300 экземпляровъ. Ц. 3 р.

РУММЕЛЬ, В. и **ГОЛУБЦОВЪ, В.** Родословный сборникъ русск. дворянскихъ фамилій. 2 большихъ тома. Ц. 10 р.

РУССКАЯ ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ. Собраніе портретовъ замѣчательныхъ русскихъ людей, начиная съ XVIII столѣтія, съ краткими ихъ биографіями (фотоиніи съ лучшихъ оригиналовъ). Галерея эта печаталась всего въ количествѣ 500 экз., выходила выпусками каждый изъ 6-ти портретовъ большого формата. Ц. каждому выпуску 2 р. Вышло 19 выпусковъ. Полный экземпляръ въ роскошномъ перепл. 42 р., съ пер. 45 р.

РУССКІЙ КАЛЕНДАРЬ изд. А. С. Суворина на 1893 г. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 60 к.

САЙМЪ, ДЖЕМСЪ. Краткая исторія нѣмецкой литературы. Ц. 60 к.

САЛІАСЪ (графъ). Петербургское дѣйство. Историч. ром. (1762 г.). Изд. 2-е. Ц. 4 р.

— На Москвѣ. Историческій ром. изъ временъ чумы 1771 г. Ц. за 2 т. 4 р.

— Атаманъ Устя. Поволжская быль. Ц. 2 р.

— Свадебный бунтъ. Историческій ром. Ц. 2 р.

— Милліонъ. Историч. романъ. Ц. 1 р.

— Графъ Тятинъ-Балтійскій. Историч. повѣсть въ 2-хъ частяхъ. Ц. 1 р.

САМСОНОВЪ, Л. Н. Пережитое. Мечты и разсказы русскаго актера (1860—1878). Изящное изд. на цвѣтн. бум. Ц. 2 р.

САХАРОВЪ, Н. П. Сказанія русскаго народа. Русское народное черно-книжје.—Русскія народы.

пгры, загадки, присловья и притчи. Ц. 75 в.

САХАРОВЪ, Н. П. Сказаніе русскаго народа. Народный дневникъ. — Праздники и обычаи. Ц. 75 в.

СЕНТСБЕРИ, Д. Краткая исторія французской литературы. Ц. 40 в.

СИМЕОНЪ ПОЛОЦКІЙ. Мѣсяцесловъ въ стихахъ (перепечатка изъ Псалтыря съ мѣсяцесловомъ), переложенный стихами іеромонахомъ Симеономъ Полоцкимъ. Москва, въ Верхней типографіи, 1680 г., въ листъ. Съ заставками (заглавныя въ нѣсколько красокъ) и друг. украш. Печатано въ двѣ краски. Ц. 2 р.

СКАЛЬКОВСКІЙ, К. А. Новые путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 25 в.

— У скандинавовъ и фламандцевъ. Путевыя впечатлѣнія по Швеціи, Даніи и Бельгіи. Ц. 1 р.

СМИРНОВА, С. У прироста. Ром. Ц. 1 р. 50 в.

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ. Очерки нашей государственной и общественной жизни. Изд. 2-е, исправл. и доп. 2 т. Ц. 2 р. 50 в.

СОЛОВЬЕВЪ, Н. Я. На порогахъ въ дѣлу. Деревенскія сцены. Ц. 75 в.

СОЛОГУБЪ, В. (графъ). Тарангасъ. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р.

— Воспоминанія. Съ портретомъ. Ц. 1 р. 50 в.

СТЕРНЪ. Сентиментальное путешествіе по Франціи и Итали. Пер. съ англ. Изящ. изданіе на вел. бум. Ц. 75 в.

СТИВЕНСОНЪ, Р. Л. Клубъ самоубійць. Рассказъ. Ц. 50 в.

— Странная исторія доктора Джингилы и мистера Хайда (Strange Case of Jekyll and Mr Hyde). 50 в.

— Принцъ Отто. Повесть (Prince Otto). Ц. 1 р.

— Черная сръбла. Повесть для юношества времени войны Алой и Бѣлой Розы. Пер. съ англ. Ц. 1 р.

СУВОРИНЪ, А. С. Въ концѣ вѣка. Любовь. Романъ. Ц. 1 р. 50 в.

— Татьяна Рѣшина. Ком. въ 4-хъ д. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

СУВОРИНЪ, А. и В. БУРЕНИЦЪ. Медя. Драма въ 4-хъ д. въ стихахъ и прозѣ. Изд. 3-е. Ц. 1 р.

СУВОРИНЪ, А. А. Палестина. Роскошное изданіе. (Рисунки А. Кившенко и В. Навозова). Стоитъ изъ 30 выпусковъ. Кажд. вып. заключ. въ себѣ полтора листа текста и 6—8 рисунковъ. Ц. по подпискѣ 35 руб.

СУХОМЛИНОВЪ, М. И. Исслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. Т. I. Введеніе. — Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I. — А. Н. Радищевъ. Ц. 3 р.

— То же. Томъ II-й. (Н. И. Новиковъ, авторъ истор. словаря о русскихъ писателяхъ. — Приложение: указатель авторовъ, помѣщенныхъ въ словарь Новикова 1772 г. — Ф. Ц. Лагарпъ, воспитатель императора Александра I. — Приложения. Императоръ Николай Павловичъ — критикъ и цензоръ сочиненій Пушкина. Полемическія статьи Пушкина. — Появленіе въ печати сочиненій Гоголя. — Князь П. А. Вяземскій. — Н. А. Полевой и его журналъ „Московскій Телеграфъ“. — Три повѣсти Павлова. — Снятіе опалы съ славянофиловъ. — И. С. Аксаковъ въ 40-хъ годахъ. Ц. 3 р.

— ? — ТАИЦЫ, балетъ, ихъ исторія и мѣсто въ ряду историческихъ искусствъ. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

ТАТИЩЕВЪ. Изъ прошлаго русской дипломатіи. Историческія изслѣдованія и полемическія статьи. Ц. 4 р.

ТВЭНЪ, МАРКЪ (Самуэль Клеменсъ). Принцъ и Нищій. Историч. ром. для юношества всѣхъ возрастовъ. Съ 150 рисун. Изд. 3-е. Ц. 2 р.

— Приключенія Тома. Перев. съ англ., съ 109 рис. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

— Приключенія Финна. Съ 172 рис. въ текстѣ Пер. съ англ. Цѣна въ хромолитогр. папкѣ 3 р.

— Американскіе рассказы. Пер. съ англ. Ц. 50 в.

ТРИРОГОВЪ, В. Община и подать. Собраніе изслѣдованій. Ц. 2 р.

ТРУБАЧЕВЪ, С. Пушкинъ въ русской критикѣ (1820—1880). Ц. 2 р.

ТЪБЕРРИ, О. Местъ варбонариевъ. Ром. изъ врем. второй Имперіи. Ц. 1 р.

УСПЕНСКІЙ, Н. Рассказы. Ц. 1.

УЭЛЬКЕНСЪ. Древнеримская жизнь. Пер. съ англ. (примѣч. М. Стратилатова). Съ 14-ю грав. Ц. 60 в.

ФАРРАРЪ, Ф. Святой Іоаннъ Златоустъ (Перев. съ англ.). Роскошное изд. на велен. бумагѣ, большой форматъ. Ц. 1 р.

— На разсвѣтѣ христіанства. Историч. романъ изъ времени Нерона. Ц. въ изящ. колен. перепл. 2 р. 75 в.

ФЕДОРОВЪ. Абиссинія. Историко-географическій очеркъ. Съ картою. Ц. 75 в.

ФЮРЕНТИНИ, И. Изабелла Орсини, герцогиня Браччіано. Историческій романъ. Съ 28 гравюрами. Ц. 1 р. 50 в.

ФЛАММАРІОНЪ, К. Уранія. Путешествіе въ небесныя пространства. Изящное изданіе на веленевой бумагѣ. Ц. 75 в.

ФЛОРИНСКІЙ, В. М. Домашняя медицина. Ле-

чебникъ для народнаго употребленія. Изд. 5-е, испр. Ц. 3 р. 50 к.

ФОФАНОВЪ, К. Стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.

ФРАНЦЪ, Ан. Александрійская куртизанка. Романъ изъ первыхъ вѣковъ христіанства. Ц. 50 к.

ФРЕНЦЕЛЬ. Въ волотомъ вѣкѣ. Ист. р. Ц. 2 р.

ФРИМАНЪ, Э. А. Очеркъ исторіи Европы. Перев. Стратилатова. Съ 6-ю кар. Ц. 60 к.

ФУРМАНЪ, П. Р. Дочь шута. Ром. изъ временъ императрицы Анны Іоанновны. Ц. 1 р. 50 к.

— Русскій граверь. Истор. пов. 1725 и 1726 гг. Ц. 75 к.

ХМЫРОВЪ, И. Азбука Икса. Задачникъ по алгебрѣ и геом. съ подр. рѣш. и отвѣтами. Ц. 2 р. 50 к.

ХРУЩОВЪ, И. И. Къ исторіи русскихъ почтъ. Очеркъ ямскихъ и почтовыхъ учрежденій отъ древнихъ временъ до царствованія Екатерины II. Съ портретами, снимками и картами. Ц. 2 р. 50 к.

ЧЕРКАСОВЪ, А. Записки охотника Восточ. Сибири. Изд. 2-е, испр. и доп. Съ рисунк. Ц. 4 р.

ЧЕРМНЫЙ А. Н. Море и Моряки. (Морскіе очерки). Изд. 2-е, дополненное. Ц. 1 р.

ЧЕРНИГОВЕЦЪ, Ф. В. Стихотворенія. Ц. 2 р.

ЧЕРЧЪ, А. Двѣ тысячи лѣтъ назадъ, или приключенія молодого римлянина. Пер. съ англ., съ рис. Ц. въ изящ. кол. пер. 2 р. 75 к.

ЧЕХОВЪ, Ан. Въ сумеркахъ. Очерки и рассказы. Изд. 7-е. Ц. 1 р.

— Рассказы (Счастье.— Гифъ.— Ванька.— Свириль.— Переваги-поле.— Задача.— Степь.— Тина.— Тайный совѣтникъ.— Письмо.— Поцѣлуй). Изд. 7-е. Ц. 1 р.

— Хмурые люди, рассказы. Изд. 3-е. Ц. 1 р.

— Пестрые рассказы. Изд. 3-е, исправл. Ц. 1 р.

— Дуэль. Пов. Ц. 1 р. Изд. 2-е. На велен. б. Ц. 2 р.

— Каштанка. Рассказъ. Изд. 2. Съ рис. въ текстъ. Ц. 50 к., въ изящ. пер. 1 р.

— Палата № 6. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

ЧЕХОВЪ, Ал. Химическій словарь Фотографа. Составлено по Фуртве и др. иностраннымъ и русскимъ источникамъ. Ц. 75 к.

ЧУЙКО, В. В. Шевцирь, его жизнь и произведенія. Съ 33 грав. Ц. 5 р.

ЧЮМИНА, О. (Михайлова). Стихотворенія. (1884—1888). Ц. 1 р. 50 к.

ШАШКОВЪ, С. С. Исторія русской женщины. Изданіе 2-е, испр. и доп. Ц. 1 р. 75 к.

ШИЛЛЕРЪ, его жизнь и избранннн стихотворенія. Съ 43 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ изящ. пер. 2 р. 10 к.

ШОПЕНГАУЭРЪ, А. Свобода воли и основы морали. Двѣ основныя проблемы этики. Ц. 2 р.

— Житейская мудрость. Афоризмы и максимы. Изд. 3-е, дополн. Ц. 2 р.

— То же. Томъ II, съ портр. А. Шопенгауэра. 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.

ШПАЖИНСКІЙ, И. В. Драматическія сочиненія Томъ I (Маюрша.— Легкія средства.— Кручина.— Фофанъ.— Прахомъ пошло!). Ц. 1 р. 50 к.

ШТЕРНЪ, А. Всеобщая исторія литературы. Перев. съ нѣмец., допол. библиограф. указ. Ц. 2 р.

ШТИНДЕ, В. Госпожа Бухгольцъ на Востоцкѣ. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р.

ЩЕГЛОВЪ, И. Дачный мужъ, его похождения, наблюденія и разочарованіе. — Въ горахъ Кавказа. Картины минеральныхъ нравовъ. Ц. 1 р.

— Корделія. — Миньона. — Петерб. идиллія. — Кожаный актеръ. — Миръ праху. Ц. 1 р.

ЭБЕРСЪ. Дочь египетскаго царя. Истор. ром., рассказанный для юношества О. Шапиръ. Съ рис. Ц. въ переплетѣ 2 р.

ЭЛЬШЕ. Калейдоскопъ, изъ области теоретическаго и прикладнаго знаній. Изд. 2-е, исправлен. и дополн. Ц. 1 р.

— То же. 2-я серія. Ц. 1 р. 20 к.

— Обиходная рецептура. Ц. 1 р. 50 к.

— То же. Серія вторая. Ц. 1 р. 75 к.

ЭНГЕЛЬГАРДТЪ, А. Н. О хозяйствѣ въ сѣверной Россіи и примѣненіи въ немъ фосфоритовъ. Сборникъ сельско-хозяйствен. статей. 1872—1888. Ц. 2 р.

ЯКОВЛЕВЪ, П. (И. Я. Павловскій). Очерки современной Испаніи 1884—1885. Ц. 3 р.

— Маленькіе люди съ большимъ горемъ. Рассказы. Ц. 1 р.

ЯКОВЛЕВА, Н. В. Туда и обратно. Изъ заграничной поѣздки. Ц. 1 р. 25 р.

ӨЕДОТОВЪ, А. Ф. Про бѣлаго бычка. Комедія въ 4-хъ дѣйств. Ц. 1 р.

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА СУВОРИНА

60 КОП. КАЖДЫЙ ТОМЪ 60 КОП.

1. ДЮМА, Ал. Королева Марго. Романъ въ 6-ти частяхъ. Книга I-я. Части 1-я, 2-я и 3-я.

2. То же. Книга II-я. Части 4-я, 5-я и 6-я.
3. — Три мушкетера. Романъ. Книга I-я.

4. — То же. Книга II-я.
5. БАЛЬЗАКЪ. Шагренова кожа. Романъ.
6. ПРЕВО, аббатъ. Исто-

рія Манонъ Леско и кавалера де-Грие. Романъ.

7. КРЭКЪ, А. Д. Эмилій. Повѣсть изъ эпохи голеній на христіанъ при Деціи и Валеріи. Пер. съ англійск.

8. ЧАРЛЬСА КИНГ-СЛЕЯ. Ипатія или новые враги подъ старой личиной. Ром. Томъ I-й.

9. То же. Томъ II-й.

10. ЖОРЖЪ ЗАНДЪ. Орасъ. Романъ.

11. МЕРИМЕ, П. Жаке-рія. Сцены изъ феодальныхъ временъ.

12 и 13. ДИККЕНСЪ, Ч. Лавка древностей. Романъ.

14. ГЕТЕ, В. Страданія молодого Вертера. Романъ.

15. МАРКА БАСАНИ-НА. Клубъ Козицкаго дворянства. Романъ.

16. ФИЛЬДИНГА. Исторія Тома Джонса-Найденыша. Романъ. Томъ I-й.

17. То же. Томъ II-й.

18. То же. Томъ III-й.

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА

При выпискѣ книгъ „Дешевой Библиотеки“ можно обозначать, вмѣсто названія книги, номеръ, подъ которымъ она здѣсь обозначена.

1. ГРИБОѢДОВЪ, А. С. Горе отъ ума. Ком. въ 4 д. въ стихахъ. Съ биограф. и портр. автора. Изд. 10-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

2. ФОНВИЗИНЪ, Д. И. Двѣ комедіи: I. Бригадиръ. Въ 5 д. II. Недоросль. Въ 5 д. Съ биограф. и портретомъ автора и объяснительнымъ словаремъ. Изд. 8-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

3. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Повѣсти. Изд. 5-е. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 коп.

4. МЕРЗЛЯКОВЪ и ЦЫГАНОВЪ. Русскія пѣсни. Съ очеркомъ жизни обоихъ поэтовъ. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к., на вел. бум. 20 к.

5. НАРЪЖНЫЙ. Бурсакъ. Ром. Изд. 3-е. Ц. 35 к., въ папкѣ 43 к., въ перепл. 60 к., на велен. бум. 65 к.

6. ЛОМОНОСОВЪ, М. В. Избранныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Съ портр. и биограф. М. В. Ломоносова. Изд. 2-е. Ц. 40 к., въ папкѣ 48 к., въ перепл. 60 к.

7. К С А В Б Е - де-МЕСТРЪ. Параша-Сибирячка. Разсказъ. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

8. АНЕКДОТЫ и остроумныя изреченія, выбранныя изъ сочиненій

лучшихъ древнихъ писателей. 5-е изд. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ переплетѣ 30 к.

9. КУКОЛЬНИКЪ, Н. В. Историческія повѣсти. Кн. 1-я (Авдотья Лихонича. — Купецъ Капустинъ. — Прокуроръ). Съ портрет. Петра Великаго. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к., на вел. бум. 30 к.

10. — То же. Кн. 2-я. (I. Сказаніе о снѣмѣ и зеленомъ сунитѣ. — II. Чарсовой). Съ портр. князя Н. Ѳ. Долгорукова. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

11. — То же. Кн. 3-я. (Позументы. — Новый годъ). Съ гравюрой: Солдаты Петровскаго времени. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к., на вел. бум. 30 к.

12. ВЕНЕВИТИНОВЪ. Полное собраніе стихотвореній. Съ биограф. и портр. автора. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

13. ХЕМНИЦЕРЪ И. Полное собраніе басенъ и сказокъ. Съ биограф. и портр. автора. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

14. КУКОЛЬНИКЪ, Н. В. Историческія повѣсти. Кн. 4-я (Чернышевскій миръ. — Осталь и Ульяна. — Старый хламъ). Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.,

въ перепл. 35 к., на вел. бум. 30 к.

15. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Великій вн. Димитрій Иоанновичъ, прозваніемъ Донской. Ц. въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к., на вел. бум. 20 к.

16. КАПНИСТЪ, В. Ябеда. Ком. въ 5 д. Съ портр. и биограф. автора. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

17. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Царствованіе Феодора Иоанновича (Правленіе Бориса Годунова. — Убіеніе царевича Димитрія. — Состояніе Россіи въ концѣ XVI в.). Ц. въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

18. КУКОЛЬНИКЪ, Н. В. Повѣсти. Кн. 5-я (Запорожцы. Исторія. Быль времени Екатерины Великой). Изд. 2-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ переплетѣ 30 к.

19. МАРЛИНСКІЙ, А. (А. А. Бестужевъ). Аммалать-Бекъ, Кавказ. быль. Съ портр. автора. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.

20. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Царствованія Бориса Феодоровича и Лжедмитрія. Ц. въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

21. МАРЛИНСКІЙ, А. (А. А. Бестужевъ). Страшное гаданіе. — Два вечера на бивуакѣ. — Вечеръ на Кавказскихъ водахъ въ 1824 г. Изд. 2-е. Ц. 25 к.,

въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 45 к.

22. — Мулла - Нуръ. Быль. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.

23. — Разсказъ офицера, бывшаго въ плѣну горцевъ. — Красное покрывало. — Ночь на кораблѣ. — Осада. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

24. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Царствованіе Василія Іоанновича Шуйскаго и междоусобице. Ц. въ папкѣ 28 коп., въ переплетѣ 40 коп.

25. МАРЛИНСКИЙ, А. (А. А. Бестужевъ). Фрегатъ Надежда. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 45 к.

26. — Мореходъ Никитинъ. — Романъ и Ольга. — Замоѣбъ Эйзенъ. — Шахъ Гуссейнъ. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 45 к.

27. ПОЛЕВОЙ, Н. А. Повѣсть о Суздальскомъ князѣ Симеонѣ. Историч. пов. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

28. КОХАНОВСКАЯ. Кирила Петровъ и Настасья Дмитрова. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 25 коп., въ папкѣ 33 к.

29. — Послѣ обѣда въ гостяхъ. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

30. — Старина. Семейная память. Пов. Изд. 2-е. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к.

32. МАРЛИНСКИЙ, А. (А. А. Бестужевъ). Назвды. Повѣсть 1613 г. — Измѣнникъ. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.

33. КУКОЛЬНИКЪ, Н. В. Повѣсти. Кн. 6-я (Сержантъ Ивановъ или всѣ заодно. — Вольный гетманъ Панъ Савва. — Староста Маланья). Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

34 и 35. ДИККЕНСЪ, Ч. Оливеръ Твистъ. Ром. въ 2-хъ ч. Изд. 3-е. Ц. 0 к., въ папкѣ 58 к., въ перепл. 80 к.

36. — Историческ. разсказы. I. Царь Алексѣй съ соколомъ. — II. Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя. — III. Екатерина Великая на Днѣпрѣ. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

37. — Украинскія сказки. 8-е изд. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

38. БОГДАНОВИЧЪ, И. Душенька. Древн. пов. въ вольн. стихахъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

39. ШЕКСПИРЪ, В. Гамлетъ. Траг. въ 5-ти дѣйств. Перев. съ англ. Н. А. Полеваго. Съ допол., вариантами по другимъ переводамъ. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к., на веленев. бум. 50 к.

40. ПОГОРЕЛЬСКИЙ, А. Монастырка. Ром. въ 2-хъ ч. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.

41. СОЛОГУБЪ В. А. (графъ). Повѣсти и разсказы. Кн. I. Аптекаряша. — Метель. — Неовонченныя повѣсти. Съ портр. автора. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

42. — То же. Кн. II. Исторія двухъ валошь. — Нечистая сила. — Воспитанница. Изд. 2. Ц. 25 к.

43. — То же. Кн. III. Большой свѣтъ. — Медвѣдъ. Изд. 2-е. Ц. 25 к. Три книги въ одномъ перепл. 1 р.

44. ШЕКСПИРЪ, В. Король Лиръ. Траг. въ 5-ти дѣйств. Перев. А. В. Дружинина. Съ предисл. и замѣчан. о трагедіи и о характ. ея Кольриджа, Шлегеля, Бюхнера, Джемисонъ, Дружинина. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к., на желен. бум. 50 к.

45 и 46. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Письма русскаго путешествен. Со статьею Ѳ. И. Буслаева, съ портр. автора и рис. 2 т. Изд. 2-е. Ц. 1 р., на вел. бум. 2 р.

47. ШЕКСПИРЪ, Г. Отелло, венеціан. мавръ. Тр. въ 5 д. Перев. П. И. Вейнберга. Съ предисловіемъ и мнѣніями о характерахъ трагедіи Ферривала, Джонсона, Кольриджа, Шлегеля, Крейссига, Рюмелина, Мезьера. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к., на вел. бум. 50 к.

48. ДЕЛЪВИГЪ, А., баронъ. Полное собраніе стихотвореній. Изд. 3-е. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к., на вел. бум. 40 к.

49. ОЗЕРОВЪ, В. Эдигъ въ Афинахъ. Траг. въ 5-ти дѣйств. въ стихахъ съ хорами. — Дмитрій Донской. Тр. въ 5-ти дѣйств. въ стихахъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

50. ЛѢСКОВЪ, Н. Пов. и разсказы. Кн. I. Скомоорохъ Памфалонъ. — Спасеніе погиб. Ц. 20 к., въ пап. 28 к., въ пер. 40 к.

51. — Кн. II. Очарованный странникъ. Ц. 20 к., въ папѣ 23 к., въ переплетѣ 40 к.

52. АВЛЕСИМОВЪ, А. О. Мельникъ волдунъ, обманщикъ и сватъ. Комич. опера въ 3 д. Изд. 2-е. Ц. 8 к., въ папѣ 16 к., въ перепл. 28 к.

53. ШЕКСПИРЪ, В. „Макбетъ“. Траг. въ 5 д. Пер. А. Кронеберга. Съ предислов. и мнѣніями о „Макбетѣ“ Кольриджа, Галлама, Найта, Гензе, Мезьера, Рюмелина. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к., на вел. бум. 50 к.

54. ДАНИЛЕВСКИЙ, Г. П. Семейная Старина. Кн. I. Прабабушка. — Тѣнь прадѣда. Ц. 10 к.,

въ папѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

55. — ДАНИЛЕВСКІЙ, П. Г., Кн. II. Дѣдовъ гѣсъ. — Бабушкинъ рай. Ц. 25 к. за обѣ книги, въ папѣ 33 к., въ переплетѣ 45 к.

56. ШИЛЛЕРЪ, Ф. Духовидецъ. Пер. М. Коршъ. Ц. 15 к., въ папѣ 23 к., въ перепл. 25 к.

56. ЛЬБОВА, А. Марина Мнишевъ. Историч. поэма въ 5 д. Ц. 15 к., въ пап. 23 к., въ переплетѣ 35 к.

57. ЛЪСКОВЪ, Н. С. Повѣсти. Кн. III. Запечатлѣнный ангель. Ц. 20 к., въ папѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

58. ШЕКСПИРЪ, В. Король Ричардъ III. Др. въ 5 д. Перев. А. Дружинина. Съ предисловіемъ и примѣч. Ц. 25 к., въ папѣ 33 к., въ перепл. 75 к.

59. МОРДОВЦЕВЪ, Д. Л. Кумъ Иванъ. Историч. быль. Ц. 10 к., въ папѣ 8 к., въ перепл. 30 к.

60. ДОСТОЕВСКІЙ, Ѳ. М. Бѣдные люди. Ром. Ц. 15 к., въ папѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

61. ШИЛЛЕРЪ, Ф. Марія Стюартъ. Тр. въ 5 д. Перев. А. Шишкова. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папѣ 33 к., въ перепл. 45 к.

62. ДМИТРИЕВЪ, И. Сказки, басни и апологи. Съ портр. и биограф. автора. Ц. 15 к., въ папѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

63. ФЛОБЕРЪ, Г. Саламбо. Ром. Ц. 40 к., въ папѣ 45 к., въ перепл. 60 к.

64. ПОГОРЕЛСКІЙ, А. Черная вурица или подземные жители. Волшебная пов. для дѣтей. Ц. 5 к., въ папѣ 13 к., въ перепл. 25 к.

66. ЛЪСКОВЪ, Н. С. Котинъ Доилецъ. Пов. Ц. 10 к., въ папѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

67. ПОЛЕВОЙ, Н. А. Дѣдушка русскаго флота.

— Параша Сибирячка. Ц. 15 к., въ папѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

68. ЭЗОПЪ. Избранныя басни. Перев. съ греч. В. Алексѣева. Ц. 15 к., въ папѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

69. ЛЪСКОВЪ, Н. С. Старые годы въ селѣ Плодомасовѣ. Три очерка. Ц. 20 к., въ папѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

70. КВИТКО - ОСНОВЬЯНЕНКО, Гр. Ѳ. Панъ Халаяскій. Ц. за 2 части 50 к., въ папѣ 58 к., въ перепл. 75 к.

71. БЪЖЕЦКІЙ, А. Н. Сраженіе. — Разстрѣлянный. — Нарочный. — Испытаніе волонтеровъ. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

72. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Исторія государства Россійскаго Т. I. Ц. 20 к., въ папѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

72. — То же. Т. II. Ц. 20 к., въ папѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

73. ЛЪСКОВЪ, Н. С. Инженеры - Безсребреники. Изъ исторіи о трехъ праведникахъ. Ц. 15 к., въ папѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

74. МАРЛИНСКІЙ, А. (А. А. Бестужевъ). Лейтенантъ-Бѣлосоръ. Ц. 15 к., въ пап. 23 к., въ перепл. 35 к.

75. — Латниги. Разск. партизанскаго офицера. Ц. 10 к., въ папѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

76. ЧЕХОВЪ, Ан. Дѣтвора. Ванька. — Событіе. — Кухарка женится. — Бѣглець. — Дома. Ц. 15 к., въ папѣ 23 к., въ перепл. 25 к.

77. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Исторія государства Россійскаго. Т. III. Ц. 20 к., въ папѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

77. — То же. Т. IV. Ц. 20 к., въ папѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

78. ДАВЫДОВЪ, Д. В. Стихотворенія. Съ биограф.

и портр. автора. Ц. 15 к., въ папѣ 23 к., въ переплетѣ 25 к.

79. КОЗЛОВЪ, И. Три поэмы. Чернецъ. — Книгина Наталія Борисовна Долгорукая. — Безумная. Съ биограф. и портр. автора. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

80. БАЙРОНЪ, лордъ. Невѣста Абидосская. Турецкая повѣсть. Перев. И. И. Козлова. Изд. 2-е. Ц. 10 к., въ папѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

81. ЕВРИПИДЪ, Медея. Траг. Перев. съ греч. В. Алексѣева. Ц. 10 к., въ папѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

82. КОТЛЯРЕВСКІЙ, И. П. Москаль - Чаривныкъ. Малоросс. опера въ 1 д. Ц. 7 к., въ папѣ 15 к., въ перепл. 27 к.

83. — Наталка Полтавка. Малоросс. опера въ 2-хъ д. Изд. 2-е. Ц. 7 к., въ папѣ 15 к., перепл. 27 к.

84. — Енеида, перелицеванная на малоросс. языкъ. Изд. 2-е. Ц. 20 к., въ папѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

84. БОМАРШЕ, П. Севильскій Цирюльникъ или безполезная осторожность. Ком. въ 4 д. Перев. А. Чудинова. Съ биограф. автора. Ц. 15 к., въ папѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

85. ДОЛГОРУКАЯ, Н. Б., княгиня. Записки. Съ портретомъ и рисунками. Ц. 20 к., въ папѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

86. ПОХОДЪ Аргонатовъ. Древнія греческія сказанія. Съ рис. Ц. 10 к., въ папѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

87. БОМАРШЕ, П. Безумный день или женитьба Фигаро. Ком. въ 5 д. (1784). Пер. А. Чудинова. Ц. 20 к., въ папѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

88. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Исторія государства Россійскаго. Т. V. Ц. 20

коп., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

89. ШЕКСПИРЪ, В. Корюланъ. Траг. въ 5 д. Перев. А. Дружинина. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.

90. ОДОЕВСКИЙ, Ѡ. В. князь. Сказки и рассказы дѣдушки Иринаея. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

91. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Исторія государства Россійскаго. Т. VI. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

92. — То же. Т. VII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

94. — Исторія Государства Россійскаго. Т. VIII. Ц. 20 к. въ пап. 28 к., въ пер. 40 к.

96. — То же. Т. IX. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

96. — То же. Т. X. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

97. — То же. Т. XI. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

98. — То же. Т. XII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

99. ЕВРИПИДЪ. Гипполитъ. Траг. Съ греч. перев. В. Алексѣевъ. Съ введ. и примѣч. Ц. 10 к., въ пап. 18 к., въ пер. 30 к.

100. ЛАМАРТИНЪ, А. Иоанна д'Аркъ (Орлеанская дѣва). Съ рисунками. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ перепл. 32 к.

101. ЕВРИПИДЪ. Ифигенія въ Авлидѣ. Др. Съ греческ. перев. В. Алексѣевъ. Съ введ. и примѣч. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

102. — Ифигенія въ Тавридѣ. Др. Съ греч. перев. В. Алексѣевъ. Съ введ. и примѣч. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.

103. ЭСХИЛЬ. Прикованный Прометей. Перев. съ греч., съ введ. и при-

мѣч. В. Алексѣева. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

104. МОЛЬБЕРЪ. Школа жёнъ. Ком. въ 5 д. Перев. въ стихахъ. В. Лихачева. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

105. ЕКАТЕРИНА II, императрица. Избранныя сочиненія. Кн. I. Педагогическія сочиненія. I. Разговоръ и рассказы. — II. Гражданское начальное учение. — III. Сказка о царевичѣ Хлорѣ. — IV. Записки. — V. Сказка о царевичѣ Февѣ. — VI. Инструкція князю Салтыкову. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

106. — То же. Кн. II. Были и небылицы. Ц. 20 к., въ пап. 28 к., въ пер. 40 к.

107. То же. Кн. III. Драматич. сочиненія. О времени! — Г-жа Вѣстникова съ семейю. — Передняя сънатнаго боярина. — Горьбогатырь Косометовичъ. — Новгородскій богатырь Боослаевичъ. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.

109. ТЕРЩИГОРЕВЪ, С. Н. (АТАВА). Рассказы. I. Въ раю. — II. Аверьянъ Михѣевъ и его жильцы. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

110. ОДОЕВСКИЙ, В. Ѡ. Повѣсти. Кн. I: Бригадиръ. — Баль. — Насмѣшка мертвеца. — Послѣдній кварталъ Бетховена. — Импровизаторъ. — Себастьянъ Бахъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перес. 35 коп.

111. — Кн. II: Княжна Мими. — Княжна Зизи. Ц. 15 к., въ папкѣ 22 к., въ перепл. 35 к.

112. — Кн. III: Саламандра. — Эльза. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

113. Герои и героини греческихъ трагедій въ разсказахъ для всѣхъ возрастовъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

114. ГЕТЕ, В. Фаустъ. Драматическая поэма. Переводъ Н. Холодковского. Изданіе, исправленное переводчикомъ. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 45 к.

115. МОЛЬБЕРЪ. Скупой. Комедія въ пяти актахъ. Переводъ В. С. Лихачева. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

116. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО, В. И. Лѣтомъ и зимою на Шипѣ. 1877—1878. Изъ воспоминаній военнаго корреспондента). Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

123. ПУШКИНЪ, А. С. Поэмы и сказки. Съ прил. биографіи А. С. Пушкина, портретомъ его и рисункомъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

124. — Драматическія произведенія. Съ приложеніемъ портрета и рисунковъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 коп.

125. — Стихотворенія. Съ примѣчаніями къ нимъ и портретами Пушкина, его отца, матери и жены. Ч. I. Ц. 15 коп., въ папкѣ 23 коп.

126. — Стихотворенія. Съ примѣчаніями къ нимъ и двумя рисунками. Ч. II. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

127. — Евгений Онѣгинъ. Съ дополненіями и вариантами. Ц. 15 к.

128. — Повѣсти (Повѣсти Бѣлкина. — Дубровскій. — Капитанская дочка. — Пиковая дама. — Кирджали. — Арапъ Петра Великаго. — Исторія села Горохина. — Рославлевъ. — Египетскія ночи). Ц. 15 к.

129. — Исторія Пугачевского бунта. — Путешествіе въ Эрзерумъ. Ц. 15 к.

130. — Письма въ разнымъ лицамъ. — Письма къ женѣ. Ц. 15 к.

131. — Дневникъ. — Записки. — Историч. статьи и разныя замѣтки. Ц. 15 к.

132. — Лицейскія стихотворенія и отрывки. Ц. 15 к.

133. ЛЕРМОНТОВЪ, М. Ю. Герой нашего времени. Ром. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.
134. — „Маскарадъ“, драма въ 4-хъ д., въ стихахъ, и „Маскарадъ“, драма въ 5-ти д., въ стих. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.
135. — Стихотворенія. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к.
136. — Поэмы „Мицри“ и „Демонъ“. Ц. 8 к., въ папкѣ 16 к.
137. — Кавказскія поэмы. Ц. 15 коп.
138. — Поэмы. „Бояринъ Орша“ и „Казначейша“. „Литвинка“, „Ангельская Смерть“, „Исповѣдь“, „Азраиль“, „Корсаръ“, „Джульо“. Ц. 10 к.
139. — Выбранныя юношескія стихотворенія. Съ портретами. Ц. 12 к.
140. ЖОРЖЪ ЗАНДЪ. Чортово Болото. Ц. 15 к.
141. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО, В. И. I. Въ пустыняхъ.—II. Затерянные въ океанѣ.—III. Въ тихой и мирной пристани. (Жизнь и природа у океана). Ц. 20 к.
145. БАЙРОНЪ. Сардапалъ. Трагедія. Ц. 20 к.
146. БУРЕНИНЪ, В. Плъинникъ Византии. Драма въ 4-хъ дѣйств. Ц. 15 к.
147. РЫЛѢВЪ. Думы и поэмы. Ц. 20 к.
153. ВО ДНИ ОНЫ. (Бенъ-Гуръ). Повѣсть изъ первыхъ лѣтъ христіанства (Ben-Hur by Lewis Wallace). Передѣлано съ англійскаго Е. Бекетовой. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 45 к.
154. ДИККЕНСЪ, Ч. Давидъ Копперфильдъ Младшій. Его жизнь, приключенія, опыты и наблюденія. Часть. I. Ц. 25 к.
155. — То же, часть II. Ц. 35 к.
156. — То же, часть III. Ц. 25 к.
157. — То же, ч. IV. Ц. 10 к.
158. ПЛУТАРХЪ. Сравнительныя жизнеописанія. Т. I. Выпускъ I-й. Тезей и Ромуль. Ц. 15 к.
159. — То же. Выпускъ 2-й. Ливургъ и Нума Помпилий. Ц. 15 к.
160. — То же. Выпускъ 3-й. Солона и Валерій Попливола. Ц. 15 к.
161. — То же. Т. II. Выпускъ. 1-й. Фемистокль и Камиллъ. Ц. 15 к.
162. — То же. Выпускъ 2-й. Перикль и Фабій Максимъ. Ц. 15 к.
163. — То же. Выпускъ 3-й. Алкибиадъ и Коріоланъ. Ц. 15 к.
164. — То же. Т. III. Вып. 1-й. Тимoleonъ и Павелъ Эмили. Ц. 15 к.
165. — То же. В. 2-й. Целопидъ и Марцеллъ. Ц. 15 к.
166. То же. Вып. 3-й. Аристидъ и Катонъ Старшій. Ц. 15 к.
167. — То же. Томъ IV. Вып. 1-й. Филопаменъ и Титъ Фламининъ. Ц. 15 к.
168. — То же. Томъ IV. Вып. 2-й. Пирръ и Марій. Ц. 15 к.
169. — То же. Т. IV. Выпускъ 3-й. Лизандръ и Сулла. Ц. 15 к.
170. — То же. Т. V. Вып. 1-й. Кимонъ и Лукуллъ. Ц. 15 к.
171. — То же. Т. V. Вып. 2-й. Нивій и Крассъ. Ц. 15 коп.
172. — То же. Т. V. Вып. 3-й. Серторій и Евменъ. Ц. 15 к.
173. — То же. Т. VI. Вып. 1-й. Агезилай и Помпей. Ц. 20 к.
213. ЭПИКТЕТЪ. Афоризмы. Съ прибавленіемъ нѣсколькихъ главъ изъ его „Размышлений“. Ц. 7 к.
214. ФАРРАРЪ, Ф. Святой Іоаннъ Златоустъ. Переводъ съ англ. Ц. 15 к.
215. ГАГГАРДЪ, РАЙДЕРЪ. Копи царя Соломона. Повѣсть. Перев. съ англ. Ц. 30 к.
216. СОФОКЛЪ. Электра. Трагедія. Перев. съ греч. Ц. 12 коп.
217. ШЕКСПИРЪ, В. Ромео и Юлія. Трагедія. Переводъ. П. А. Кускова. Ц. 25 к.
218. ЕВРИПИДЪ. Іонъ. Траг. Пер. съ греч. Ц. 10 к.
219. — Алкестида. Драма. Пер. съ греч. Ц. 10 к.
220. — Вакханки. Трагедія. Пер. съ гр. Ц. 10 к.
221. — Неистовый Гераклъ. Трагедія съ введеніемъ и примѣч. Ц. 10 к.
222. КОРНЕЛЬ. Сидъ. Трагедія въ 5-ти актахъ. Пер. съ франц. въ стихахъ. Ц. 12 к.
223. ГЮГО, В. Послѣдній день осужденнаго. Ц. 12 к.
224. МОЛЬЕРЪ. Донъ-Жуанъ. Комедія въ 5 акт. Пер. съ франц. Ц. 15 к.
225. БАЛЬЗАКЪ Отецъ семейства (Père Goriot). Романъ. Пер. съ франц. Ц. 35 к.
226. ТРЕСКИНЪ, Н. Сѣверный Край Европейской Россіи и его промыслы. Ц. 10 к.
227. ТЬЕРРИ. Рассказы изъ временъ Меровинговъ. Пер. съ франц. Ц. 35 к.
228. ФАРРАРЪ, Ф. Св. Василій Великій. Пер. съ англ. Ц. 15 к.
229. — Св. Григорій Богословъ. Пер. съ англ. Ц. 15 к.
230. ЭЛЮТЬ, ДЖ. Ромола. Историческій ром. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.
231. ФЛАММАРІОНЪ. К. Уранія. Путешествіе въ небесныя пространства. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.
232. АНДРОНИКЪ КОМНЕНЪ. Повѣсть изъ византийскаго исторіи. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.
233. МОЛЬЕРЪ. Тартюфъ. Комедія въ 5-ти актахъ, въ стихахъ. (Переводъ удостоенъ почетн.

отзыва Имп. Академіи Наукъ). Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

234. БЕРНАРДЕНЪ де СЕНЪ ПЬЕРЪ. Павелъ и Виргинія. Переводъ съ франц. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

235. ЖОРЖЪ ЗАНДЪ. Бъсенокъ. Романъ. Пер. съ франц. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 40 к.

236. — Приемышъ. Романъ. Пер. съ франц. Ц.

15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

237. ДРЕВНЯЯ РОССІЙСКІЯ стихотворенія, собранныя **Миршею Даниловымъ**. Ц. 30 к., въ папкѣ 38 к., въ перепл. 50 к.

238. СТЭРНЪ. Сентиментальное путешествіе по Франціи и Италіи. Пер. съ англ. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

239. КОЛЬЦОВЪ, А. В. Стихотворенія. Съ біогра-

фіей, портрет. и рисунокъ памятника. Изд. 2-е. Ц. 10 к.

ПУШКИНЪ, А. С. Собраніе сочин. въ 10-ти т. (болѣе 4,100 с.). Съ біогр. А. С. Пушкина, съ порт., факсим., видами мѣстностей, гдѣ жилъ поэтъ. Съ алфавит. и хронологич. указ. ко всѣмъ его произв. Изданіе 3-е. Ц. за 10 том. 1 р. 50 к., въ изящномъ перепл. 3 р. 50 к., въ папкѣ 2 р. 30 к.

Изящные коленкоровые переплеты отъ 20 до 50 коп. за томикъ; папки по 8 н.

Изданія, купленные книжнымъ магазиномъ „Новаго Времени“ и находящіяся на складѣ:

ДАРВИНИЗМЪ Критическое изслѣдованіе Н. Я. Данилевскаго. Томъ I. Части 1-я и 2-я. Съ 7 таблицами рисунковъ и чертежей и съ 15-ю приложеніями. Цѣна 7 р. 50 к.

— То же. Томъ II-й (Одна посмертная глава). Съ портретами и указателемъ ко всему сочиненію. Ц. 2 р.

ЭТЮДЫ В. О. КОРША (Послѣдній романъ въ жизни Лассаля). — Судьбы Прусской монархіи отъ Фридриха В. до Іенскаго погрома. — Родъ Мирабо. Очеркъ культурной жизни 18-го вѣка. — Вольтеръ, его жизнь и сочиненія. — Нѣмецкая камелія. — Восточная война въ 50-хъ годахъ. — Ремесленные союзы въ Англіи. Съ біографическимъ очеркомъ В. Ф. Корша, написаннымъ П. Морозовымъ. Большой томъ, 587 стр. Ц. 3 р.

Гербертъ Спенсеръ. ВОСПИТАНИЕ умственное, нравственное и физическое. Пер. съ англ. Е. Сысоевой. Изд. 3-е. Ц. 85 к.

М. И. Семевскій. Очерки и рассказы изъ русской исторіи XVIII вѣка:

I. ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА, Анна и Виллиамъ Монсъ. 1692—1724. Изд. 2-е, пересмотрѣнное и дополненное. Ц. 2 р. 50 к.

II. СЛОВО И ДѢЛО 1700—1725. Тайная канцелярія при Петрѣ Великомъ. — Самуилъ Выморковъ, проповѣдникъ явленія антихриста. — Камеръ-фрейдина Гамильтонъ. — Петръ I, какъ юмористъ. Изд. 3-е, вновь пересмотрѣнное. Ц. 2 р.

ПЕРЕПИСКА БЕНЕДИКТА де СПИНОЗЫ, съ приложеніемъ Жизнеописанія Спинозы Г. Колеруса. Перев. съ латинскаго Л. Я. Гуревичъ подъ редакціей и съ примѣчаніями А. Д. Волынскаго. Съ портретомъ и факсимиле Спинозы. Ц. 6 р.

КОРДЕЛІЯ. — Миньона. — Петербургская идиалія. — Кожанный актеръ. — Проводы. — Миръ праху. Ивана Щеглова. Слб. 1891 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Военные очерки. Первое сраженіе. — Неудачный герой. — Поручикъ Поспѣловъ. — Жаренный вездъ — Идиалія. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Дачный мужъ. Его похождения — наблюденія и разочарованія. — **ВЪ ГОРАХЪ КАВКАЗА.** Картинки минеральныхъ нравовъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Гордіевъ узелъ. Романъ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Русскій мыслитель. Избранныя мысли и отрывки изъ сочиненій Гоголя, его писемъ и воспоминаній о немъ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

РУССКІЯ ДРЕВНОСТИ въ памятникахъ искусства, издаваемые графомъ И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. II-й, III-й и IV-й. Ц. въ папкѣ каждаго выпуска 1 р.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Б. М. Марневича. 11 томовъ. Ц. 15 р. **Варяги и Русь.** Историческое изслѣдованіе С. Гедесона. Ц. за 2 части 4 р.

СОЧИНЕНІЯ К. Н. БАТЮШКОВА. Со статью о жизни и сочиненіяхъ К. Н., написанно Л. Майковимъ, в примѣчаніями, составленными имъ же и В. Саитовимъ. 3 большихъ тома. Ц. 15 р.

ТРИЛОГИЯ П. К. БОМАРШЕ. („Севильскій цирюльникъ“. — „Женитьба Фигаро“. — „Преступная мать“). Съ характеристикой поэта, составленной А. И. Веселовскимъ. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.

НОВЫЯ ВЪЯНІЯ. Литературные портреты и критическіе очерки Георга Брандеса. Съ автобіографіей Брандеса и его характеристики. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

ДНЕВНИКЪ ПРОВИНЦІАЛА въ Петербургѣ. М. Е. Салтыкова (Щедрина). Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ПОМПАДУРЫ И ПОМПАДУРШИ. Его же. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

САТИРЫ въ прозѣ. Его же. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ГОСПОДА ТАШКЕНТЦЫ. Картины нравовъ. Его же. Ц. 1 р. 50 к., въ перес. 1 р. 75 к.

НЕВИННЫЕ РАЗСКАЗЫ. Его же. Ц. 1 р. 50 к., съ пересыл. 1 р. 75 к.

ВЪ СРЕДѢ УМѢРЕННОСТИ и аккуратности. Его же. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

СОЧИНЕНІЯ КНЯЗЯ Д. ГОЛИЦЫНА (Муравлина):

Теноръ. Романъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к. Рубли. Ц. 1 р. 75 к.

Князь. Повѣсть и другіе повѣсти и рассказы. Ц. 1 р. 25 к.

Около любви. Ц. 2 р.

Хворь. Ц. 1 р. 50 к.

Мракъ. Ц. 1 р. 75 к.

Баба. Ц. 1 р. 50 к.

Не убій! Ц. 75 к.

„СТОГЛАВЪ“ Иллюстрированный календарь на 1893 годъ со многими рисунками, картой желѣзныхъ дорогъ и отдѣльной хромолитографіей въ 17 красокъ съ картины ае. А. Д. Кившенко: „Военный совѣтъ въ подмосковной деревнѣ Филяхъ (1812 г.)“.

СОДЕРЖАНІЕ АЛЬМАНАХА: Лѣтопись 1891—92 г.—Некрологъ 1891—92 г. (Съ 16 портретами). — А. В.

Кольцовъ (съ портретомъ). — Военный совѣтъ въ Филяхъ 1812 г. (къ картинѣ Кившенко). — Колумбъ и открытіе Америки (съ 7 рисунками). — Важнѣйшія изобрѣтенія XIX вѣка. — Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ (съ 20 рисунками). — Холера и предохранительныя мѣры противъ нея. — Домоводство. — **ОТДѢЛЬНЫЯ ИЛЛЮСТРАЦІИ:** Волыскія иконы Божіей Матери (Почаевская, Дубенская и Успенскаго Мстиславова собора). — Гравированный портретъ Е. И. В. великаго князя Константина Николаевича. — „Молись объ урожаѣ!“, Гофмана. — Савонарола проповѣдуетъ противъ роскоши, Лангенмантеля. — Въ тѣснинахъ Дарьяла, Кондратенко. — Выходъ Хюнингенскаго гарнизона 20-го августа 1815 г., Детала. — Сцена на дорогѣ, Ковалевскаго. — Овцы, Розы Боннеръ. — Св. Троица, Рубенса. — На полѣ битвы, Фризе. — Пенсіонеры, Винчмана. Цѣна 35 коп.

Наглядное (графическое) изображеніе ПОЛЬЗЫ И ВРЕДА приносимыхъ нашими ПТИЦАМИ. Таблица по способу Бураляка, составлена Д. Кайгородовимъ. Ц. 50 к.

СОЧИНЕНІЯ А. С. ПУШКИНА.

Изданіе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, подъ редакцію и съ объяснительными примѣчаніями П. О. Морозова. Это изданіе состоитъ изъ семи томовъ. Т. I. Лирическія стихотворенія (1812—1825). Т. II. Лирическія стихотворенія (1826—1836). — Поэмы (1820—1824). Т. III. Поэмы и драматическія произведенія (1825—1823). Т. IV. Романы, повѣсти, сцены, отрывки изъ повѣстей и неоконченныя рассказы. Путешествіе (1827—1835). Т. V. Критическія, библиографическія, полемическія и историческія статьи и замѣтки. Дневникъ (1815—1837). Т. VI. Исторія Пугачевскаго бунта. Историческіе матеріалы (1832—1836). Т. VII. Письма (1816—1837). Съ портретами А. С. Пушкина, дополненными библиографическими примѣчаніями и указателемъ именъ предметовъ. Цѣна 6 руб., съ пересылкой 8 руб. Въ переплетѣ съ чернымъ тисненіемъ 8 р. 50 к., съ золотымъ 9 руб. Гг. многогородные на пересылку прилагаютъ 2 руб.

ИЗДАНИЯ А. С. СУВОРИНА

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ (А. С. Суворинъ)
въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА

Аблесимовъ.	Ламартинъ А.
Анекдоты и остроумныя изреченія.	Лермонтовъ, М. Ю.
Байронъ.	Ломоносовъ, М. В.
Бальзакъ.	Львова, А.
Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ.	Лѣсковъ, Н. С.
Богдановичъ, И.	Марлинскій, А. (А. А. Бестужевъ)
Бомарше.	Мерзляковъ и Цыгановъ.
Буренинъ В.	Мольеръ.
Бѣжецкій, А. Н.	Мордовцевъ, Д. Л.
Во дни бны (Бенъ-Гуръ).	Нарѣжный.
Веневитиновъ.	Немировичъ-Данченко, В. И.
Гете. Фаустъ.	Одоевскій, В. Ѳ.
Герои и героини греческ. трагедій.	Озеровъ, В.
Грибоѣдовъ, А. С	Перваноглу.
Гюго В.	Плутархъ.
Давыдовъ, Д. В.	Полевой, Н. А.
Данилевскій, Г.	Погорельскій, А.
Дельвигъ, баронъ А.	Походъ Аргонавтовъ.
Диккенсъ, Ч.	Пушкинъ, А. С.
Дмитріевъ, И. И.	Райдеръ Гоггардъ.
Долгорукая, Н. Б., княгиня.	Соллогубъ, В. А., графъ.
Достоевскій, Ѳ.	Софокль.
Древнія російскія стихотворенія,
собранныя Киршею Даниловымъ,	Стернъ.
Еврипидъ.	Терпигоревъ, С. (Атава).
Екатерина II, императрица.	Трескинъ. Н.
Эпиктетъ.	Тьерри.
Зандъ, Жоржъ.	Фарраръ.
Капчистъ, В.	Фламмаріонъ, К.
Карамзинъ, Н. М.	Флоберъ, Г.
Квитко-Основьяненко, Гр. Ѳ.	Фонвизинъ, Д.
Козловъ, И.	Хемницеръ, И.
Кольцовъ.	Чеховъ, Ант.
Корнель.	Шекспиръ, В.
Котляревскій, И.	Шиллеръ, Ф.
Кохановская.	Эзопъ.
Ксавье-де-Местръ.	Эліотъ, Джорджъ.
Кукольникъ, Н. В.	Эсхиль.

Изящные переплеты отъ 20 до 50 к. за томикъ, папки по 8 к.

Цѣны и подробныя оглавленія см. въ каталогѣ въ концѣ книги